

СТОЛИЦА

№ 44(50)
1991 г. 1 руб. 30 коп.

иллюстрированный еженедельник

**НАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ —
неправительственная, общественная, международная,
благотворительная, научно-творческая организация.**

МЫ СТРЕМИМСЯ к взаимообогащению культур народов и наций, утверждению общечеловеческих ценностей, всестороннему развитию личности, приобщению к культуре всех социальных слоев общества.

Как организация, деятельность которой носит гуманистический, миротворческий, благотворительный характер, Народная Академия активно сотрудничает с различными отечественными и зарубежными организациями и движениями, способными внести интеллектуальный вклад в формирование просвещенного сознания гражданина Земли.

Для осуществления намеченных гуманитарных задач и финансирования конкретных программ и акций Народная Академия занимается широкой производственной и коммерческой деятельностью в различных сферах бизнеса.

МЫ ПРИГЛАШАЕМ к сотрудничеству **КАЖДОГО**, чьи устремления совпадают с целями и задачами Народной Академии культуры и общечеловеческих ценностей.

Наши ☎: 292-23-15,
292-71-91

Подробнее о деятельности Народной Академии читайте в интервью с ее президентом Ташпулатом Тождиддиновым на страницах 27–30.

Владимир ЦВЕТОВ:

«МЫ СЛИШКОМ ЛЕГКО ПОБЕДИЛИ...»

ЦВЕТОВ Владимир Яковлевич, политический обозреватель Российской телерадиокомпании. Родился в 1933 году. В 1957 году закончил Институт восточных языков при Московском государственном университете. До 1964 года работал в АПН, затем — в Гостелерадио СССР. С 1983 по 1991 год — политический обозреватель Центрального телевидения, на Российском телевидении работает с апреля нынешнего года.

Фото Э.Кудрявицкого

— И так, тема нашей беседы — отечественная журналистика в посткоммунистическую эпоху...

— Я бы выразился пессимистичнее — в предкоммунистическую эпоху. То, что происходит сейчас в стране, — это канун возможного возвращения большевизма. И не того большевизма, которым попрекают демократов, а самого настоящего, классического.

Дело в том, что демократические силы одержали в августе слишком легкую победу. Отсюда — гибельная эйфория и среди политиков, и среди газетчиков. Если бы контрпереворот дался большей кровью, если были бы настоящие баррикадные бои (хотя, конечно, кощунственно так говорить), победители не стали бы столь легко относиться к тому, что компартия, по сути, не запрещена и работает полулегально, к тому,

что на местах по-прежнему заправляют прокоммунистические Советы и их исполкомы, к тому, что практически похоронена идея суда над КПСС, суда, который определил бы степень преступности этой партии.

А ведь большевики капитулировать не намерены. Они собираются с силами, их газеты, формально переставшие быть «органами», ведут массивную идеологическую атаку на победителей.

Общественно-политический
иллюстрированный
еженедельник

Москва, 101425, ГСП, К-51,
Петровка, 22

Телефон: 928-23-49

Телекс: 413739

Телефакс: 921-29-85

Главный редактор
Андрей МАЛЫГИН

Редакционная коллегия:

Вячеслав БАСКОВ
Юрий БЫЧКОВ
Владимир ВОЙНОВИЧ
Валерий ВЫЖУТОВИЧ
Илья ЗАСЛАВСКИЙ
Марк ЗАХАРОВ
Александр МИНКИН
Аркадий МУРАШЕВ
Анатолий ОСТРОУХОВ
(ответственный секретарь)
Владимир ПЕТРОВ
(главный художник)
Михаил ПОЗДНЯЕВ
Александр ПОЛЯКОВ
Анатолий РУБИНОВ
Петр СМИРНОВ
(зам. главного редактора)
Сергей СТАНКЕВИЧ
Галина СТАРОВОЙТОВА
Владислав СТАРЧЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
Татьяна ТОЛСТАЯ
Владимир ЦВЕТОВ
Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ
(зам. главного редактора)
Владислав ЯНКУЛИН

Учредитель: Моссовет

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.

При перепечатке ссылка на "Столицу" обязательна.

Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 928-83-40

Эксклюзивный рекламный представитель за рубежом: Ecomews, Швейцария.

Подписку за рубежом осуществляет агентство Ecomews: box 535 Lausanne 1001 Switzerland.

Fax: 41.21-311.45.11
Tel.: 41.21-311.45.05

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)

Номер подписан в печать 04.11.1991

Тираж 150000. Цена 1 р. 30 к.
(для подписчиков 1991 г. — 95 к.)

© "Столица", 1991

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени Чеховском полиграфическом комбинате Государственной ассоциации предприятий, объединений и организаций полиграфической промышленности «АСПОЛ»

142300, г. Чехов Московской области. Зак. 174 В

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

АКЦЕНТ

- 1 «Мы слишком легко победили...»
В.Цветов

ПОДОПЛЕКА

- 6 Вячеслав Комиссаров: «Попов попросил меня взять шефство над Мурашевым»
Е.Салина

ВЕРСИЯ

- 12 Вернется ли домой российский золото из Японии?
В.Сироткин

ПРИЛАВОК

- 22 Горько!
Р.Фирстова
23 Хочу малосольную конфетку
В.Басков
25 Часы—перчатки—часы
А.Купцов

ОТТУДА

- 35 Невидимые этажи советской внешней политики
Е.Новиков

АРХИВ

- 46 Бронзовые Марксы
А.Амфитеатров

БЫЛОЕ

- 54 «Пальчики в супе»
С.Мельник

ПРОЗА

- 57 Свежо предание... (из книги «Мелочи архи... прото... и просто иерейской жизни»)
М.Ардов

АРТ-САЛОН

- 64 Возмутительница спокойствия и глубокий реалист Елена Глазунова
И.Любарская

На 1-й странице обложки
фото И.Бахтина

Заведующий отделом оформления
Виктор РЕЗНИКОВ

Директор издательства
Борис РАБКИН

Над номером работали:

В.Старчевский,
О.Проханов,
Э.Петрова

- 8 Наш обозреватель А.Минкин знает, как была организована самая большая перекачка советских денег за границу. Для этого достаточно было принять новые правила для выезжающих за границу. Не для туристов. Для ПМЖ.

- 14 Психолог Петр Шихирев: «...Типичная особенность массового сознания — чрезмерно заниженные самооценки и явно завышенные оценки всего, что «за бугром». Такое бывало в истории... в России после русско-японской войны, в Германии после Версальского мира, в США после запуска советского спутника».

- 35 Е.Новиков: «Наивно думать, что те, кто правил страной в течение 74 лет, не попытаются сохранить свою власть, пожертвовав ради этого обетшавшей идеологией и старыми партийными структурами».

Помните, какими верноподданническими и архидемократичными были «Правда» и «Советская Россия» в первые дни после «второго рождения»? Но прошло время. Чем занимают эти газеты теперь? Они готовят новый коммунистический переворот. Возьмем наиболее «интеллигентную» из этой компании — «Правду». Она попросту пытается отмыть участников заговора. Публикует сплезливые письма «кремлевских жен», доказывает, что переворота на самом деле не было, а была лишь искренняя забота о трудящихся, принявшая не совсем законные формы. Ну, погорячились, ну, допустили ошибку... Так ведь не ошибается тот, кто ничего не делает...

А демократические журналисты, как это ни парадоксально звучит, помогают «гласностям» и «советским россиянам». Невольно, конечно. Просто теперь мода такая — кокетничать с «бывшими». Мы, дескать, настолько плюралистичны, что готовы дать слово абсолютно всем. Саша Любимов безо всякого своего комментария предоставляет эфир Леониду Кравченко, и тот плачется ему в жилетку перед телевизорами всей страны. Потом на страницах «Комсомолки» тот же Кравченко рассказывает читателям, какой он хороший парень, как он боролся с ГКЧП, как отстаивал честь телерадиокомпании — опять без комментария. А еще через три дня очень похожее интервью бывшего шефа Гостелерадио публикуется уже в «Правде». Случайность? Видимо, нет.

Мало того. Практически никто из левых журналистов не удосуживается давать отпор осмелевшим компартийным изданиям. А те рады стараться: публикуют все более и более провокационные статьи... Конечно, закрывать ту же «Гласность» не следует, но вот давать постоянную принципиальную оценку ее выступлениям — необходимо.

— *Левые издания, видимо, просто не хотят пинать «дохлую собаку».*

— И совершенно напрасно. В случае нового переворота пострадают в первую очередь именно великодушные журналисты-демократы.

При всей, я не побоюсь этого слова, растленности коммунистических газетчиков, они действуют, как никогда, слаженно, целеустремленно и оттого необычайно сильны. Вы видели в «Советской России» хоть одну маленькую заметку, направленную против «Правды»? Помните хоть небольшую шпильку «Красной звезды» в адрес «Гласности»? Не было такого. Их объединяет сегодня чувство общей опасности, страх за свое будущее, желание всегда иметь, по выражению одного довольно известного «прав-

диста», «хороший стол и хороший стул». Не в канцелярско-инвентарном, а чисто в физиологическом смысле. И ради этого они готовы простить друг другу что угодно.

А демократические издания, напротив, погрязли в мелких склоках, занимаются совершенно ничемным выяснением отношений, спорят неизвестно из-за чего...

— *Но ведь полемика — старейшая традиция русской журналистики. Писарев спорил с Добролюбовым, «Русское слово» с «Современником», кадеты с октябристами...*

— Вести полемику, безусловно, нужно, но исключительно по принципиальным вопросам, а не по мелочам.

Главного редактора «Независимой газеты» не пригласили на встречу газетчиков с Горбачевым. Не пригласили — и ладно. Редактора «Столицы» ведь тоже не пригласили, и нашего «главного» не пригласили. Это не повод для ругани. А «НГ» публикует на первой полосе убийственную колонку за подписью лично Виталия Третьякова. И в этой «колонке редактора» достается и «Московским новостям», и «Часу пик». Третьяков называет эти издания «новой номенклатурой» журналистики только за то, что их представители присутствовали на том злополучном рауте. У читателя в результате остается осадок: вот они какие, «Московские новости»-то! Зачем? Неужели нельзя было наговорить тех же гадостей друг другу с глазу на глаз, в курилке?

Совсем другое дело — если какое-то издание начнет потихоньку скатываться в сторону «Гласности». Тут, безусловно, нужно предупредить читателя об этом, тут необходима принципиальная полемика.

— *Мне кажется, у демократической прессы есть грех куда более тяжкий, чем междуусобицы. Ни газеты, ни телевидение, по существу, ничего не сделали для того, чтобы российские власти сразу вслед за августовским контрпереворотом начали осуществлять жесткие рыночные меры. Вместо того чтобы постоянно подталкивать политиков в спину, журналисты бесконечно долго смаковали тему переворота, склоняли так и эдак Язова и Пуго...*

— Вы правы. Ленин ведь не случайно писал, что газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но и коллективный организатор. Здесь я с ним солидарен. Левая печать действительно могла сыграть в сентябре-октябре консолидирующую, организующую роль. Но не сыграла. И как раз из-за междуусобицы, из-за пустых ссор.

Я не призываю к единомыслию; к единомыслию, к возврату «партийных принципов» руководства журналистикой. Вы можете отстаивать одну программу, я — другую. Но соперничество, борьба мнений в нашем лагере должны быть не ПРОТИВ чего-то, а ЗА что-то. Для выступлений ПРОТИВ, по-моему, остался один-единственный объект — возрождающийся российский коммунизм.

— *Получается, нужно во что бы то ни стало поддерживать новую власть, какие бы ошибки она ни допускала?*

— Не обязательно. Хотя... Знаете, ведь послевоенные преобразования в Японии осуществлялись оккупационной армией. Парламент единодушно голосовал за все предложенные американцами законы — фактически он работал под дулами винтовок. Компартия вообще некоторое время была под запретом. И ни одна газета пикнуть не смела.

А сегодня Япония — одна из самых демократических стран в мире, ее граждане имеют все права и свободы, какие только придумало человечество со времен Великой Французской революции. Степень свободы японской печати такая, что нам и не снилась: там нет даже закона об охране военных и государственных тайн — в принципе, согласно конституции, никаких военных секретов быть не должно.

И вот этой наивысшей степени свободы общество достигло благодаря жесткой руке, железной руке, не коммунистической, подчеркну. В Южной Корее демократические реформы вообще проводила диктатура. Поскольку азиатчина у нас почти такая же, как в Корее, а склонность к вождизму никак не меньше, чем у японцев, быть может, этот путь нам годится. И не следует газетчикам лить слезы по поводу «притеснения коммунистов», «разгона Верховного Совета» или «ущемления прав исполкомов».

— *В этом случае оппозиционными, а следовательно, изначально более привлекательными для читателя останутся лишь «Гласность» да «Советская Россия».*

— Тираж воскресного выпуска газеты японских коммунистов «Акахата» достигает двух с половиной миллионов экземпляров. «Акахата» пишет о том, что остается в других газетах за кадром. Видимо, поэтому и популярна. Но она никогда не будет заниматься тем, чем занимается «Советская Россия». Стоит появиться хоть одной публикации типа тех, какими уснащают свои полосы наши компартиздания, и газета немедленно получит мощный отпор, причем со стороны всей остальной прессы одновременно.

Если вдруг возникнет угроза существ-

вующему строю, если кто-то начнет подрывную деятельность, все издания, независимо от политической ориентации, будут единодушны в поддержке правительства. Потому что это правительство легитимно, оно не захватывало власти насильственным путем, ему отдал свой голос народ.

В нашем случае легитимно именно российское правительство, а газеты компартии ведут не оппозиционную, а именно подрывную работу.

— *Надеюсь, опасность нового коммунистического переворота рано или поздно минует. В этом случае упрощенное деление изданий на «левые» и «правые» тоже станет анахронизмом. Наверное, должен появиться более достойный принцип «размежевания» газет и журналов?*

— До тех пор, пока основным потребителем информации у нас будет деклассированный люмпен, издания, вполне естественно, будут чрезвычайно похожи друг на друга.

Расслоение прессы, видимо, будет происходить вместе с расслоением аудитории, так, как это было, например, в той же Японии.

Японское общество сейчас очень разнородно. Разнороден даже наиболее многочисленный средний класс. И столь же разнородна тамошняя пресса. Ее структура точно воспроизводит структуру общества, его вкусы и политические взгляды, психологию, стереотипы мышления. Газета «Санкэй», скажем, более консервативна, рассчитана главным образом на предпринимателей, «Асахи» — издание для интеллигенции. Существует огромное количество эротических журналов — значит, и у них есть свой потребитель.

Но у многослойной японской печати есть некий единый стержень: при всем достаточно критическом, а порой острокритическом отношении к правительству она не посягает и никогда не посягнет на устои общества — на частную собственность и на рыночную систему хозяйства. Ведь практически все издания и телепрограммы — сами по себе частная собственность, акционерные предприятия, дающие прибыль владельцам.

— *Большинству наших газет и журналов рано или поздно тоже, видимо, придется стать частной собственностью. Не повторится ли в России то же, что случилось в Восточной Европе после «бархатных революций»? Там множество изданий попали в сферу влияния не слишком чистоплотных газетных магнатов. И теперь рот журналистам затыкают не парткомы, а работодатели, готовый уволить непо-*

корного в любую минуту.

— Полностью задавить свободную политическую журналистику капитал не в состоянии, по крайней мере в обществе с устоявшимися демократическими традициями. Публика требует разнообразия. И акционеры вынуждены думать не столько о сиюминутной прибыли, сколько о политической чистоте издания или телепрограммы. Вернемся для примера к Японии. Аудитория там в массе беспартийная, и, если какая-нибудь газета начнет отдавать предпочтение одной из политических партий — все равно какой, — популярность газеты резко упадет. Значит, акции конкурентов пойдут вверх. Ни один здравомыслящий капиталист этого не допустит.

— *И тем не менее наши издания все чаще пишут об экономической угрозе свободе печати...*

— Издавать газету сейчас так же трудно, как, скажем, трудно выпустить велосипеды, делать мебель или выращивать картошку. По мере нормализации экономического положения все трудности с бумагой, типографиями, распространением отпадут сами собой. При нормально функционирующем рынке достаточно проявить сноровку, расторопность, талант, в конце концов, собрать команду грамотных сотрудников, заинтересовать рекламодателей — и дело пойдёт.

— *Некоторые мои коллеги полагают, что время политической журналистики в нашей стране прошло.*

— Напротив. Настоящая работа только теперь и начинается. Писать о политике до 21 августа было очень даже легко. Вот свои, вот чужие. Чужим пощады давать нельзя. Стоило придумать пару-тройку незатертых колкоостей в адрес Совета Министров или КПСС — и посредственность могла превратиться в «известного публициста».

Теперь, когда та же КПСС, например, перешла в оппозицию, писать о ней нужно намного убедительнее, доказательнее, ярче. А прежние методы полемики в новых условиях могут лишь добавить популярности этой партии, создать ей ореол мученичества.

Отчего левые газеты сломя голову ринулись биться друг с другом и со всеми партиями сразу? Политической культуры не хватает, профессионализма. Если бы могли ярко, увлекательно излагать свои мысли, то не приходилось бы срываться на крик и разыскивать «заговоры» там, где их нет.

Я говорил, что в Японии пресса свободна, как нигде. Но это не значит, что там газетчики пишут, что взбредет в голову. Ни один японский журналист никогда не допустит личного выпада про-

тив оппонента. И написать даже про самую темную политическую фигуру: «это наш городской клоун», как мы пишем про Жириновского, там просто невозможно. Есть некие, и довольно жесткие, рамки приличия, о них договариваются издатели между собой, и эта договоренность в какой-то степени заменяет цензуру. В Японии не принято ругать оппонента, там не говорят и не пишут: «Они плохие». Пишут и говорят: «Мы самые лучшие, Мы самые объективные, Мы самые оперативные...»

Здесь нашей левой печати есть чему поучиться. Партийные газеты, помнится, в своих нападках на демократов дальше «так называемых» не пошли. А демократы каких только ярлыков, каких только уничижительных эпитетов не напридумывали...

— *Быть может, это оттого, что очень многие наши «гранды гласности» взращены еще той, партийной, журналистикой, в традиции которой как раз входят зубодробительные выпады против оппонентов, наклеивание ярлыков?*

— Так ведь и аудитория прежняя — вот в чем беда. Недавно делал передачу об отношениях художника и власти. На примере Николая Губенко. Потом было много звонков от телезрителей. Думаєте, о художнике говорили? О власти? Об их взаимодействии? Нет, о личности министра культуры: «Давайте я вам расскажу, какой он гадкий» — и так далее...

Зритель по-прежнему размышляет не о проблеме, а о конкретном скандале, о конкретной персоналии. Какая публика — такая политика, какая политика — такая политическая пресса.

Нужно постепенно продвигаться от митингового стиля к аналитическому, воспитывать аудиторию, тянуть ее за собой. А этого пока не получается. Иные журналистские коллективы оказались просто беспомощными после августовского контрпереворота: не умеют разыскивать сенсации, пренебрежительно относятся к факту как таковому, анализировать ситуацию боятся, писать интересно так и не научились. А без этого издание просто умрет.

— *Как же должна выглядеть идеальная газета сегодняшнего дня?*

— Такое издание должно совместить по возможности максимальную информативность с глубоким анализом, оперативность с увлекательностью изложения материала, безусловную объективность со сдержанностью суждений. Более всего в этом пока преуспели, на мой взгляд, «Известия» и «Комсомольская правда».

Кирилл РЫБАК

Почта главного редактора

Главному редактору
журнала «Столица»
А.Мальгину

Журнал «Столица» в №№ 26, 27 и 36 за текущий год опубликовал ряд материалов, в которых содержатся сведения, касающиеся меня, но не соответствующие действительности и порочащие мою честь и достоинство как гражданина и председателя Либерально-демократической партии Советского Союза. Это относится к интервью с В.Аксючицем и Л.Алимовым, а также к Вашей собственной статье «Мой сосед Жириновский», основную мысль которой (отождествление меня и моих избирателей с военным преступником А.Гитлером и его сторонниками) Вы наглядно проиллюстрировали на обложке журнала N 36.

Та же мысль вместе с другими — такими же ложными и оскорбительными для меня (моя «связь» с КГБ, КПСС и проч.) — были высказаны на страницах Вашего журнала В.Аксючицем и Л.Алимовым.

Учитывая то, что Вами грубо нарушены ст.ст.5 и 32 Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации», и руководствуясь ст.26 названного Закона, требую помещения в ближайших номерах журнала опровержения порочащих меня сведений и публичного извинения передо мной за публикацию монтажа на обложке журнала N 36 за 1991 год.

В.Жириновский

Г-ну В.В.Жириновскому

Ваша честь нами, естественно, задета, но для извинений не видим никаких оснований. Если Вы рассчитываете на судебный процесс, то для этого Вам необходимо организовать как минимум поджог рейхстага. Или Кремлевского Дворца съездов.

Советуем Вам интересоваться не только статьями Закона о печати (который мы свято чтим), но и, например, статьями УК РСФСР, под которые подпадают слишком многие Ваши экстравагантные заявления с разных трибун.

А.Мальгин

Главному редактору
журнала «Столица»
Мальгину А.В.
от главного редактора
газеты «Дом кино»
Бокшицкой Е.С.

Господин Мальгин, в 34 (40) номере журнала «Столица» за этот год была опубликована Ваша статья «Три буквы на заборе», в которой присутствует абзац, касающийся лично меня. Вы пишете: «...На днях меня посетила достойная дама — главный редактор газеты «Дом кино», кинокритик Елена Бокшицкая. Так вот она буквально с головы до ног была увешана надписями «Бля!»...»

Вам отлично известно, что последний раз я посещала Вас около года назад, еще до презентации так не понравившегося Вам фильма, и никакой рекламной атрибутики с шокирующими надписями ни на моей одежде, ни на частях тела не было.

Поэтому я требую, чтобы Вы в течение месяца напечатали в журнале «Столица» опровержение неправдивой информации и принесли мне извинения, в противном случае я буду вынуждена обратиться в судебные инстанции.

Е.Бокшицкая

**Глубокоуважаемая
Елена Семеновна!**

Конечно, мне трудно установить дату Вашего посещения редакции, равно как и точную дату презентации фильма «Бля!» в Московском Дворце молодежи. Но рекламную атрибутику на Вашем гардеробе помню отчетливо. К счастью, не только я.

Вы упоминаете также части своего тела. Но разве я об этом писал? Мне неизвестно, есть ли на этих частях татуировка и содержит ли она упомянутое выше слово, поэтому этого вопроса я не касался.

Жаль, очень жаль, что Вы восприняли полторы фразы в моей статье как серьезный выпад в свой адрес, желание задеть Ваше достоинство. Ничего подобного. Напротив, я не преминул заметить, что Вы — дама достойная. Ваша обида тем более странна, что у Вас репутация критика острого, злого, не щадящего авторитеты, и, насколько я помню, чужое достоинство Вы задевали не раз.

Но в любом случае примите мои извинения, я не хотел Вас обидеть.

Если же такая форма извинений Вас не удовлетворит, Вы можете, ко-

нечно, обратиться в суд. Надеюсь, он без труда установит, кого из нас подвела память. Но хочу Вас предупредить, что образовалась уже значительная очередь из желающих судиться со «Столицей». Перед Вами в ней стоит господин Жириновский.

А.Мальгин

Уважаемый товарищ редактор!

Ваши сотрудники, по всей видимости, не владеют иностранными языками. Как только появляется в журнале слово, напечатанное латинскими буквами, обязательно — ошибка. В N 36 в статье о Питере Максе фигурирует группа «Befles», т.е. «Бифтлз». Мудрено узнать в ней всем известную «Битлз». В том же номере на обложке в рекламе какого-то кооператива вместо «Moscow» черным (вернее, красным) по белому напечатано: «Moskow». Когда же прекратится это безобразие?

М.С.

**Редактору,
придумавшему (открывшему)
слово «у т ы л к и»**

Мой неизвестный друг! Я восхищен названием, которое Вы дали моей заметке в 5-м номере журнала: «Позвякивая утылками». Хотя при этом я и сам попадаю в иронично-юмористическую позу...

**С уважением
В.В.ПАРИНОВ,
депутат Моссовета**

**Уважаемые сотрудники журнала
«Столица»!**

В одном из номеров журнала вы достаточно лихо отчитали телевидение за неправильно написанное в титрах слово «архимандрит» (в программе «Время» было «архимандрид»). Переворачиваю страницу — и что же: «Столица» печатает — «прецеидент». В общем, получилась «работа над ашипками».

В.ШЕЛИПОВА

ОТ РЕДАКЦИИ:

Уважаемые М.С., В.Паринов, В.Шелипова и другие внимательные читатели! Спасибо за информацию. Нами проведено служебное расследование. Виновные расстреляны. Ждем новых сообщений.

Вячеслав КОМИССАРОВ:

«ПОПОВ ПОПРОСИЛ МЕНЯ ВЗЯТЬ ШЕФСТВО НАД МУРАШЕВЫМ»

В тот день, когда Верховный Совет России принял окончательное решение о введении в должность начальника московской милиции генерала Комиссарова, я позвонила Вячеславу Сергеевичу, чтобы поздравить с завершением 11-месячного марафона к законному креслу. И услышала в трубке голос безмерно уставшего человека, радоваться то ли разучившегося, то ли понимавшего, что многое еще впереди. Как будто чувствовал, что суждено ему просидеть в том злополучном кресле всего пять дней.

Сегодня я беру интервью у Комиссарова — первого заместителя министра внутренних дел РСФСР, начальника уже всей российской криминальной милиции, в структуре которой Москва занимает лишь небольшую часть. И снова не вижу радости в его глазах. Почему?

— Вячеслав Сергеевич, давайте вернемся в конец сентября. Анализ той ситуации кажется мне очень важным вообще для понимания мотивов и психологии московских властей (которые часто удивляют), для прогнозирования будущих их действий. Вы действительно ни о чем не догадывались?

— После моей первой пресс-конференции в новой роли в три часа дня мне позвонили, что будет министр Дунаев, хочет поговорить с личным составом. А в шесть вечера уже представляли Мурашева.

Сказать, что я не предполагал такого варианта, было бы неверно. Я чувствовал, что Попов и Лужков сделают все возможное, чтобы не допустить меня к работе. Единственное, на что рассчитывал — на их благоразумие, полагал, что они дадут мне поработать полгода — минимальный срок для принятия любого управленческого решения. Думал,

что за это время сумею доказать им: зря они меня боятся. Угодничать перед ними не собирался, но пользу городу, наверно, мог принести.

Я не ожидал, что полгода сведутся к пяти дням. Дело в том, что вопрос о реорганизации ГУВД Москвы давно назрел, и я шел туда, зная, что ГУВД надо реформировать. Мы тоже планировали выводить всех за штаты, чтобы потом, не торопясь и не калеча судеб, разобраться и подобрать команду, способную решать любые сложные задачи.

Что они и сделали, по-аппаратному классически. Не хватало лишь малого: меня нельзя было вывести за штат, я еще не работал, хотя и числился начальником. Тогда они меня и представили личному составу, чтобы по форме все было правильно. И вот, пожалуйста, первая стычка.

Не успел я сесть за стол, начались звонки из Академии общественных наук и Академии народного хозяйства по поводу дележа территорий. Дескать, сотрудники милиции, ссылаясь на соответствующее письмо мэра, не пускают студентов и преподавателей в аудитории.

Я пригласил руководителя этого подразделения, велел снять охрану. Сказал: письмо мэра незаконно. Пусть охраняют ценности, как записано в договоре, а мешать учебе — это увольте. Потом попросил справку о том, сколько сотрудников милиции используется не по назначению. Приносят: 700 сотрудников выполняют разного рода просьбы. Вы понимаете? 700 человек могли бы нести службу на улицах!

Надо полагать, тогда Попов с Лужковым и ускорили события. Повидимому, они пришли к выводу, что на основе действующего законодательства райскую жизнь москвичам создать трудно, а я все-таки намеревался выполнять законы. Поняли, что я не буду карманным начальником.

— Не считаете ли вы, что Баранников, ныне союзный министр, и Дунаев, министр российский, вас попросту предали?

— Баранников и Дунаев хотели видеть на этой должности меня, и, как мне кажется, они были искренними. Но когда вчера Баранников заявлял повсюду, что приказ свой менять не станет, что начальником будет только Комиссаров и никто иной, а сегодня приглашает меня и предлагает совсем другой вариант,

я понимаю, что на него действовали такие силы, которым нельзя было отказать. Видимо, он многое терял.

Андрей Федорович Дунаев еще какое-то время держался, возмущался, как все. Но потом, по-видимому, тоже пришел к мысли, что в ГУВД мне нормально работать не дадут, и пошел на компромисс. Наверно, те же люди убедили и его. А потом уже оба они стали искать аргументы. Основной «утешительный» тезис: если пойти на компромисс с Поповым, то и Попов для милиции сделает больше. Помещение, жилье, дачные участки — все же это зависит от мэра и вице-мэра, а они очень жесткие, кому хотят, тому и дают.

— Вы все время говорите «те люди». Кто они?

— Мне их не называли. Я могу только догадываться и могу ошибиться, поэтому воздержусь от комментариев.

— На первой пресс-конференции Мурашева в роли начальника ГУВД зашел разговор о сроках реальных перемен. «Если не удастся что-то сделать к концу зимы, я уйду», — сказал Аркадий Николаевич. Ваше мнение о сроках? Ваш прогноз?

— Мурашев будет работать столько, сколько Попов продержится в должности мэра. Мне кажется, что для должности начальника ГУВД Мурашев слишком молод. Ну и к тому же дилетант. Значит, потом будут искать другого.

— Если снова зазвучит ваше имя, как вы поступите?

— Если руководство МВД, мэр, Моссовет предложат, я оставлю этот пост и пойду в ГУВД. Я многим обязан москвичам и готов отслужить свое. Чувствую даже какую-то вину перед депутатами, может, следовало еще раз отказаться от нынешней должности. С другой стороны, я 11 месяцев «провисел в воздухе», сколько же еще?

Ситуация в Москве стабилизируется не скоро. За свои 5 дней я понял, что нужно 2—3 года упорнейшего труда, многое сломать, перестроить отношение к людям внутри системы. Но это меня не пугало, потому что я знал, что нужно делать, знал, как делать, не знал только, с кем я буду это делать.

Попов попросил меня: возьмите шефство над Мурашевым. Я отве-

тил: буду делать все и для него, и для ГУВД, что не станет расходиться с законом. Москву я не оставляю. Раньше деятельность московского управления была вне контроля и Союза, и России. Сейчас в ГУВД уже мои подчиненные, так называемые кураторы по всем службам. Чем занимается московская милиция, я буду знать.

— И все-таки у вас теперь иная должность...

— Да, и для меня безумно интересная. Сейчас создаем качественно новое подразделение по борьбе с организованной преступностью. Старые ломать не будем — пусть работают, а новому отдадим такие функции, которыми раньше милиция вообще не занималась: терроризм, контрабанда, защита органов власти и рыночных структур от коррупции и других преступлений.

Вторая идея — единое подразделение по Москве и области, ведь скороспелый указ Пуго сейчас отменен, а сама идея неплохая. 30 процентов преступлений в Москве совершается иногородними. Из них 52 процента приходится на область. Особенно переплетаются организованные преступные группировки. Сейчас отработываем модель взаимодействия с теми регионами, которые «экспортируют» к нам преступников: с Украиной, Азербайджаном, Дагестаном, Чечено-Ингушетией и т.д.

— Хочу спросить напоследок: почему вы форму-то носить перестали?

— Думал, может, Попова это как-то успокоит. А если серьезно, я же теперь работник криминальной милиции — здесь так принято.

Елена САЛИНА

Фото Николая Степаненкова

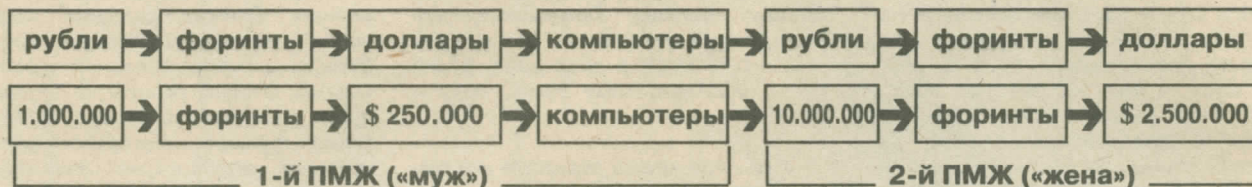
Александр МИНКИН

ГРЯЗНЫЕ ДЕНЬГИ

Премьер-министр Павлов теперь в тюрьме. Но все, что надо, он сделать успел.

манное правило, завоевание перестройки. Но так устроена советская система,

переправлялись на Запад и снова превращались в доллары. Вот схема:

В январе Валентин Сергеевич шокировал весь мир, заявив:

— Швейцарские банки накопили миллиарды рублей и хотят взорвать советскую экономику.

Показалось идиотизмом. Взрывать советскую экономику? Она и так не работает. Зачем взрывать? Чтоб никогда не получить долги? Зачем швейцарским банкам копить рубли? Лучше копить туалетную бумагу.

Но, к сожалению, когда Павлов говорил о мафии и миллиардах — он не бредил. Он хорошо знал, что говорит.

Когда очередной коммунистический вождь лишался власти, мы узнавали, что он — преступник. Попросту — вор. Живков, Хоннекер, Чаушеску... — все воровали у своих народов и — прятали в швейцарских банках. Когда мы узнавали это о младших братьях, об учениках, невольно думалось: каковы же старшие братья, каковы учителя?

Скоро узнаем. Потому что скоро суд.

Но уже теперь я знаю, как была организована самая большая перекачка.

Весной прошлого года — Павлов тогда работал министром финансов! — были приняты новые правила для выезжающих за границу. Не для туристов. Для ПМЖ.

Не так просто получить гражданство в чужой стране. Но легко получить ПМЖ — Постоянное Место Жительства. Достаточно жениться.

По новым правилам (правилам Павлова) советский человек, отправляясь на постоянное место жительства, имел право перевести в страну ПМЖ любую сумму денег. Официально. Через Внешэкономбанк. Насколько мне известно, Польша и Венгрия согласились на такую операцию.

Итак, советский, женившись на венгерке, получал ПМЖ в Венгрии. И перед отъездом из России шел в банк, сдавал рубли. Приезжал в Будапешт, шел в банк и — получал форинты.

Кажется, это справедливо. Почему нельзя взять с собой свои деньги? Гу-

что все ее законы выгодны только двум группам: аппарату и мафии.

Впрочем, я не уверен, что это две группы. Возможно, одна.

Пошла лавина фиктивных браков. А вокруг Внешэкономбанка появился плотный кордон крепких молодых людей. Очень большие бицепсы и очень холодные глаза. Рэкетеры.

Человека, который шел в банк, останавливали:

— Куда? Зачем?

Врать бесполезно. Миллион не пронесешь в кармане. Обязательно большая сумка или чемодан. Не дашь добровольно — отнимут все.

За приход в банк рэкетеры брали по 10.000 и более.

Второй грабёж происходил в банке. Кассирша запроверяла пачки денег в счетную машину и через минуту говорила:

— Не хватает 2.000.

Клиент безропотно добавлял. Начнешь спорить — вылетишь из банка.

Каждый такой полуиностронец сдавал по 1.000.000 и более. Никто меньше 500.000. И каждый предъявлял справку, что отправляет за границу честно полученные деньги.

Но посчитаем. Средняя зарплата в 1990-м была 250 рублей в месяц. Таким образом, человек мог скопить миллион за 1000 лет работы. Или... Но справки никто не проверял. Зачем? Банковские кассирши «верили» справкам и зарабатывали по 100.000, по 200.000 в день. (Зарплата Горбачева — 4.000 в месяц.)

Получив форинты в Венгрии или злотые в Польше, ПМЖ менял их на доллары. Курс рубля для ПМЖ был установлен такой, что венгерский вариант давал 1 доллар за 4 рубля, а польский — за 7 рублей. При рыночном курсе в СССР: 1 доллар — 20 рублей. Венгрия, таким образом, давала выигрыш в пять раз, Польша — в три. Но это не все.

За доллары покупались компьютеры и переправлялись в СССР. «Компьютерный доллар» стоил 40 рублей. Рубли снова

Вывозить деньги можно только один раз. Поэтому советские муж с женой разводились. Каждый оформлял фиктивный брак в Венгрии (Польше). Затем муж осуществлял первый вывоз рублей, жена — второй.

Такая операция делала из одного рубля — два с половиной доллара, из миллиона «деревянных» — 2.500.000 зеленых. На этом пути дань рэкетерам и кассиршам пренебрежительно ничтожна.

Но осенью 1990 года этот праздник кончился. Лавина рублей шла все лето и — стоп. Банки Венгрии и Польши прекратили оплачивать форинтами и злотыми поступающие из Внешэкономбанка рубли.

Мафия уверена, что это значит только одно: партийно-правительственный аппарат закончил перекачку своих денег на Запад.

Открыв этот путь (из рублей в доллары), советская верхушка, конечно, не могла резервировать его только для себя. Путь был открыт для всех. Но не у всех были миллионы. Средний уровень сбережений в СССР — 3—5 тысяч рублей. Пройти в банк через кордон рэкетиров с такими грошами было невозможно. Воспользоваться, повторю, могли только две группы: аппарат и мафия.

Опоздавшие были немножко наказаны. Известны случаи, когда, сдав рубли во Внешэкономбанк, ПМЖ в Будапеште получал вместо форинтов — отказ.

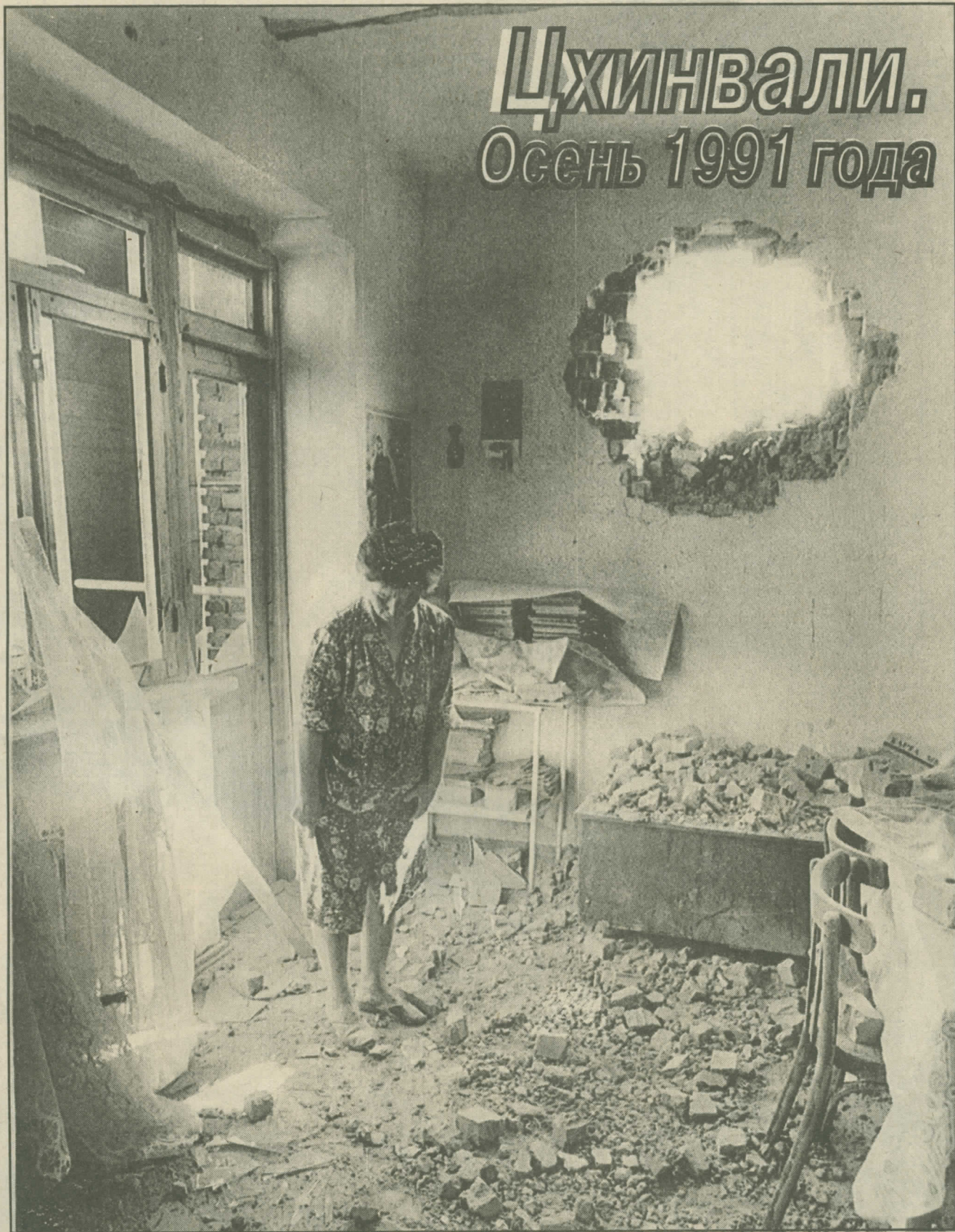
— А мои деньги?!

— Извините, обмен прекращен. Больше рубли нам не нужны. Все, что мы можем сделать для вас, — это отправить ваши рубли обратно в Москву.

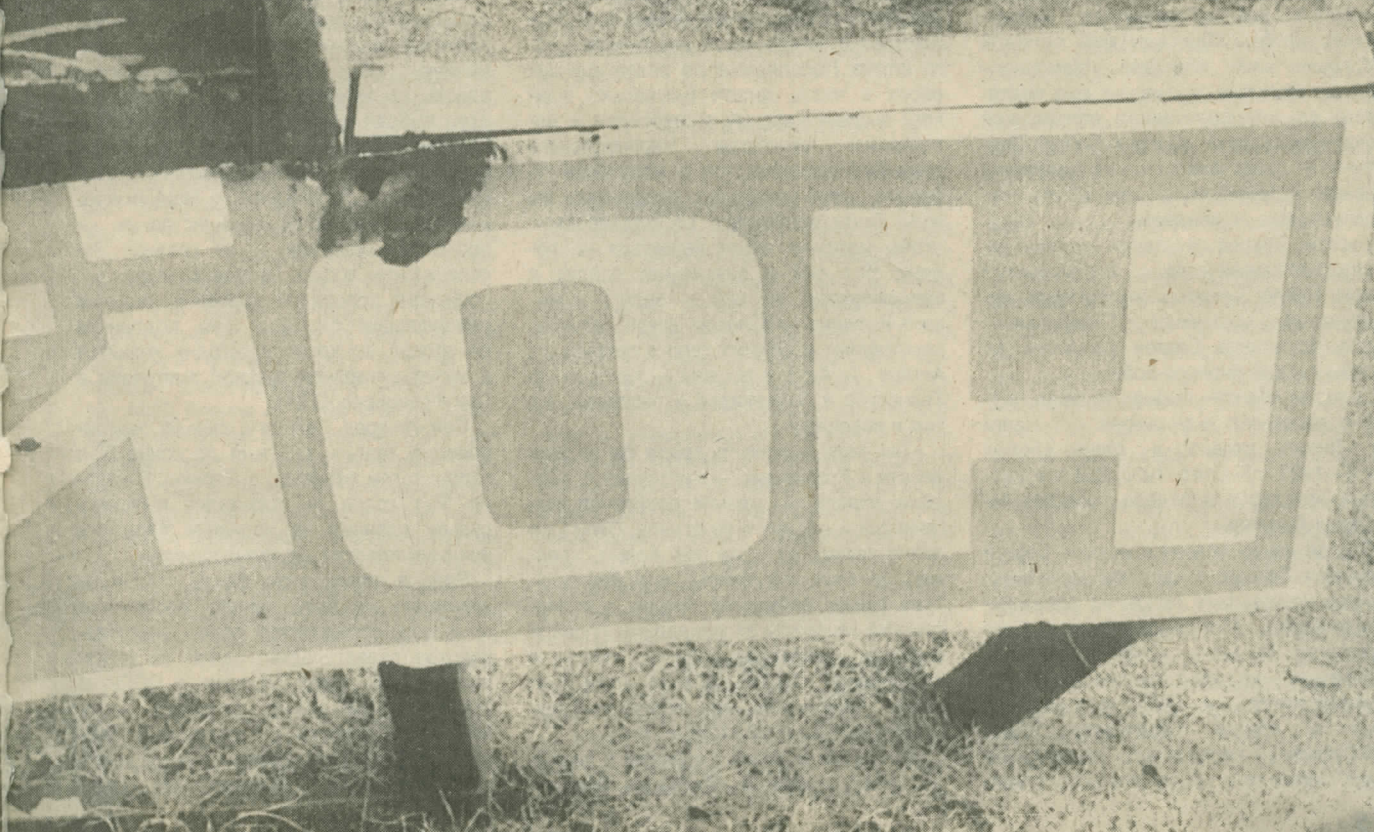
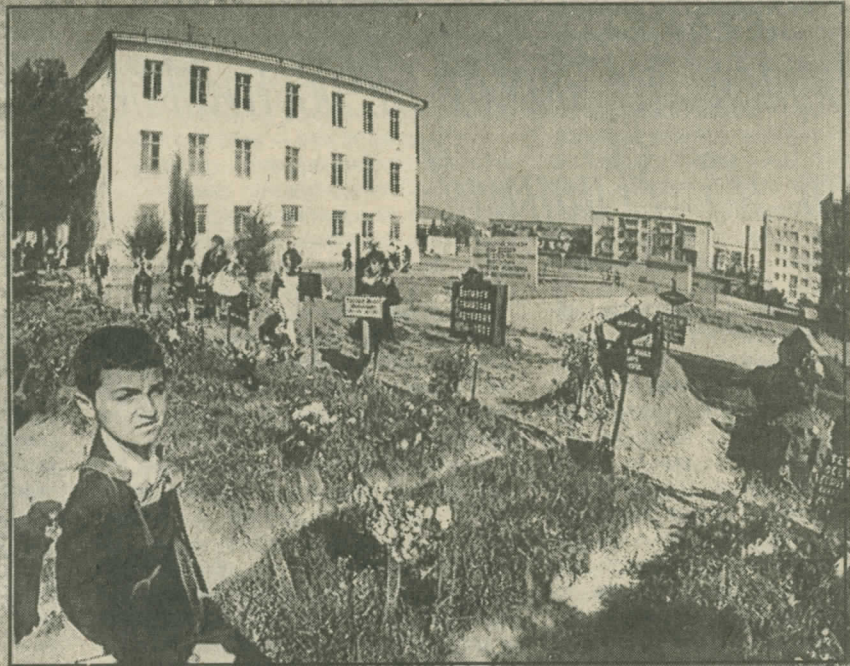
ПМЖ соглашался. Не выбрасывать же. Он ехал в Москву, приходил в банк, получал свой миллион. Тут к нему подошли двое в штатском и просили объяснить: откуда у него такие деньги. «Справки» на сотрудников КГБ не действуют.

В швейцарских банках есть деньги, заработанные на наркотиках. И есть — сделанные на научном коммунизме. Я не знаю, какие грязнее.

Цхинвали. Осень 1991 года

Владлен СИРОТКИН,
доктор исторических наук

Вернется ли домой Российское Золото из Японии?

Воистину, история советского общества после Октября 17-го даже для нас, профессиональных историков, все еще во многом «белое пятно». Ну разве бы я, а затем телезрители Российского телевидения и читатели «Известий» и «Комсомолки» узнали когда-нибудь, что в Японии хранятся 22 ящика из остатков золотого запаса России (20 — со слитками, два — с золотыми «никалаевскими» монетами), вывезенного адмиралом А.В.Колчаком из Казани, если бы не Конгресс соотечественников в Москве в августе этого года?

Как член оргкомитета Конгресса я курировал съемочную группу Российского телевидения — мы снимали фильм о Конгрессе для «Российского исторического клуба». Однажды мой молодой сотрудник член общества «Мемориал» Ярослав Леонтьев подвел ко мне подтянутого, со «старорежимной» офицерской выправкой старика. «Петров Сергей Павлович», — представился он на том самом русском «дореволюционном» языке, которым мы уже не владеем.

Сергей Петров оказался сыном генерал-квартирмейстера колчаковской армии Павла Петрова, выпускника Николаевской академии Генерального штаба, соратника Сергея Каменева по окопам первой мировой войны.

О своем «белом» выборе генерал подробно рассказал в мемуарах «От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918—1922 гг.)» (Рига, 1930, 253 стр.), которые находятся в отделе русского зарубежья Ленинки.

В ходе наших встреч и съемок Сергей Павлович Петров, в прошлом менеджер, а ныне консультант одной из советско-американских торговых фирм в Сан-Франциско (он же — историк-любитель, написавший на пенсионном досуге и опубликовавший в США книгу-биографию о «сером кардинале» КПСС М.А.Суслове), совершенно неожиданно вдруг сказал мне: «А что это вы все мае-

тесь с этими четырьмя Курильскими островами, выпрашивая в обмен на них у японцев экономическую помощь? Хорошо бы они сначала отдали вам 22 ящика золота, которые мой отец сдал им на хранение...»

Я чуть не подскокил от изумления. Какое золото? Ведь во всех наших школьных и вузовских учебниках, в монографиях о гражданской войне черным по белому написано — победоносная Красная Армия не только захватила у Иркутска живого Колчака, но и отбила у его армии остатки золотого запаса Российской империи, перевезенного весной 1918 г. в Казань.

«Чушь все это, — грустно ответил Сергей Павлович, — ничего они не отбили и Колчака с начальником его Генерального штаба Пепеляевым не захватили. Их обоих и часть золота (несколько ящиков) выдали красным комиссарам и оставшим шахтерам Черемховского угольного бассейна, что в Иркутской губернии, чехо-словацкие legionеры: им надо было пробраться во Владивосток, чтобы морским путем вернуться на родину. Вот они и заключили сделку с большевиками: мы вам — золото и живого Колчака (его потом осудит ревком, расстреляет и спустит тело в прорубь на Ангаре. — Авт.), а вы нам — пропуск по Транссибу в Забайкалье и паровозы. На том и порешили».

«Так ведь золото-то вроде бы отдали вместе с Колчаком», — настаивал я. «Отдали, отдали, — мрачно пробурчал сын генерала. — А вот и не отдали. Отец уже давно понял, что все эти белые, красные, зеленые, legionеры, интервенты — одна банда грабителей России, а колчаковские генералы за пределами плаца и казармы — наивные политики, пешки в игре Франции, Англии, США и Японии. И он решил действовать как партизан будущей России, на свой страх и риск».

«И что же — ушел с золотом в леса?» — наивно спросил я. «Зачем же. Ведь он

один как начальник тыла армии Колчака знал, сколько золота осталось — после того, как большую часть этого запаса адмирал истратил на покупку оружия у Антанты, выплаты жалованья ее советникам, подкуп командования чехо-словацких legionеров, охранявших Транссиб. Тем более о количестве оставшихся ящиков не знали черемховские шахтеры. А большевистским комиссарам на золото было наплевать — ведь сам Ленин говорил, что скоро из него мы будем строить в новой Совдепии отхожие места. Им нужен был живой Колчак — вот было их «золото», и они его получили».

«Ну а Антанта?»

«А что Антанта! Под защитой чехо-словацких штыков драпала на Дальний Восток, только пятки сверкали. Да и такой бардак на железной дороге на подходе к Иркутску был, что спрятать остатки золотого запаса отцу не представляло труда — перегрузили в санитарный вагон, подцепили к поезду legionеров и вывезли в Забайкалье за милу душу — никто и не вякнул».

«А дальше, дальше-то что?»

«А вот дальше все и началось. Чита была уже захвачена японским ставленником — казачьим атаманом Семеновым, забайкальским баткой Махно. Уж он-то перерезал бы всех, узнав, что отец везет золото».

Встав перед дилеммой — или потерять золотой запас, или найти в забайкальской анархии какую-то пусть временную, но реальную вооруженную власть, по мнению Сергея Петрова, его отец выбрал второй вариант. Такой временной реальной властью оказалась оккупационная японская военная администрация в Забайкалье и Маньчжурии. Именно главе этой администрации — японскому генералу — на границе России и Китая и сдал Петров 22 ящика российского золота на хранение, получив официальную расписку (увы, подлинник ее пропал, но копия и сегодня хранится в музее ветеранов русской эмиграции в Сан-Франциско, США).

Сам генерал Петров с семьей эмигрировал в Харбин, там жил до конца 20-х годов, затем переехал в Японию. В начале 30-х годов он попытался выяснить судьбу сданных на хранение японским военным властям «золотых ящиков».

Ведь в самом этом факте «сдачи на хранение» не было ничего необычного — в годы гражданской войны республиканское правительство сдало на хранение золотой запас Испании в СССР, и Франко потом долго домогался — а нельзя ли вернуть его остатки в Мадрид? В 1940 году послы аннексированных Сталиным прибалтийских госу-

дарств сдали на хранение правительствам США, Великобритании и Франции авуары посольств (т.н. «золотые кассы»), а сегодня обретшие независимость балтийские республики стараются вернуть эти тонны золота обратно.

Генерал Петров пошел путем возврата «хранения» раньше всех — в начале 30-х годов. Но кого он представлял, какую власть? Белые были разбиты. Красные или были уверены, что все золото вернется вместе с пленным Колчаком, или не хотели ссориться с японцами — и без того на дальневосточной границе и КВЖД multiplied вооруженные стычки (в конце концов в середине 30-х годов Сталин уступил КВЖД японской военщине, а переехавших в СССР российских служащих дороги затем почти всех посадил в ГУЛАГ как «японских шпионов»).

Петров начал борьбу в одиночку — он подал на всеильных японских генералов в суд и начал процесс, требуя положить золото официально в один из крупных международных банков на счет «будущей России». Материалы этого процесса теряются в тумане истории. Сын генерала утверждает, что отец почти выиграл судебное дело, да помешала военная хунта, попытавшаяся в 1936 г. захватить в Японии власть. Японские же историки уверяют, что они не могут найти в архивах документы этого процесса.

Честно говоря, оставляя этот эпизод с рассказом сына генерала Петрова о 22 ящиках золота в телефильме «Примирение: послесловие к Конгрессу соотечественников» (показан 22 сентября по ТВ России), я меньше всего думал о последствиях — просто меня как историка интересовал образ белого генерала в гражданской войне. Уж очень часто в наших кинофильмах мы показывали кровавых «золотопогонников», вроде тех, которых в фильме «Чапаев» Анкапулетчица красиво косит, как траву.

Но все вышло по-другому. Сначала официально позвонили из МИД СССР и попросили уточнить ряд деталей на предмет дипломатического демарша перед МИД Японии — а что стало с этими ящиками? Затем из Минфина СССР сообщили, что, по предварительным подсчетам, 22 стандартных дореволюционных ящика для перевозки золотых слитков весят более 600 кг, что по нынешним мировым ценам эквивалентно около 7,5 млн. долларов. Но эта цена — без учета 70 лет хранения, ведь золото лежало не на складе, оно было в обороте, а за оборот идут проценты, и немалые. Какие — предстоит еще уточнить, но уже очевидно, что стоимость 22 ящиков может возрасти как минимум в 100 раз.

Дальше — больше. Мою небольшую заметку в «Известиях» (№ 219, 13 сен-

тября 1991 г.) об этом эпизоде перепечатали почти все японские газеты, о ней сообщило телевидение и радио Японии — жизни не стало от звонков и визитов японских журналистов в Москве. Одна любопытная и многозначительная деталь — факт наличия четырех островов как «исконно японской территории», находящихся «на хранении» у РСФСР, японские журналисты подчеркивают, а вот в сохранении 22 ящиков российского золота в Японии — сомневаются.

Приехала командировка на Сахалин. Там местный тележурналист Саша Перевозчиков сразу ухватился за сюжет, переснял кассету с рассказом сына генерала Петрова, мои размышления и все это связал в своей передаче по местному ТВ с судьбой тех самых четырех островов Курильской гряды. Более того, собрался со съемочной группой на Японские острова — искать золото.

И, наконец, подключилась «Комсомолка», создала свой поисковый отряд. У нее большой опыт по отыскиванию кладов. Помню, еще в 60-х годах она организовала несколько шумных экспедиций (целая дивизия саперов, аквалангисты, следопыты) по поиску «золота Наполеона» — награбленных им сокровищ Кремля, по преданию, брошенных при отступлении «великой армии» осенью-зимой 1812 года где-то в болотах между Смоленском и Березиной. Тогда золото найти не удалось. Удастся ли «Комсомолке», МИД СССР и РСФСР, Сахалинскому ТВ вернуть «колчаковское золото» сегодня?

Постскрипум

Этот материал находился уже в редакции журнала, когда в «Известиях» (№ 243 от 11 октября 1991 г.) появилась обширная статья собкора газеты в Токио С.Агафонова «Кому достанется золото Колчака, если оно будет найдено». На основе японских источников автор сообщает целый ряд дополнительных сведений и уточняет некоторые детали. Однако с принципиальной посылкой известного собкора о том, что найдется или нет «золото Колчака» — это роли не играет, ибо ни горбачевский СССР, ни ельцинская Россия правопреемниками романовской империи не являются, так как большевики в 17-м году отказались и от империи, и от царских долгов, никак согласиться нельзя.

Да, в горячке ожидания мировой революции большевистский Совнарком и ВЦИК в ноябре-декабре 1917 г. действительно заявили о полном разрыве со старым режимом, стали публиковать тайные царские международные догово-

ры и в феврале 1918 г. публично отказались платить долги царского и Временного правительства.

Но уже в марте 1918 г. ситуация кардинально изменилась — большевики вынуждены были подписать в Брест-Литовске с кайзеровской Германией и имперской Австро-Венгрией сепаратный мир, а в августе того же года — еще и секретные соглашения о признании германо-австрийской доли царских долгов, в развитие которых осенью 1918 г. в Берлин специальным железнодорожным составом были отправлены 83,5 тонны золота из золотого запаса бывшей Российской империи (после капитуляции Германии в ноябре того же года это золото досталось Антанте, и мы его до сих пор не вернули).

Готовясь к Генуэзской конференции 1922 г., где большевики надеялись получить крупные валютные кредиты и технологическую помощь, НКВД РСФСР специальной нотой от 27 октября 1921 г. сообщил Западу, что Совнарком Советской России согласен «признать за собой обязательства... по государственным займам, заключенным до 1914 года». Только на этой основе Запад согласился сесть с большевистской делегацией во главе с Г.В.Чичериным за стол переговоров.

В июле 1986 г. Э.А.Шеварднадзе на переговорах в Англии подтвердил преемственность финансовых обязательств СССР по царским долгам, а в ноябре 1990 г. обязательство в принципе выплатить старые царские долги было включено в советско-французские соглашения, подписанные нашими представителями во время визита М.С.Горбачева во Францию.

Так что собкор «Известий», мягко говоря, поторопился, отказываясь от «колчаковского золота» ввиду якобы отсутствия международной правовой основы. Почему-то Запад может претендовать на золото по царским долгам и мы в принципе готовы его вернуть (другой вопрос — когда и сможем ли в нынешних условиях?), а у «ельцинской России» в претензиях к Японии, по С.Агафонову, «прав на царское золото нет»?

Все это сильно напоминает игру в одни ворота: четыре острова Курильской гряды в обмен на японскую экономическую помощь вернуть можно, а попросить выяснить — где же 22 ящика из золотого запаса России, вроде бы неловко. С чего бы это наши зарубежные корреспонденты стали такими совестливыми? Или у нас в России, по их мнению, золота — куры не клюют?

ЛУЧШЕ УЖАСНЫЙ КОНЕЦ, ЧЕМ УЖАС БЕЗ КОНЦА

Психологический портрет растерянного общества

...Не забыть пасмурные лица москвичей 19 августа. Унылые люди в унылой стране. Потом двое суток метаний — от тревоги к отчаянию, от надежды к безудержной радости — все позади. Прошла неделя, другая. И снова повсюду встречаешь не улыбочивых, мрачных людей. Редко услышишь смех — все озабочены, подавлены. Что происходит с нашим обществом? Оно болеет? Это очевидно. Но чем? Тут каждый судит, кто во что горазд. Предлагаем вниманию читателей беседу нашего корреспондента Германа ЛОМАНОВА с заведующим лабораторией психологии межгрупповых отношений Института психологии АН СССР Петром ШИХИРЕВЫМ — своего рода консилиум, который, возможно, поможет поставить точный диагноз.

— Петр Николаевич, похоже, стресс, который раньше задевал время от времени каждого поодиночке, нынче обрушился на все общество — неожиданно и разом. Что все-таки с нами всеми происходит?

— Одни не могут перенести отката от коммунистической идеологии, призывов вынести тело вождя из мавзолея — для них это крушение всего и вся. Другие, которым идеалы, как говорится, «до лампочки», были бы сыты и одеты, удручены дороговизной, полунищенской жизнью. Наконец, все мы дети своей страны, а ведь образ Родины тоже полярно изменился. Раньше мы говорили — лидер прогрессивного человечества, впереди планеты всей, надежда мира. Теперь уверены, что живем в отсталой, разваливающейся, бедной, униженной и оскорбляемой стране. Очевидно, истина лежит где-то посередине. Но пока типич-

ная особенность массового сознания — чрезмерно заниженные самооценки и явно завышенные оценки всего, что «за бугром». Парадоксальная картина — граждане из преуспевающих стран пытаются убедить своих скептически настроенных советских собеседников в том, что наша страна лишь временно отброшена назад, что у нее колоссальный природный и человеческий потенциал, блестящие перспективы.

Такое бывало в истории — например, в России после русско-японской войны, в Германии после Версальского мира, в США после запуска советского спутника. Но наше нынешнее положение отличается тем, что идет переоценка не какой-то одной стороны жизни, а самого основополагающего принципа. Мы все были устремлены в будущее, пренебрегали настоящим ради грядущего. Крах утопии означал и

разрушение важного свойства любой социальной системы — саморегулироваться с помощью перспектив.

Только не надо думать, что наши переживания — нечто исключительное.

Спустя шесть лет после начала перестройки, кажется, всем уже стало ясно — надо что-то делать. В прямом смысле этого слова — производить, создавать, превращать идеи в вещи. Вот тут и обнаружилась одна из самых характерных черт советского человека — он готов к критике, порой весьма конструктивной, но вовсе не готов к осуществлению собственных же предложений.

— Опять ссылка на национальный характер?

— При чем тут русские, я говорю о советских людях вообще. И эта их черта — результат тотального авторитаризма. Вспомните типично советскую поговорку: «Я начальник — ты дурак, ты начальник — я дурак». Суть ее проста: задача начальника — указывать, а не делать.

Период митинговой демократии очень ярко вскрыл эту черту. Свобода обсуждать и критиковать дала возможность каждому неосознанно и незаметно почувствовать себя «начальником» и, следовательно... ничего не делать. Но мы, увы, еще не осознали, что есть и другая сторона демократического мышления — готовность не только отвечать за свои слова, но и доказывать делом свою правоту.

— Допустим, от старой идеологии мы отказались. А что дальше, новую создавать? Или вообще никакой идеологии не надо?

— Сценарий известен — на первых порах будет возникать множество идеологических вариантов ответа на вечные вопросы. Но... общество не изменилось, и поэтому творцы новых вариантов — сознательно или неосознанно — начинают претендовать на трон первосвященника. Итог — всеобщая борьба за победу и... всеобщий проигрыш...

Сегодня наше общество больно аллергией на любую идеологическую схему, любую словесную картину. Все настолько сыты словами, что оратора, говорящего более 5—7 минут, просто не воспринимают. Практически любая аудитория может заранее, по первым двум фразам сказать, что за ними последует. Всеобщая пресыщенность словесами, ухудшение жизни, очереди, перспектива голодной и холодной зимы — все это

заставляет людей метаться в поисках выхода. Альтернатива, увы, не богата — в сущности, есть два психологически проверенных варианта. Первый — впасть в ступор, иррациональное оцепенение, замереть до бесчувствия. Второй — начать разрушать все подряд. Исторический опыт подсказывает — постоянное ожидание событий, способных изменить жизнь к лучшему, и такое же постоянное разочарование не может длиться более 4—5 лет. Драматизм затянувшейся перестройки в том, что вся психологическая энергия ушла на противостояние административному монстру. Оба противника обессилили. Люди уже задумываются: а не так уж и плохо было при застое, гласности — не бог весть какое благо... Ситуация опять развивается «...Лучше ужасный конец, чем ужас без конца».

Человек не может находиться в таком состоянии бесконечно — инстинкт заставляет его искать выход. Поскольку старое, известное пугает меньше, чем новое, неизвестное, оно и будет привлекать. Именно на это и делали ставку путчисты. Однако по тому же закону авантюра была обречена на провал, даже если бы она продлилась больше трех дней — сладость гласности и вкушенных свобод тоже была прочувствована.

— Итак, обратной дороги нет. Но от апатичных людей толку мало. А небольшие исповедующие принцип разрушить все «до основания», ничего построить не смогут. Неужели действуют лишь эти две полярные силы?

— Надежда — на тех, кто еще способен рискнуть и встать на стезю предпринимательства. Таких людей даже в капиталистическом обществе, которое их пестовало, всего-то пять—семь процентов. У нас же против любой независимой личности велась беспощадная война, так что эта доля вряд ли составит более одного процента во всех сферах деятельности. Итак, всего 1,5 миллиона на страну.

— Значит, тщетны наши упования на массовое предпринимательство?

— Уверен, нам надо звать «варягов» — зарубежных управляющих, владеющих техникой организации и управления, способных передать этот опыт нашим будущим бизнесменам. Вот как примерно представляют ситуацию зарубежные инвесторы и бизнесмены. Советские

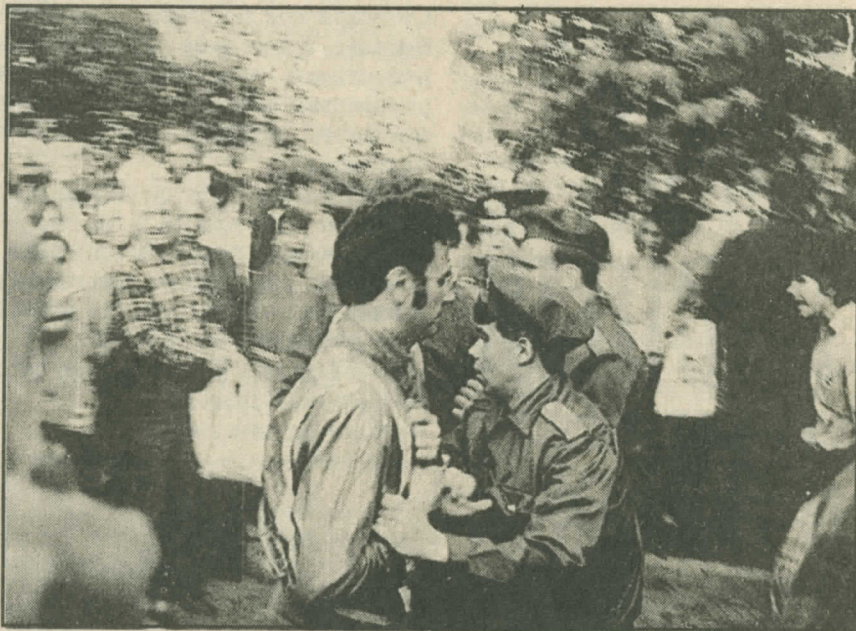

Фото А.Агафонова

рабочие отличаются низким уровнем потребностей, но малоквалифицированы и недисциплинированы, возвращены железобетонной защитой от увольнений. Они претендуют на роль главного класса (гегемона), готовы хорошо зарабатывать, не трата лишней энергии. Среди рабочих и инженеров много талантливых людей, но они зачастую лишены навыков организованного труда. Политическая ситуация в стране нестабильна, долгосрочные инвестиции весьма рискованны. Советские партнеры не всегда надежны, не владеют основами современного предпринимательства, мало дорожат своей репутацией.

В сознании отечественных предпринимателей сложился несколько иной образ. Работать у нас могут 35—40 процентов, остальные получают за явку на работу. Если не душить налогами, не путать по рукам и ногам подзаконными актами, снять бремя взяточничества, то рискнуть можно. Однако, учитывая опыт кооперативов и бесплодные попытки фермеров и арендаторов на селе, может, лучше и подождать. Нужны гарантии, а их нет.

А вот как дополняют этот образ «теневики». Основное противоречие в том, что деньги для дела есть, но нет приемлемого объяснения, откуда взяты. Следовательно, нет гарантии, что не посадят, отобрав предварительно капитал.

Широкие массы граждан убеждены — в нашей системе быть предпринимателем может только жулик. Поощрять частный бизнес — значит реставрировать капитализм, помогать не бедным, а богатым. Рыночные отношения равнозначны возвращению к тому строю, в борьбе с которым было положено столько сил и голов. Да и так ли уж плох был этот путь? Почему мы должны кому-то подражать? Не надо стимулировать частную инициативу, поощрять неравноправие, социальное расслоение, эксплуатацию, хищничество. Слишком велика будет цена за полные прилавки. Нет уж, мы как-нибудь по-своему.

— Нетрудно заметить, насколько различны эти образы. Из их смеси может такой социальный «коктейль» получиться... Может, сама ситуация изменит людей?

— Ох, уж эта наша извечная надежда «на среду». Этим мы кардинально отличаемся, например, от американцев. Янки винит в неудаче только себя, советский человек кого угодно — государство, завистников, «инородцев». Пора уже понять — при всей важности реформ сейчас никто не может избавить человека от работы над собой. Перестройку в масштабах «отдельно взятой личности» нельзя заменить ничем. И обойтись без нее тоже нельзя. Так что хоть одно ясно — с чего начинать — с себя.

Елена САЛИНА

САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ВРАЧ, или Чудеса еще случаются

«Было такое дело. Заходит ко мне один товарищ и говорит: «Знаете что? Моей жене полагается 72 дня».

Я отвечаю: «Нет такого отпуска. Есть 70 и 56».

А он: «Не зажимайте два дня!»

Я опять: «Ну вы понимаете, нет такого послеродового отпуска. Есть 70 дней и 56. Вашей жене полагается всего 56».

Он говорит: «У нее роды ненормальные были».

Я: «Чем ненормальные?»

Он: «Почему ребенка принимал врач?»

Я говорю: «Так полагается в классическом акушерстве».

«Тогда почему у него странная головка???»

Я говорю: «Весь в вас!»

Меня вызывают в Минздрав РСФСР: «Жалоба пришла».

Я прочитала, смеюсь: «Вы извините меня, но чем же я оскорбила человека, если сказала, что ребенок — копия он?»

Любимое выражение: «От осины не родятся апельсины». Когда прощается, всем говорит: «Приходите еще. Мы вам такого ребеночка сделаем — закачае-тесь». Кстати, рождаемость снизилась в 2 раза. За последние 2 года.

Раньше женщины обижались: «Люди-мила Борисовна, почему вы даете только три пеленки в день?» А она объясня-ла, что приказ лично министра и что белья вообще в природе нет и не предви-дится. Теперь белья навалом, потому что рожать перестали. Вот вам и соци-

Сначала мы поссорились. Я опубликовала ругательное письмо, а она вместо того, чтобы чинно-благородно покаяться на официальном бланке, примчалась в редакцию сама, выяснять отношения. Слева вышагивал профком, справа — партком, все, как тогда было положено.

Я озверела и поклялась доказать ей, что она не права. Неделю просидела в ее роддоме, обшарила все закуточки, в полуобморочном состоянии выползала из родилки, раздирала слипающиеся веки во время ночных дежурств, а дома в кошмарных снах досматривала репортажи из абортария.

И влюбилась. В нее и в ее роддом, московский родильный дом № 2.

Люблю до сих пор.

альные перемены. Если перестать есть, колбасы тоже всем хватит.

Приезжал швейцарский представи-тель с гуманитарной помощью. С ним в сопровождении два депутата. Швейцарец поцкал языком: «Хорошо у вас, чисто. Но... пусто как-то — это в смысле медо-борудования. Что вам нужно?»

Главврач Подречнева принялась заги-бать пальцы: «Компьютер, ультразвук японский, сканер...»

Сопровождающие засмутились, даже переводить перестали: мол, громоздкое все, тяжелое, трудности, мол, будут с пересылкой. Может, лампочку какую попросить, говорят, например, чтоб горло осматривать.

Ну тут она выдала: «Извините, дорогие товарищи, но мы женщинам в горло не смотрим. Мы совсем с другой стороны».

И нимало не смутившись: «Хорошо. Пусть шубу мне пришлет норковую, она легкая, в чемодан уместится. А я продам здесь — куплю компьютер».

Записали: «Униформу для медперсо-нала». Ладно. Ох, надо языки учить, Бо-рисовна, чтобы объясняться без посредников.

— А почему в палатах телевизоров нет? — это наш-то, родной, отечествен-ный депутат спрашивает, бывший врач, между прочим.

— Потому что, — отвечает, — женщи-нам в их интересном положении вовсе даже не полезно смотреть на ваши лица, искаженные парламентскими страстями. Женщинам надо окружать себя прек-расным и вечным, чтобы дети рожда-лись красивые. Да, женщины?

Дружное: «Да-а-а!» — из палаты.

— Вот видите? Нам не нужны телевизоры. Нам нужны судна и пеленки. Как вы думаете, сколько нам нужно судов?

— Наверно, на каждую пациентку, — застенялись бывшие врачи. — Сколько их у вас?

— Двести.

— Значит, двести.

— Вот-вот. А знаете, сколько нам дадут?

— Сколько?

— Пять в год.

Судна в Швейцарии просить — со стыда провалишься.

«Вот сейчас райкомы, райисполкомы разогнали, хотят там префектуры устраивать. Так пусть здесь префекты поработают! Кабинетов было бы — до черта. Туалет на каждом этаже. Если 25 человек в один туалет сходят, ничего с ними не случится — женщинам же важнее.»

А мы пойдем в хорошее здание. Там два крыла, а у меня мыслей на этот счет много. Запросо все там оборудуем, от силы полгода хватит. Операционную я сделаю, даже две, три — сколько надо.»

Я считаю, идет только борьба за власть. А дело не делается».

Дело делается потихоньку. Задумала Подречнева СП организовать. Не с иностранцами, как сейчас модно, чтобы рубли в валюту переделывать, а с обыкновенной женской консультацией. Те ей — полное обследование пациентов, от и до, как положено по мировым стандартам. Она им — приятные, квалифицированные роды с обезболиванием, почетным эскортом специалистов (врач, акушерка, детская сестра, анестезиолог) в течение всего процесса, отдельной палатой, куда можно поместить и малыша (по желанию мамы), выпиской на 2—3-и сутки и последующим патронажем на дому.

— И папочку пустите облегчить страдания? — спрашиваю.

— В родблок не пустим, условия не позволяют. А в палату потом поздравить жену — пожалуйста. Если трезвым придет. А то у нас тут один который день под окнами ходит. Крикнет: «Та-а-ань!» — голову задерет, чтобы третий этаж увидеть, и тут же равновесие теряет. Встанет, опять: «Тань!» — и снова падает.

— Почему же светлое будущее? — интересуюсь.

— Мы прикинули с экономистами. Неосложненные роды — тысяча. Что-то серьезное, операция требуется — максимум полторы. Аборт — порядка ста рублей. Но с комфортом и со всяческими гарантиями.

Мы же должны быть морально чистыми людьми. Не дай бог, какие-то ослож-

нения — деньги вернем. Все и без разговоров. Если остатки плодного яйца при аборте, это чья вина? Врача. Как сделать, чтобы этого не было? Мы приобрели переносной ультразвук, значит, аборт будет под аппаратом. Сделали — сразу видно, что матка чистая.

— Значит, к бесплатным роженицам хуже будете относиться?

Вопрос вопросов.

Эта проблема всегда маячила перед апологетами бесштанного равенства. Вот ведь вбили в сознание: если кому-то станет лучше, то всем другим непременно хуже. Да чушь собачья. Что, раскесарив бесплатную роженицу, врачи зашивать не станут, побросают инструменты и кинутся к другой, платной? Этого не может быть, потому что не может быть никогда.

Все просто. До двух часов, как и раньше, бесплатные аборты. После двух кто хочет заработать, только по желанию (а кто ж откажется 100 рублей чистыми в карман положить?) — милости просим на аборты платные.

Так же и с родами. Роддом остается учреждением государственным, то есть бесплатным. Все идет своим чередом: роды, операции, дежурства, графики. Как привезли роженицу, скажем так, бизнес-класса, свободная в данный момент бригада отрывается от своих домашних очагов и обеспечивает все в лучшем виде.

Что касается отношения... Врач — он всегда или врач со всеми вытекающими отсюда последствиями, или дипломированный дилетант. У роддома отличная репутация — этим многое сказано. Врачебных вакансий нет, средний медперсонал (!) укомплектован полностью. Принаюсь, много раз гоняла с ними чай в ординаторской. И о чем, вы думаете, говорили? Да не о житье-бытье. Исключительно о маточных трубах, недоношенных детях, осложнениях и прочих, не дающих расслабиться вещах. Чуть что — чашки побросали и бегом по палатам.

— Ну вот скажи, — вопрошает в который раз спровоцированная мною Людмила Борисовна, — могу я к ним по-разному относиться, если все они мои больные?

Телефон надрыдается, в трубке рыдания: дочь погибает в подмосковной больнице, кровотечение открылось, а там лекарств нет, одними витаминами кормят: как быть, если не из этого района?

— Да хоть из Эфиопии, — орет в трубку. — Берите под расписку и везите сюда.

Всех зовут.

«Была я в райздраве, там телефоны звонят постоянно — акушеры-гинекологи просят место. Видишь, ка-

кие времена наступили, безработицы боятся. А теперь и райздравы закрыли. Только кто ж их на работу возьмет, когда они ничего руками делать не умеют, а к хорошей зарплате привыкли?»

Понимаешь, я никогда не боялась уйти простым врачом. Меня, между прочим, и начальником отдела в главк звали, и в Моссовет. Я сказала: в жизни не буду с бумагами заниматься. Я люблю больных, кабинет этот ненавижу.»

Почему-то всегда висели надо мной дамокловым мечом слова одного моего преподавателя: «Если из вас не получится врач, из вас получится главный врач». Это было так оскорбительно».

Чудеса, да и только. Не верите — проверьте. У всех плохо, а у нее все хорошо. Определение известно — оптимистка.

А чудеса и впрямь случаются. Приехали корреспонденты из уважаемой английской газеты «Миррор». Хотим, говорят, сфотографировать молодую маму, которая, несмотря на ваши затрудненные условия выживания, решила все-таки завести себе ребеночка и родила его во время вашего знаменитого путча. Иными словами, продолжается у вас тут жизнь или совсем закончилась?

Одна молодая мамочка сразу и наотрез отказалась. Не хочу, сказала, позировать перед какими-то иностранцами. А другая, Оксана Комбарова, согласилась.

Поснимали ее англичане с сыном Васей, родившимся аккурат 21 августа, вынимают из бумажников 450 рублей. Извините, мол, за беспокойство, слышали, что коляски у вас дорогие. У первой мамочки нервное расстройство приключилось.

А месяц назад пришла в роддом посылочка размером с кухонный стол. Открывает Людмила Борисовна, видит, бумажка розовая вложена: «Советскому бэби». И барахла иностранного навалом — от рождения до трех лет, — что и зафиксировал на снимке уже наш фотокорреспондент (безвозмездно, увы!).

А еще позвонил из Лондона директор фирмы, производящей медоборудование, Ричард Кристи и сказал, что готов подарить роддому все, что они захотят. И даже прислать обещал без проблем, в личном самолете. Только просил обеспечить вывоз из Шереметьева-2.

— На своем горбу дотащу, — прохрипела Людмила Борисовна. Потом вспомнила швейцарца, который так и не прислал шубы. И успокоилась.

«Бедные мы, и чудеса у нас какие-то сплошь меркантильные, а все приятно», — подумала и пошла на утренний обход.

Фото Николая СТЕПАНЕНКОВА

Клайпеда

БРОСЬ СИГАРЕТУ! И СПИЧКУ

В этом году в Клайпеде состоялись уже вторые необычные соревнования, посвященные Международному дню воздержания от курения. Женщины и мужчины соревновались в бросании спички и сигареты на расстояние. Почти все прошлые рекорды побиты.

Бросание спички:

20,67м — Альгимантас Петраускас

7,09м — Ниеле Эйрошюте

Бросание сигареты:

10,6м — Рамунас Янкаускас

7,28м — Ниеле Эйрошюте

Агентство «FACTUM»

Ставрополь

МАЙОР НА ТРОПЕ ВОЙНЫ

В Ставрополе наживается, можно сказать, на народном горе группа, называющая себя монтерами городской телефонной станции. Они приходят к бедолагам, которые ждут своей очереди на установку телефона, берут с них деньги и обещают поставить телефон в ближайшие дни. Люди прощаются с «монтерами» со слезами благодарности на глазах, составляют график, чтобы дома всегда кто-то был, и начинают терпеливо ждать второго визита

представителей телефонной станции. Разумеется, никто не приходит...

Надо думать, последней жертвой «монтеров» стал майор милиции, тоже доверившийся жуликам. Однако, когда майор понял, что не увидит ни телефона, ни своих пятисот рублей, он пришел в страшную ярость и поклялся отыскать «монтеров» во что бы то ни стало.

Сергей БОНДАРЕВ

Киевская область

В ЭТОЙ ЖИЗНИ УМЕРЕТЬ НЕ НОВО...

...Однако очень трудно похоронить.

Житель г.Боярки Киевской области В.Портной, выполняя последний долг перед тестем, героем войны и майором запаса, заказал в Киево-Святошинском районном комбинате коммунальных предприятий «полагающийся и незаменимый» в подобных случаях автокатафалк.

И тут... Впрочем, ничего не произошло: в оговоренное время катафалк не прибыл. Ритуальная служба на все звонки отвечала: «Ждите, он в пути». Однако его не дождались ни через час, ни через сутки. Слава Богу, водитель военного грузовика, на котором прибыли музыканты, согласился, доставить гроб с покойным на кладбище.

Расследование, проведенное родными покойного, показало, что по распоряжению директора райкомбината В.Парфеса автокатафалк был направлен в это время в соседнюю Ирпень: там кому-то понадобился маршрутный автобус. Деньги заказчику комбинат вернуть готов.

Виктор ОЛЕНЧУК

Брянск

ТРУДОВЫЕ БУДНИ ГИНЕКОЛОГОВ

Не в палатах, не в процедурных кабинетах и не в «родилках» были вынуждены проводить недавно большую часть своего рабочего времени сотрудники роддома № 2, а в подвале, где в огромном количестве завелись блохи. Беспощад-

ная схватка с насекомыми, пытающимися завоевать и остальные площади роддома, закончилась победой «хомо сапиенса».

Александр СТОКЛАСКА

Вильнюс

ЭКЗАМЕН... ПО РАДИО

Всем хорошо запомнился сюжет из популярного фильма про Шурика. Незадачливый студент идет сдавать экзамен. Щека перебитована, а на лацкане пиджака — огромная роза...

Студент отделения журналистики Вильнюсского университета Лаймис Петравичюс (фамилия и имя изменены) этот фильм тоже смотрел... и решил претворить идею в жизнь. Ведь до экзамена по стилистике литовского языка остались считанные часы, а Лаймис не чувствовал себя уверенным в этой науке. И он пошел к приятелю — заядлому радиолюбителю. Из-за дефицита времени приятель сделал только одностороннюю связь: один диктует, а другой слушает. Утром, перед экзаменом, Лаймис проверил аппаратуру и уверенно пошел сдавать. Двое его коллег сидели в кустах под окном аудитории, где шел экзамен, и ждали условленного знака — номера вопроса. Увы, техника подвела. Ни с того ни с сего приемник в кармане Лаймиса начал пищать как угорелый. Пришлось спешно ретироваться.

Агентство «FACTUM»

А НУ-КА, ДЕЛОВЫЕ!

Чтобы перейти к рынку, мало обзавестись рыночными законами (желательно — действующими), свободными ценами и разными формами собственности. Главное, чтобы рыночные идеи (как говаривали, правда, по другому поводу, классики) «овладели массами». Хотя народ уже перестал вздрагивать при слове «предприниматель» и даже «бизнесмен», но нередко еще косится на делового человека с явным подозрением, а законодатели расставляют силки из всяческих параграфов и ждут — попадутся в них эти самые деловые или нет?

В общем, как сказал доктор экономических наук Г.Лисичкин, «надо снять железобетонную плиту, которую советская власть уложила на бизнес». А сказал он это на пресс-конференции, посвященной первому отечественному конкурсу «Деловой человек — формула успеха». Конкурс, инициаторами которого стали акционерная компания «ИТЕМА» и журнал «Деловые люди», открытый — всякий, кто добился чего-то стоящего в предпринимательстве, может предложить свой вариант заветной формулы. Причем в любой сфере: от промышленности до образования, от медицины до искусства. Конкурсная комиссия по специальной методике в несколько этапов выберет тех, кто достоин призов. Между прочим призовой фонд — миллион рублей. Пока эта сумма еще звучит неплохо.

Но призы — это не все. Участники конкурса, вероятно, станут первыми членами своего рода делового клуба, который позаботится о том, чтобы снять с них бремя проблем, вечно мешающих заниматься делом в нашей стране, — вроде добывания билетов на самолет или поезд, бронирования мест в гостинице, организации деловых обедов и т.п. Да и известность что-то значит.

К началу ноября в оргкомитет конкурса уже поступило около 100 заявок. Границы, которые сейчас с таким усердием рисуют на карте бывшего Союза политики, никак, похоже, не отразились на географии конкурса: тут и Кавказ, и Украина, и Средняя Азия. Нашлись даже в Нигерии и Дании желающие стать лучшими бизнесменами нашей страны. Но эти хоть и молодцы, однако несколько погорячились. Нам в данном случае надо найти свою, отечественную формулу успеха.

В.С.

Омск

ТАК НЕ ДОСТАВАЙСЯ ЖЕ ТЫ НИКОМУ!

На шпалах около Омска стояло несколько цистерн с вином. Дальнейшее будто бы ясно: если уж местные алкоголики или мафиози эти цистерны не угнали, то наверняка захватили и опустошили их на месте.

Нет! Их облили бензином и подожгли!

Это сделали «двое злоумышленников», одного из которых «схватили за руку» на месте преступления, а другого тоже схватили, но в другом месте и через несколько часов. Свой странный поступок «злоумышленники» объяснили отнюдь не трезвенническими принципами, а нелюбовью к южным торговцам, которые доставили вино в Омск.

Эльза КЕПОЛАС

Томск

ПОКА ИХ ДВАДЦАТЬ

Бурными проклятиями встретили первый снег в Томске двадцать иорданских студентов местного педагогического института. Ведь они привыкли жить в знойном климате и купаться в теплой реке Иордан...

Снег — не единственное из непреодолимых препятствий для несчастных студентов: в институтской столовой какое-либо иное мясо,

кроме свинины, отсутствует. А свинину есть запрещает шариат. Но, несмотря на все эти сибирские причуды, иорданцы по-прежнему считают диплом советского вуза престижным, платят за обучение доллары и рубли и очень надеются дожить до момента вручения дипломов.

Ольга ФИЛАТОВА

Обнинск

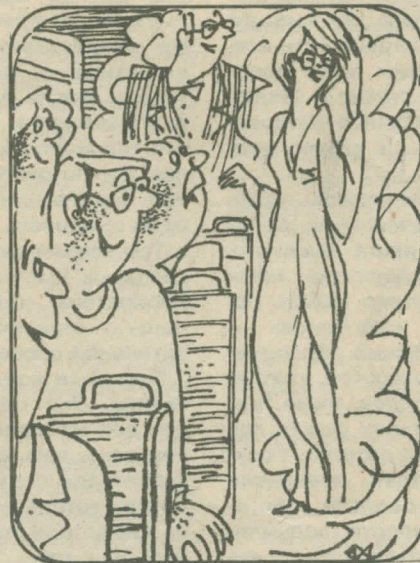
СВЕТСКИЕ НОВОСТИ

Стоял на редкость гнусный, сырой осенний вечер. Из Калуги в Москву ехала грязная электричка и везла полусонных дачников и «гонцов» за едой. На станции Обнинское дверь распахнулась и в вагон вошла блистательная Анастасия Вертинская в изящном туалете и легких туфельках. Ее сопровождали Андрей Харитонов и кинопродюсер Андрей Окулич. Пассажиры протерли глаза. Видение не исчезло.

Причиной экзотической поездки знаменитостей оказался густейший туман, окутавший Подмоскovie. Во время премьеры в обнинском Доме ученых фильма А.Харитонова «Жагда страсти» с А.Вертинской в главной роли, выяснилось, что ГАИ на неопределенный срок закрыло движение всех машин по киевской трассе.

Выбора не оставалось.

Александр ШИБАНОВ

Осколки собирала
Елена АВЕРИНА
Рисовал К.РЫБАЛКО
Телефон: 928-70-79

ДЕФИЦИТ

Торговля была всем, а стала ничем: в магазинах ничего нет. Пусто и на торговых базах. Это говорят знающие люди, которые бывают за кулисами торговли. Между тем международные эксперты, которые посетили нашу страну, чтобы установить причину надвигающегося голода, пришли к удивительному выводу: голода быть не должно, потому что в стране есть все, что нужно человеку. С ними солидарны наши предприниматели, которые разъезжают по стране и заключают разного рода сделки: на строительные материалы, на мясо, овощи, фрукты, одежду... В стране есть все... Ничего нет в торговле.

Зато торговля есть и крепнет. Укрупняются торговые структуры. Бывшие торговые начальники среднего ранга становятся начальниками ранга высокого. Бывшие торговые подразделения, ведающие магазинными «кустами» и «точками», перестают носить оскорбительные названия «райторгов», «горторгов» — и присваивают себе имена Объединений, Ассоциаций, Комитетов... Кабинеты в них умножаются, упитанные люди, их населяющие, смотрят бодрее. Иные торговые начальники теперь работают в таких домах, где на полах ковры, а на стенах зеркала до потолка. Государственная торговля принимает людей, прекрасно разбирающихся в тонкостях товарооборота, торговых скидок, коэффициентов забывчивости, задумчивости, замученности... Эти лидеры спустились с небес: из подвергшихся сокращению союзных структур. Они уже не учат этому других с 9 до 18, перерыв на обед с 13 до 14...

Учиться, впрочем, нечему, потому что не на чем. Великое уменье советского продавца обсчитывать и обвешивать покупателя остается невостребованным. В эпоху тотального ДЕФИЦИТА ярче проявляется другая особенность торгового работника: его грубость и презрительное отношение к покупателю. Ни сочувственного взгляда, ни теплого слова не встретишь в нынешнем магазине. Наоборот, именно теперь, когда за какой-нибудь малостью в магазине выстраивается непомерно длинная очередь, потому что той малости нет ни у кого в доме, магазин делает все, чтобы очередь удлинить, сделать ее изнурительнее: чеки выбивает один кассир, за прилавком стоит один продавец...

Тем временем в ставших более интеллектуальными торговых кабинетах в агонии бьется торговая мысль. Изобретены «покупка по паспортам», «визиткам», талоны — ограничители, которые не ограничивают покупательной способности и не гарантируют покупку.

Торговые нововведения приводят покупателя в отчаяние. Оно сдерживается, как обычно, только надеждой на лучшее будущее, которое, впрочем, не более ясно, чем, скажем, коммунизм. В самом деле, что значит для покупателя демократия? Пока что она означает тотальный ДЕФИЦИТ. Но это не так: дефицит не следствие демократии — это, наоборот, результат борьбы с ней.

Разве наши производители полностью свободны и ограничены лишь налогами? А разве магазины принадлежат тем, кто любит торговать и знает толк в товарах, которыми наполняет свои полки? Да нет! Для

производителей придуманы новые формы государственной собственности, а тем, кто отдал свою трудовую книжку в магазин, разрешили иногда вступать в прямой контакт с производителем или отойти от государственного торга и влиться в новую структуру, придуманную авторами талонов и «визиток», — в каком-нибудь торговое объединение под замысловатым названием вроде «Меркурия». И вдобавок из всех кооперативов разрушили, запретив, самые нужные: посреднические. Им не дают возродиться даже после августа 1991 года. Во всяком случае, ничего об этом не слышно. А как директору магазина, даже если бы он стал его собственником, наполнить полки без посредников? Не поедет же он сам по ближним деревням и дальним городам с мешком за плечами?

Все это — азбука демократического общества. Но буквы не складываются в слова, потому что те, кто выше нас по положению, говорят на каком-то ином языке. Они, должно быть, думают даже, что жить можно без торговли. Конечно, можно! Если вас кормят и поят с ложки, одевают на примерках, причёсывают — волосок к волоску в заданном рисунке — бесплатно, как артистов перед выходом на сцену, то магазины ни к чему. Зачем ходить по магазинам? Зачем человеку магазин?

Государственная торговля вступила в острый конфликт с обществом. Покупателям отвратительны очереди, а производители не желают отдавать свои товары магазинам, где с их товаром обращаются бесчеловечно и с его помощью унижают покупателя. Вот потому в магазинах и стало пусто.

Государственная торговля изживает себя — медленно и ценой нашего здоровья.

Отдел социально-бытовых проблем

ВСЕ — ОБ ОДНОМ

«Заводы, фабрики работают, рапортуют, как в старые, добрые времена, о выполнении и перевыполнении планов. Но куда девается их продукция? В магазинах пусто. Нет возможности купить ни одежду, ни обувь, ни продукты».

И.Никанорова, г. Москва

«Недавно отмечали юбилей отца. Хотели подарить ему часы. Обошли все магазины — не нашли. Куда они исчезли, ведь совсем недавно их было полно?»

**Г. и Н.Егоровы,
г.Щелково Московской обл.**

«Весной родственница привезла из-за границы гостинчик — конфеты. Большое, очень красиво расписанное пасхальное яйцо, а в нем драже в виде маленьких ярко раскрашенных синих, зеленых, красных и прочих цветов ячеек. Чудо! А вкус какой! Для нас это сегодня — недосягаемая мечта. Даже обычной карамели в убогой «одежке» нет, дети уж забывать стали, что такое конфета».

О.Мироненко, г. Омск

«Я работаю продавцом в сельском магазине. Стою и целый день на вопросы покупателей отвечаю: этого нет, и этого нет, и когда будет — неизвестно. Стали дефицитом даже те товары, которыми прежде затоваривалась».

Г.Комарова, Ивановская обл.

«Когда, наконец, я смогу выкупить сахар? Все лето не могу этого сделать. Сама бы обошлась, но заняла у соседки банку, обещала вернуть через неделю, теперь хожу, глаза прячу, мимо нее уж третий месяц. Знаю, что и она без сахара сидит».

М.Зипунова, г. Москва

«То, что нет импортных товаров, — можно объяснить отсутствием в стране валюты. Но куда исчезает то, что изготовлено на наших предприятиях? Может, за граница скупается?»

К.Фомин, г. Одинцово Московской обл.

«Куда пропали обыкновенные электрические лампочки? Скоро последняя перегорит, что тогда делать? Сидеть при копилке или лучине? Обычную свечу в хозмаге тоже не купишь, говорят, что дефицит».

С.Крамарова, г. Курск

«Когда цены на колбасу повысили, думали, хоть дефицитом быть перестанет. А попробуйте купить без очереди, особенно сосиски!»

Н.Рогова, г. Москва

«На рынке десяток яиц стоит столько, сколько до подорожания в магазине стоила сотня, а то и две. Но тогда их можно было сравнительно спокойно купить в магазине. А теперь? Куры, что ли, бастуют?»

Г.Котов, г. Москва

«У нас манную крупу продают по рецептам (и рис тоже). Уж и вкус забыла некогда очень любимой манной кашки, сдобренной знаменитым нашим вологодским маслом, которое тоже куда-то сгинуло».

Т.Парфенова, г. Вологда

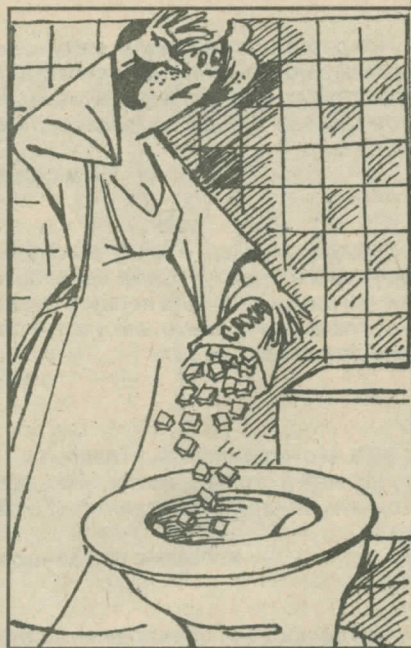
«Не можете ли вы сообщить, когда, наконец, появится в продаже хоть какая-то посуда? Не в чем щи сварить, не из чего их похлепать, не в чем чай заварить, не из чего его попить».

А.Пахомова, г. Боровск

«Мы молодожены, недавно получили комнату. Не можем купить в нее даже самое необходимое — стол, стулья, кровать, шкаф. Не говоря уже о телевизоре, холодильнике, пылесосе и прочей роскоши».

Ю. и С.Хомченко, г. Саратов

Раиса
ФИРСТОВА

ГОРЬКО!

Пенсионерке Лидии Ивановне в начале лета очень повезло: родственница с юга передала ей большое ведро вишни. Старушка наварила из нее варенье, небдуманно ликвидировав весь имевшийся в доме сахар. Причин для беспокойства вроде не было, так как заканчивался месяц, а талоны на следующий были уже на руках — и на себя, и на членов семьи.

Но Лидия Ивановна крепко просчиталась. Сахар она не смогла купить ни в июле, ни в августе. А когда пенсионерка обнаружила его в конце сентября в булочной, очередь была такая, какой она с войны не видела. Тем не менее Лидия Ивановна мужественно встала в нее, вернее, записалась под номером 504.

Конец первых суток осады булочной был ознаменован благополучным отовариванием 190-го номера. Лидия Ивановна имела шанс обменять свои талоны на сахар в лучшем случае на третьи сутки. В худшем — вовсе не отовариться, если сахар кончится. Слухи о том, что он кончается, с назойливым постоянством потрясали очередь едва ли не через час, но пока оказывались ложными. Верной оказалась информация о том, что дают сахар лишь по шести талонам. Больше ни грамма не давали. Хотя все лето солидные дяди и тети по радио и телевизору утешали людей в том плане, что город вот-вот будет завален сахаром и все талоны будут отоварены. А потому, мол, не паникуйте, дорогие москвичи, и талоны берегите. Москвичи все равно паниковали, но по другой причине: ягоды в садах осыпались, сезон заготовок проходил, а тут не то что на варенье — к чаю ложки сахара в доме нет. Мало радости от перспективы завалиться сахаром осенью. Яичко дорого к красному дню!

И вот вместо обещанного сахарного изобилия — эта очередь.

Я тоже в ней стояла, как раз за Лидией Ивановной. Как всех, трясло от мысли, что зря стою, все равно не хватит, и что дают лишь по шести талонам, хотя, может, родная торговля обо мне же и позаботилась: отovarь я все накопившиеся на себя и членов семьи талоны, как до дому дотащу? Как все, я тоже решительно не могла понять, почему столь желанным для массы покупателей продуктом торговал всего один отдел одной в напичканном магазинами квартале «торговой точки», а в остальных про-

давцы самоотверженно охраняли пустые прилавки или дремали; умирая от скуки? Ведь можно этот сахар распределить по всем отделам, да на улице лотки поставить и торговать с них расфасованным заранее, а не в присутствии полузадавленных очередью покупателей развешиваемым песком!

Каюсь: ушла из этого ада почти перед финишем — не больше сотни затылков впереди оставалось. Прибежала молодая женщина, сообщила, что на минутку оставила дома ребенка, и стала умолять очередь позволить ей взять сахар вне очереди. Жалко улыбалась и объясняла, что сынок ее не хочет кашку без сахара есть, а его ни грамма нет. Молодую мать никто слушать не стал: «Ишь, какая! Все стоят, а ей без очереди дай!», а она все бегала вдоль очереди со своей жалкой улыбкой и умоляла позволить ей отоварить один-единственный талончик. Я ушла, потому что помочь ничем не могла и видеть это жалкое, растерянное лицо тоже уже не могла.

А совсем недавно столько его было, этого сахара! Никто впрямь не брал, всегда можно было без всякой толкотни взять сколько надо. Потом стал исчезать. Летом 1988 г., будучи в командировке в Новгородской области, я попыталась выпросить без талона сначала 200 г, затем 100, потом пару кусочков сахара. Ни кубика не дала строгая продавщица! То ли пожадничала, то ли и вправду за каждый грамм отчитывалась. И это было странно, потому что дома, в Москве, проблем с сахаром еще не наблюдалось, а о талонах на него и речи не шло.

Это нас и подвело. Я не смогла купить в Новгородской области несколько граммов. Но жители этой и другой областей, торговавших сахаром по талонам, могли сколько угодно купить его в Москве. Начались перебои, возникли очереди, в которых вынуждены были стоять и встревоженные москвичи. Брала про запас.

Весной 1989 г., по выражению одной газеты, «рухнул последний бастион» и столица нашей Родины перешла на талоны. Пока только на сахар. Многие приняли это едва ли не с радостью. Плохо ли без всяких очередей раз в месяц выкупать положенную тогда еще довольно щедрую норму, гарантированную талоном!

Люди не представляли, в какую ловушку попали. И, какие очереди могут собрать торгующие сахаром (а теперь и другими товарами) исключительно по талонам магазины, думаю, тоже не представляли. Жизнь стала очень несладкой. Оттого, что за пределами не только столицы, но и республики кому-то еще хуже, не легче. Хотя ох как несладко людям! В Эстонии за восемь месяцев этого года на душу населения было продано 5 кг сахара, примерно столько же — в Вологодской области. Около 625 г в месяц. В сутки — 20 г. Медицинская же норма потребления сахара по меньшей мере вдвое больше.

Была бы возможность восполнить этот дефицит кондитерскими изделиями — было бы легче. Но и они — дефицит. Теперь все дефицит.

Но вернемся к сахару.

Талоны на сахар были введены в Москве весной 1989 г. Вынудили пойти на эту крайнюю, по словам руководителей Мосгорторга, меру хронические перебои с сахаром. Выходит, исчез он не одномоментно. Не провалился одним махом в неведомую пропасть, а просачивался в нее понемногу — да едва ли не с тем же результатом. На вопрос, где сахар, обязанные отвечать лица не устают из года в год давать пространственные, не очень вразумительные ответы. Последние варианты ответов: Куба сахар перестала поставлять. Украина, ставшая заграницей, тоже зажала. На границу замахиваться не будем.

Возьмем на себя смелость расследовать лишь одну причину пропажи сахара в России. За одной стружкой, унесшей в никуда миллионы тонн вожделенного ныне продукта, проследим.

Помогли мне в этом расследовании работники Госторгинспекции Минторга РСФСР.

В 1987 г. сахар лежал всюду. Госторгинспекция, проверив в том году 87 697 тонн, забраковала 1223,6. В процентах — всего-то 1,4. «Всего-то» потому, что в предыдущем, 1986 г. из проверенной прорвы инспектора были вынуждены снизить в сортности и забраковать 9,9 процента. Сахар пошел сочиться, но его еще много, а о талонах (во всяком случае в Москве) не слышно.

В 1988 г., проверив 7194,3 тонны, инспектора ставят «двойку» 331,2 тонны, а если в процентах — то 4,6. Сахар сыплется, сыплется...

В 1989 г. с сахаром большая напряженка не только в провинции, но и в Москве. В апреле вступает в силу вышеупомянутая «крайняя мера». А торгинспекция, проверив 15 104,4 тонны сахара, снижает в сортности и бракует 1 232,3 тонны, или 8,2 процента — чуть ли не вдвое больше, чем в предыдущем, уже очень несладком году.

В прошлом, 1990 году дефицит еще более ожесточился, но и это мастеров брака не остановило. Только за полгода, проверив 11 442,9 тонны сахара, инспектора посчитали негодным (кроме условно пригодной для промпереработки малой части) 9,7 процента.

Можно сколько угодно валюты тратить на закупку сахара за рубежом, как угодно бережно нянчить на родных полях сахарную свеклу! Сладкий песочек знай сыплется себе в бездонную пропасть.

В Госторгинспекции мне показали документы, которые, вероятно, могут быть интересны и читателю. А потому — цитирую: «...на отдельных предприятиях количество забракованной продукции к проверенной составило от 10 до 100 процентов. Длительное время остается неблагоприятным положение с качеством сахара на Приморском сахкомбинате... Особенно низкого качества сахар вырабатывал Чечено-Ингушский сахарный завод... Причины указанного — нарушение технологических режимов по стадиям производства, работа на неисправном оборудовании».

Убогое оборудование — с этим аргументом не поспоришь. Но почему надо нарушать технологический режим? Почему бы часть затрачиваемой на закупку сахара валюты не потратить на приобретение приличного оборудования, коль самим не под силу сделать?

«При проверке пяти сахарных заводов Воронежсахарпрома продукция браковалась на трех из них. Всего при контрольно-выборочных проверках забраковано 54,3 тонны по завышенной цветности и посторонним включениям темного цвета». Какого рода «включения» — в документе ничего не написано. Моя подруга, выстояв за сахарным песком не знаю чьего производства несколько часов, с омерзением вытряхнула в унитаз приобретенные пакеты из-за этих самых темных включений, оказавшихся при внимательном рассмотрении крысиным пометом. К несчастью, доблестная, но весьма немногочисленная служба торгинспекции физически не в состоянии проверить каждый мешок! Хотя старается! Иной раз с таким сталкивается! Вот вам один из методов хранения деликатного продукта: «На базе Арбажского (Кировская область) райпо забраковано все наличие — 51,1 тонны сахара-песка. Продукция хранилась в овощном складе, частично на полу без подтоварников, вплотную к каменным стенам (имеющим, кстати, склон-

ность промерзнуть и оттаивать. — Р.Ф.), без проходов между штабелями. На складе влажно, вентиляция отсутствовала». По результатам этой проверки было возбуждено уголовное дело, да нам-то от этого не слаще.

Еще документ. «Рязанским управлением Госторгинспекции в IV квартале 1988 г. забраковано 7,2 тонны сахара, или 36,9 процента от проверенного количества... Сахар-песок... влажный, липкий на ощупь, не сыпучий, комкообразный, мешки грязные, мокрые. Причина порчи — нарушение условий хранения». Был сильно подмочен и «скомковался в монолит» сахар-песок и в Краснодаре. Прости, читатель, за горькую правду, но «имели место забраковки сахара-песка в розничной торговой сети Тульской, Астраханской, Читинской, Новосибирской, Ивановской, Свердловской, Смоленской, Курской, Вологодской, Челябинской, Тюменской областей; Ставропольского, Приморского краев; Карельской, Бурятской АССР».

В цивилизованном обществе принято выбрасывать то, чего слишком много, при условии, что никому это не надо. Кому не нужен сахар в голодной нашей стране, коль в таком чудовищном количестве его выбрасываем? Горько, соотечественники, горько!

**Вячеслав
БАСКОВ**

**ХОЧУ
МАЛОСОЛЬНУЮ
КОНФЕТКУ!**

Пить чай не с чем. Это тем более удивительно, что все пять московских кондитерских фабрик работают. Ни одна ни на день не закрывалась на ремонт, вроде табачных фабрик «Ява» и «Дукат», которые работают попеременно и изводят всех надуманным дефицитом самых ходовых папирос и сигарет. Нет, кондитерские выпускают сласти на полную катушку. Роста, конечно, нет, есть некоторый упадок производства в целом, но не столь сильный, чтобы вся, так сказать, «номенклатура изделий» разом пропала.

Всю жизнь московские фабрики выпускали в год 270—280 тысяч тонн конфет, карамели, печенья... Еще в 1989 году было выпущено 277 тысяч тонн. В 90-м году выпустили чуть меньше — 262 тысячи, в 91-м — 261,5 тысячи тонн. Но, повторяю, эти 10—15 тонн кондитерии

не могли привести к повальному дефициту всего сладкого. Из-за трудностей с сахаром на фабрике «Ударница» рабочих как-то летом отпустили в отпуск на две недели. Но то был единственный простоя. До того и после того фабрика работала. Однако ни до того, ни после продукции фабрики «Ударница» в магазинах не было видно года два, а то и больше. Не скажи мне директор «Ударницы» Лев Васильевич Хлопов об этих двух неделях трагического простоя, никто из нас об этом не догадался бы, потому что у нас полное ощущение, что фабрика не работает вообще, и уже давно.

Шестизначные цифры сладостей — это очень много, поверьте. Это — горы. Только одна фабрика «Красный Октябрь» выдает в год на каждого статистического москвича, способного есть сладкое, по 5,5 килограмма. Пять фабрик — по 35 килограммов! А врачи рекомендуют потреблять в год не больше 18 килограммов. Куда же деваются все эти горы приправы к чаю? Никто, лучше директоров фабрик, знать этого не может. Однако все директора, заместители директоров дружно сказали, что они сами не знают, куда все девается. «Я сама удивляюсь! Я лично удивляюсь, где все?!» — говорила заместитель директора «Рот-Фронта» Тамара Леонидовна Федина. То же сказали директор «Красного Октября» Анатолий Николаевич Даурский, уже упоминавшийся директор «Ударницы» Лев Васильевич Хлопов, заместитель директора фабрики имени Бабаева Николай Александрович Трифонов... Никто не знает. Может быть, с фабрики не уходит? Николай Александрович Трифонов продиктовал: 2 сентября 1991 года 12 машин сделали 22 ездки и вывезли в магазины 69 тонн сладостей. 3 сентября 16 машин совершили подвиг будней — 26 ездки с 73 тоннами сладостей. 5 сентября — 110 тонн, 6 сентября — 106, 13 сентября — 117... И так — каждый день! Вывозить не успевают! Только вот вопрос: куда?

Руководители фабрик считают, что в магазины, по мнению это не единодушное. Были высказаны следующие суждения:

Денег у населения много — все скупают: раньше машина приходила и товар продавали пять дней, а теперь то же самое количество раскупают за два часа;

население Москвы выросло и продолжает расти;

приезжие скупают, потому что они там у себя и фабрик кондитерских не имеют, и как живут — вообще за гадка века;

цены на сладкое невысокие;

и, наконец, дефицит сладкого нельзя рассматривать изолированно от других продуктов питания: когда нет мяса, колбасы, картофеля, вермишели и всего другого, что требуется человеку, то люди едят сладкое в чудовищном количестве.

Сладкое — питательно. Сладким быстро наедаешься. Но сладкое в избыточных количествах — убийственно. От сладкого такие болезни, о которых в статье о сладком и упоминать не хочется.

И вот теперь пора сказать, что наши кондитерские фабрики очень хорошие, а советские сладости пользуются успехом в более цивилизованных странах. Например, советский шоколад — самый вкусный в мире. В одной тонне шоколада у нас содержится 600—700 килограммов африканских какао-бобов. Когда ешь советскую шоколадку, то во рту приятно горчит: это, по-нашему, настоящий шоколад. А на Западе шоколадки не такие. Там в тонне шоколада всего 300—400 килограммов какао-бобов, остальное — молочные продукты. «У них» шоколад какой-то «молочный».

«У них» и конфеты, карамели, вафли, печенье, бисквиты не такие сладкие, как у нас. У нас любят бухать сахар даже в то, что должно быть соленым. Вероятно, потому, что у нас к сахару относятся чрезвычайно серьезно: это — вещь. Так просто сахар ложками есть не будешь — его не жалко бросить в массу. А вот молоко, сливки и другие конфетные составляющие могут пригодиться и для каши, и для супа, на масле можно жарить картошечку... Сахар вытесняет все: муку, шоколад, фруктовые начинки, спиртные напитки, которые тоже используются при изготовлении конфет и карамелей, яйца... Сахар — это вес. Сахар — это масса. Наши сладости, строго говоря, есть нельзя: от них горит полость рта. Они переслащены неимоверно. Ни одна сладость не должна быть такой сладкой. Это просто ни к чему. От наших сладостей люди портят зубы, внутренние органы, нарушают обмен веществ...

На фабрике «Красный Октябрь» со мной были приветливы и даже игривы, пока речь не зашла о том, из чего состоит их конфета. Тут главный технолог Ирина Алексеевна Кондакова (очаровательное создание!) по-суровела, словно бы немножко переела собственной продукции. Она ни за что не хотела говорить, сколько сахара кладут в чаны. Это оказалось тайной рецептуры. Потом, не найдя в себе больше сил сопротивляться назойливому мужчине, она взяла со стола толстую рецептурную книжицу. Этот монументальный труд отечественных кондитеров я мог бы получить в библиотеке имени Ленина и сам, и тогда все тайны «Красного Октября» были бы тотчас известны американской разведке. Так вот, взяв в белые руки рецептурный справочник, Ирина Алексеевна, не утруждая себя точными расчетами, эдак в уме быстренько подсчитала, что раз в «Мишке косолапом» «где-то» 40 процентов только натурального сахарного песка, а сахар еще содержится в какао-продуктах, вафельной прослойке, начинке, патоке, то всего его там... больше половины. В конфетке «Цитрон» (она буквально обжигает рот) сахара «где-то» 67 процентов. В карамели «Малина со сливками» — «где-то» 52 процента...

Но Ирина Алексеевна лишь приблизила меня к истине. Ее оправдывает желание запутать противника. Ее 67 процентов — это наверняка все 85, ее 52 — не меньше 70. Советские конфеты и карамели — это сплошной сахар!

Впрочем, любые кондитерские изделия советского производства вредны для здоровья даже в малом количестве: это сахарные концентраты. И пусть обаятельные работники кондитерских фабрик не прикрываются тайной рецептуры. Она потому и тайная, что скрывает противопоставленное человеку. Ее держат в тайне еще и потому, что она устаревшая. Все эти рецепты наверняка разработаны на случай войны, чтобы человеку в окопе дали одну конфету и он получил месячную норму сахара. Любому нашему кондитерскому изделию сахар нужен вовсе не для вкуса, а еще как консервант. Также на случай войны, когда предполагаемый противник выведет из строя кондитерское производство. Сахар сыпят в чаны сейчас точно так же, как и много лет назад, когда конфетами были заполнены витрины и подсобки всех магазинов, особенно кондитерских. Имеющие недолгий срок годности, конфеты тогда лежали на прилавках месяцами, их сбывали покупателю заплесневелыми, «осаленными». По этим и другим неароматным признакам протухлости Государственная торговая инспекция списала в свое время разных конфет не десятки, а тысячи тонн.

Газеты тогда боролись за снижение цен на конфеты, чтобы фабрики не переводили ценное сырье. А вафли, печенья, мармелад — страшно вспомнить, в сколь залежалом виде продавщицы норовили сбыть их покупателю еще совсем недавно! Когда пошли «заказы», их совали в любой «заказ» — хоть в рыбный, хоть в овощной. Их начинали сбывать тогда, когда уже и сахар не действовал...

Импортные конфеты имеют совсем другой вкус: они прежде всего несладкие. Тамашние кондитеры готовят конфеты не на случай войны. Они нашли во вкусовом букете ту серединку, когда, знаете, огурчик бывает приятен не свежий, не соленый, а малосоленный. У нас такие «малосоленные» рецепты тоже известны. «Малосоленные» сласти выпускают исключительно для людей высокопоставленных, которым нужно беречь их драгоценное здоровье. Те заповедные вафли, конфеты и карамельки слизистой рта не обжигают — они тают во рту. Чувствуется, что на них не сэкономили масла, сливок, муки, молока, фруктов...

Московские кондитерские фабрики — старинные. Например, «Красный Октябрь» — это бывшая фабрика кондитера Эйнема, выстроенная больше ста лет назад. Грузят конфеты в машины — вручную: бросают коробки из подвала вверх, в кузов. До недавних пор сласти делали на историческом оборудовании. Теперь делают на импортном. Но это импортное оборудование — ловушка для наших славных кондитеров, потому что запасные части теперь требуется покупать за валюту, а откуда им ее взять? Государственные подачки в этом смысле отменены, поскольку самого того государства уже нет. Нужно выходить на международный рынок. Но Запад перенасыщен славными. Наши вредные для здоровья конфеты и карамели нарасхват идут только у нас, за рубли, и потому что рублей много, и потому что сахара мало...

Но все равно советские сласти должны, наконец, стать «малосолистыми». Грех травить собственный народ. Тогда сластей можно будет выпускать во много раз больше, чем теперь, а большое число товара труднее потерять на дороге с фабрики. И содержимое коробок сможет составить конкуренцию на международном рынке... Тогда на простой вопрос: где то, что вы делаете? — любой директор фабрики уже не скажет: «Понятия не имею! Мне самому интересно — куда оно девается?!»...

Постскриптум.

На этот вопрос первыми ответили некоторые сотрудники редакции «Столицы».

— Господи, да, конечно, отдают кооператорам! — не задумываясь, сказала одна наша славная машинистка. — И коммерческим магазинам!

— Бог мой, конфет нет потому, что прямо с фабрики их везут в другие города! — уверенно заявила одна наша славная корректорша.

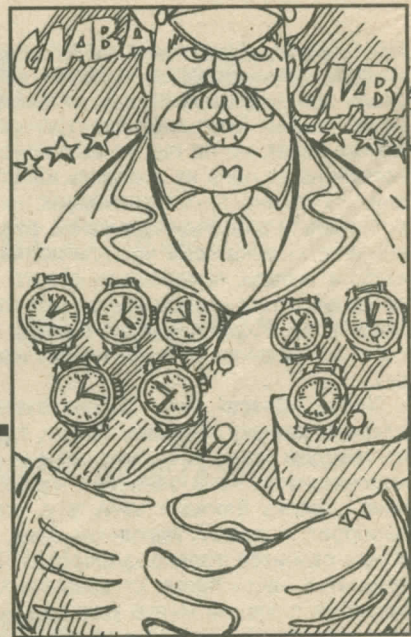
— Никому их не продают и никуда не увозят, — солидно заметил славный работник коммерческой части. — В магазинах все пускают своим, «налево»...

Рассудить их не смог даже всезнающий Госкомстат СССР. Он уверяет, что производство кондитерских изделий в стране упало всего на восемь процентов. В Киргизии же и в Туркмении оно вовсе не упало, а, наоборот, возросло.

В самом деле, где конфеты, если их так много?..

Андрей КУПЦОВ

ЧАСЫ- ПЕРЧАТКИ- ЧАСЫ

Время давно обогнало 2-й часовой завод. Еще в те темные годы, когда мир понятия не имел, что можно жить и каждое утро не заводить часы двумя пальцами, а лишь раз в год или раз в два года менять в них крошечную батарейку, называемую элементом, уже тогда часы 2-го часового завода не пользовались спросом из-за их низкого качества. Швейцарские механические часы не знали соперников. Когда же случился бум на электронные часы, швейцарские и советские производители оказались дружно выброшенными на свалку истории, украшенной именами великих часовых дел мастеров, среди которых яркой звездой сверкает имя автора «Севильского цирюльника».

Однако на той почетной свалке швейцарские часовщики пробыли совсем недолго. Вскоре они вступили в конкуренцию с японскими и гонконговскими часовщиками. И вот тогда 2-й часовой завод совсем сел.

Часами 2-го часового завода, которые выходят под названием «Слава», были завалены все советские универмаги, не говоря уже о магазинах зарубежных, где их обходили стороной или внимательно вглядывались в штучку, выпирающую справа, не понимая, зачем она такая тут. Что делать со «Славой», государство не знало. «Слава» не пользовалась спросом. Неостановимый вал «Славы» выпирал за ворота завода, но со складов, подсобок магазинов «Слава» тоже выпирала, только во встречном направлении.

Помню одну центральную газету, которая отдала свою дефицитную площадь под статью о том, как торговое начальство исхитрилось высвободить складские помещения из-под коробочек со «Славой»: к «круглой» военной дате оно вручило всем советским воинам-ветеранам по «Славе». Мужчинам — мужские модели, женщинам — женские. «Славу» дарили передовикам производства, космонавтам, ветеранам, пионерам, пенсионерам... Дарить их было стыдно, но организации, ведающие дарением, выполняли строгое партийное задание: не дать погибнуть 2-му часовому заводу. Впрочем, в таком же точном положении находились все отечественные производители наручных часов.

Мужчины, женщины и дети, отгороженные от остального мира высокими принципами марксовой политэконо-

мии, носили неведомыми путями попавшие к нам электронные часы. Возврат к часам механическим казался столь же немислимым, как, скажем, возврат к мужской моде времен Бомарше. Электронные часики стоили бешеных денег, но на них не скупились. Электронные часы носили не от лени их заводчик каждое утро, а оттого, что они, в отличие от механических, никогда не ввали. Они показывали время сиюминутное, число, день недели, год, они пипикали каждый час или полчаса, и не просто пипикали, а играли, приободряя своего владельца, то «Марсельезу», то «У камелька», то что-то из Шопена, то арию Хозе, а то и бессмертное «Фигаро здесь, Фигаро там»... На 2-м часовом заводе продолжали выпускать «Славу».

Любая «Слава» врет. То она отстаёт, то спешит. Если открыть крышку «Славы», то там, где находится маятник, на твердой стали написаны «+» и «—», что в переводе на человеческий язык означает: чтобы не спешили — подвинь стрелку ближе к минусу, а чтобы не отставали — наоборот, к плюсу. Механизм всех «Слав» — одинаков. В них разнятся только циферблат. Поэтому все обладатели этих часов время от времени ходили в мастерскую, когда ни плюс, ни минус уже не помогал. На моей «Славе», купленной как раз в те смутные годы, есть секундная стрелка. Сразу после покупки стрелка почему-то упала. Она лежала под стеклышком хордой: то возле трех часов, то возле девяти, то между одиннадцатью часами и пятью, то с противоположной стороны круга. Я поехал в мастерскую самого часового завода, и там отпавшую стрелку вынули, а взамен поставили другую, но не черную, а красную. Черной стрелочки в ту пору на всем заводе не нашлось.

Тогдашнее руководство завода любило философствовать в том духе, что механические часы еще вернутся, электроника — дело преходящее. Механические часы вечны, говорило руководство, потому что они тикают. А что это за часы, которые не тикают? Конечно, это было слабое утешение — механические часы действительно отстали безнадежно, потому что электронные к тому времени не только исполняли гимны и марши, но и стали будильниками, калькуляторами, радиоприемниками... Оставаясь при этом легкими наручными часиками.

Но время подтвердило правоту московских философов: человечество, как это бывало с ним неоднократно, повернуло вспять к механическим часам. В них есть что-то забавное. Они не поют и не принимают коротких радиоволн, но в их тиканье есть что-то человеческое. Хотя этого тиканья вовсе и не слышно. И теперь во всем мире механические часы опять стоят дорого.

В Москве часов нет. Былые завалы вспоминаются с удивлением. 2-й часовой завод работает, как работал, и выпускает часов отнюдь не меньше, чем раньше, а гораздо больше: по 40 тысяч будильников и наручных часов в день, по 10 миллионов 600 тысяч в год. Специализированные магазины «Часы» правильнее было бы переименовать в «Ремешки». Где же часы?

Директор часового завода Владимир Михайлович Королев на этот вопрос ответил не задумавшись:

— Не знаю. Ищите в торговле.

Но в магазине, по старинке называемом «Часы», который находится в Пассаже, продавщица, взглянув на меня удивленно, сказала, что магазин часов давно не получает.

Не очень часто балует 2-й часовой завод и собственный магазин, который открыт при заводе, вывески не имеет и статус которого, строго говоря, не вполне прояс-

нился: заводской он или городской? В отделе сбыта меня заверили, что магазин — не заводской и что почти все свои часы завод отправляет «организациям». Каким? Неужели в стране есть еще такие организации, где сотрудники не имеют часов и им целенаправленно отправляется ежегодно 10 миллионов 600 тысяч штук? Конечно, культурные люди должны быть при часах. Сколько же у нас тогда еще бескультурных людей? Может быть, их еще требуется учить определять время по часам?..

Все оказалось намного проще. Как раз в тот час, когда я находился в магазинчике без вывески, к его анонимной двери задом подъехал грузовик и магазинчик стал заполняться красивыми небольшими коробками. Я решил, что привезли партию часов. Но привезли полный грузовик... дамских и мужских перчаток. Я стал свидетелем домарковского прямого товарного обмена: 2-й часовой завод перчаточной фабрике — часы, перчаточная фабрика 2-му часовому заводу — перчатки. В городских магазинах нет ни часов, ни перчаток. Часы и перчатки — в магазинчиках при перчаточной фабрике и при 2-м часовом заводе...

Автор «Севильского цирюльника» за свою работу с лупой в глазу брал деньги. А 2-й часовой завод — перчатки. Но, поскольку в магазинах нет и других товаров, то, надо думать, их можно найти в магазинчике при 2-м часовом заводе. Больше того, наверняка этот странный магазинчик заведен на заводе именно для такого товарного обмена, потому что самому заводу иметь свой магазин просто глупо. Разве городских магазинов ему недостаточно? Механику товарного обмена мы проходили еще в школе, поэтому даже не хочется вникать во все это снова. Однако совсем другое дело, если предприятие с предприятием вступает в товарный обмен, тем самым объявляя государственной торговле бойкот. В этом случае обмен часы—перчатки—часы имеет благородный философский оттенок.

С государственной торговлей действительно дела иметь нельзя — ни производителю, ни покупателю. В магазинах все разворачивается, переправляется налево, вовсю идет торговля с «черного хода» по повышенным ценам... Пришло время, когда предприятие, получившее некоторую свободу действий, вправе распорядиться своей продукцией гораздо более честно. Отправляя часы «организациям» в обмен на товары, производимые этими «организациями», завод по крайней мере уверен, что его часы достались людям, что ими не спекулируют и спекуляцией не оскорбляют вложенного труда. Для самочувствия работника очень важно, кто пользуется его продукцией.

Иными словами, искать часы в магазинах не стоит. Пока торговля не станет частной, производитель не доверит ей своего товара. В этом смысле 2-й часовой завод, несомненно, время обогнал.

ПОСЛЕСЛОВИЕ. «Столица» намерена продолжать исследование дефицита. В планах отдела социально-бытовых проблем рассказать читателю, почему нет вермишели, яиц, куда пропали куры, творог, посуда...

Надеемся, что наши корреспонденты не встретят препятствия со стороны должностных лиц, ответственных за снабжение населения элементарными продуктами питания и предметами домашнего обихода.

Рисунки К.Рыбалко

ИМИДЖ
РЕКЛАМА

Фонд Народной Дипломатии
НАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ КУЛЬТУРЫ
И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

People's Diplomacy Fund
PEOPLE'S ACADEMY OF CULTURE
AND HUMAN VALUES

Президент Ташпулат Тождидинов: «Общечеловеческая мудрость — вечная ценность цивилизованного общества»

Деятельность Народной академии носит гуманистический, миротворческий и благотворительный характер. Академия сотрудничает со всеми, кто готов внести интеллектуальный вклад в формирование просвещенного сознания гражданина Земли.

— Как и когда возникла идея создания вашей Академии и каковы ее задачи, ведь вы не только хотите заниматься благотворительностью, но и зарабатывать на нее деньги?

— Сначала мы в течение полугода пытались создать Академию в Ташкенте, но местные бюрократы такой возможности не предоставили, так как это в их иерархию не вписывалось. Тогда решили попробовать в Москве, где больше свободы. И вот в сентябре 1989 года Фондом народной дипломатии была учреждена наша Народная академия культуры и общечеловеческих ценностей. Коллектив у нас интернациональный. Есть люди из Узбекистана, в основном инициативная группа. В Москве находится президиум Академии.

С самого начала Академия задумывалась как организация неправительственная, как организация народная и международная — у нас есть представительства за рубежом. Поэтому сразу же мы ориентировались не только на деятельность в Узбекистане, но и на всей территории бывшего СССР и в других странах. Но особенность Академии не в этом. Ее уникальность в том, что на благотворительность, которая является основной нашей задачей, мы сами зарабатываем деньги и, конечно, сами распределяем их. Поэтому в нашей структуре две основные составляющие: коммерческая и благотворительная. Коммерческую часть представляют более ста различных предприятий, оборот которых составляет

более миллиарда рублей в год. Все эти предприятия отчисляются нам определенные проценты, которые и являются главным источником существования. К тому же мы сами занимаемся коммерческой деятельностью. Это различные финансовые операции, торговые посреднические сделки, в том числе и с коммерсантами из других стран. Если промышленной деятельностью занимаются наши предприятия, то специалисты и эксперты курируют торгово-посредническую деятельность.

Теперь о том, как мы распределяем накапливающиеся в результате такой деятельности средства. Аппарат у нас небольшой, около сорока человек, невелик фонд и на трудовые соглашения, так что в основном все деньги идут на пожертвования. Наш профиль определяется нашим названием, а монопольное направление — религия во всех ее формах: и христианская, и ислам, и буддизм, и иудаизм... Мы считаем, что религия, религиозные учения, религиозные книги — те самые кристаллы общечеловеческой мудрости, сформулированной в самых верных и точных словах. Ведь ни одна религия ничему плохому не учит. Учит только хорошему. И если выделить из каждой религии главное, ту суть, которая в ней заложена, то получится, что суть у них одна — человеколюбие, нравственное начало. Наша цель — показать это общечеловеческое начало и попытаться его возродить в обыденной жизни людей. Ведь сейчас, когда идеалы, связанные с тотальной моделью общества, рухнули, лю-

ди пытаются заниматься богоискательством, а о религии имеют весьма искаженное представление, которое стало ущербным из-за многолетней атеистической пропаганды. Люди открывают для себя религию заново. И наше дело — помочь им в этом.

С этой целью мы создали сеть институтов, чтобы на научной основе изучить каждую из религий, причем не так, как этим занималась наша наука — тенденциозно, а именно с общечеловеческих позиций. Институты возглавляют видные ученые, профессора, доктора наук. Мы высоко ценим их деятельность. А задача наших ученых — заниматься строго научными изысканиями, вырабатывать практические рекомендации, которые впоследствии можно было бы воплотить в жизнь в тех или иных формах. Этим занимаются Институт исламской цивилизации в Москве, Центр духовного наследия «Евразия», изучающий все религии, Институт христианства. В более чем 20 городах СССР мы зарегистрировали буддистские общины. Скоро в Ташкенте будет их учредительный съезд, и в результате, по нашему замыслу, они должны объединиться в Фонд буддистской культуры. У нас действует Центр исламской культуры в Грозном, Институт философии гуманизма, Институт гуманитарной помощи: с одной стороны — научный, а с другой — практический. Здесь изучают методы нетрадиционной восточной медицины и лечат пациентов. Очередь на лечение — уже на несколько лет вперед.

Научная деятельность всех наших институтов тесно связана с практикой. Они налаживают внутрисоюзные и зарубежные связи с целью объединения людей на почве религии.

Ведь политики в нашем понимании больше способствуют разъединению людей, чем объединению, а консолидация возможна только на основе общечеловеческих ценностей.

Наше государство сейчас находится в кризисной ситуации. И другие страны готовы нам помочь, но они уже не доверяют сложившимся центральным структурам. Вот, например, арабские страны хотят помочь Советскому Союзу, но они стремятся, чтобы помощь дошла в основном до их мусульманских единоверцев нашей страны. Точно так же думают многие религиозные зарубежные организации, но они не знают, к кому обращаться. В этом случае наша задача сейчас как-то объединить под эгидой нашей Академии разрозненные группировки, чтобы заграничная помощь шла целенаправленно. Мы хотим быть представителями, допустим, мусульманского и других религиозных верований за рубежом.

— Ставите ли вы перед собой цель стабилизировать внутривнутриполитическую ситуацию, ведь из-за религиозных противоречий возникает целый ряд конфликтов.

— Это, пожалуй, сверхзадача, и решать ее придется сообща. Мы, конечно, вносим свой посильный вклад. А что касается программных целей, то мы выступаем не раскольниками. Мы категорически за единое экономи-

ческое, культурное пространство и духовную общность тех народов, которые дружно жили веками. Мы свято придерживаемся идеей миротворчества, идеей единства всех народов и всех религий. В частности, мы приступили к реализации одной акции. Задумали ее, запатентовали в Фонде социальной инициативы, провели переговоры на самых разных уровнях и создали оргкомитет. Задумали серию международных телемостов, каждый из которых будет посвящен отдельной крупной религии: исламу, христианству и буддизму. Скорее всего, будет и еще один телемост, где соберутся представители этих трех религий и представители других, менее распространенных вероисповеданий. В телемостах одновременно будут принимать участие несколько стран, например, в первом — будут задействованы пять стран: Египет, Саудовская Аравия, Тунис, Турция и Советский Союз, причем Советский Союз не только в лице Москвы, но будут представлены и Среднеазиатский регион, и Казань, и Грозный. Христианский телемост будет проходить с привлечением европейских стран и, возможно, США, если это позволят технические условия. Здесь будет представлено и православное, и католическое, и протестантское течение. Телемосты будут представлять собой двенадцатичасовые беседы. Финансируем эту программу мы. Это десятки миллионов рублей. Хотя Саудовская Аравия собирается оплатить расходы по спутниковой связи — это огромная сумма, о прибыли здесь не может быть и речи.

Первый телемост — «Исламская культура и мир» мы планируем провести в феврале-марте 1992 года. Его сверхзадача в том, чтобы показать всем остальным людям — ведь помимо стран-участниц будет и множество стран-зрителей, — показать, кто такие мусульмане, чем они живут. Необходимо снять с повестки дня предрассудки, устаревшие представления о том, что некие люди-варвары собираются под зеленым знаменем и хотят начать священную войну против остальных религий. Мусульмане, как и все люди, хотят нормально жить, и их чаяния, задачи и интересы практически совпадают с интересами других представителей человечества. То же самое и в отношении с другими религиями. Это будет крупномасштабная и долгосрочная акция.

— У вас на столе стоят флажки ЮНЕСКО. И если вы видите свою цель в объединении всех людей на религиозной основе, не ставите ли вы своей сверхзадачей в будущем стать какой-то надправительственной международной организацией?

— Нет-нет. Что вы! Это не по нашим силам и масштабам. Вот в ЮНЕСКО мы хотим со временем зарегистрироваться. Мы не хотели бы себя ставить над кем-то или в противовес кому-то. Мы хотим именно сотрудничать со всеми, чьи задачи совпадают с нашими, а наша программа исходит из задач, которые ставят ООН и ЮНЕСКО, и мы хотим быть проводниками идей, заложенных в их деятельности. И, повторяю, у нас не политическая организация.

— **А в чем заключается ваша практическая благотворительность?**

— Ну, например, в колхозе «Политотдел» — вот такое интересное название — мы начали строительство буддистского храма. В Бухарской области строим крупнейший в стране Религиозный центр. Финансируем строительство христианской церкви в Сочи. Кроме того, выделяем деньги на реставрацию церквей, мечетей, храмов.

Обмениваемся туристическими группами с разными странами: Италией, Францией, Испанией, США. Отправляем и детские группы, но с помощью других организаций. Помогаем детским домам, школам, вузам, в частности более миллиона рублей перечислили Ташкентскому государственному университету на совершенствование образовательной системы. Занимаемся и издательской деятельностью. Выпускаем массовыми тиражами Коран, Библию, буддистский календарь. Проводим также культурные мероприятия. Являемся организаторами XIV Международного конкурса вокалистов имени Глинки. Проводим различные национальные празднества. Организовали фестиваль восточных моделей одежды. Большое внимание уделяем развитию народной дипломатии. Сотрудничаем с Обществом советско-индийской дружбы. Провели международный футбольный турнир ветеранов. Причем наша цель не просто привлекательное шоу, но и попытка как-то разнообразить и материально стимулировать жизнь ветеранов спорта. Поддерживаем команду высшей лиги «Металлург» (Запорожье). В общем, перечень наших благотворительных дел исчисляется не одним десятком, а с финансовой точки зрения — не одним десятком миллионов.

— **Кого вы спонсируете?**

— В первую очередь мы стараемся спонсировать те организации, которые работают непосредственно при нас. Хотим сотрудничать с солидными изданиями, чья деятельность концептуально совпадает с нашей. Хотим им помочь, ведь многие из них сейчас в очень тяжелом финансовом положении. Прежде всего будем работать с «Культурой» и «Дружбой народов», так как мы, так сказать, космополиты. Сейчас налаживаем выпуск своего журнала. Вообще мы, надо сказать, очень активно включились в процесс творчества. Так, совместно с независимой фирмой «ВИТА ТВ» приступили к созданию многосерийного видеофильма под названием «Древо жизни возле ваших дверей». Мы уже перечислили деньги и на производство фильма, и на приобретение этой организацией видеотехники. Главная идея будущего фильма — религия и природа, так как одним из направлений нашей деятельности является экология. У нас даже есть Институт экологии в Одессе, который научно разрабатывает технологии, способные улучшить нашу экологическую ситуацию: по очистке воды и воздуха, например. У нас ведь, к сожалению, забыто, что любовь к природе была давным-давно заложена в религиозных учениях. Если взять Библию, Коран или другие источники, то можно обнаружить очень много важных моментов, кото-

рые показывают нам, как обращаться с природой. Это была не наша идея. С ней к нам пришли представители «ВИТА ТВ», и, поскольку она совпала с нашими мыслями, мы на нее охотно откликнулись. Нас вообще интересуют любые, даже самые дерзкие и безумные идеи. Каждая из серий телефильма будет посвящена одной религии и тому, как эта религия учит обращаться с природой. Уже собраны очень сильные творческие силы. Руководителем этого телесериала будет очень известный тележурналист Галина Шергова. В фильме примут участие лучшие документалисты нашей страны.

Очень жалко, что детское кино сейчас находится в критическом положении, ведь оно не коммерческое, а стало быть, им не хотят заниматься. Детские книжки продаются по баснословным ценам. Но дети же не виноваты: им нужно и читать, и смотреть хорошие фильмы. Вот мы и решили сделать им подарок — финансируем создание многосерийного мультфильма «Непобедимые тойстеры». Это будут 13 серий рисованного мультфильма, по 23 минуты каждая.

— **Ждете ли вы какой-либо помощи от российских или союзных властей?**

— После наших трудностей, связанных с основанием Академии, теперешняя обстановка в Москве кажется щадящей. Финансовая помощь, как вы понимаете, нам уже не нужна, но нам бы очень хотелось рассчитывать на конкретную помощь Министерства культуры, Министерства иностранных дел, телевидения и радиов в проведении каких-либо акций. Это может быть организационная помощь, например чтобы нам дали эфир, или законодательная. Возможно, стоило бы рассмотреть вопрос о льготном налогообложении, ведь мы — организация благотворительная. Тогда большие средства шли бы не неизвестно куда, а на конкретные программы.

— **Расскажите немножко о себе.**

— Я родился под знаком Весов в Бухарской области в 1957 году. Как и все, учился в школе, затем поступил на Восточный факультет Ташкентского государственного университета на арабское отделение. Закончил его.

— **С отличием?**

— Да. Работал преподавателем арабского языка в Ташкентском университете, занимался научной работой, выпустил несколько книг и брошюр по исламу, после этого загорелся идеей создать вот такую Академию и ушел из университета. Хорошо владею арабским, персидским языками, европейскими — хуже. А что касается русского языка, то в 17 лет после окончания школы я его практически не знал — в сельской местности его преподают очень плохо. В университете пришлось выучить. А вот сейчас всю работу веду только на русском. У меня жена, две дочери, два сына.

— **Скажите, пожалуйста, кем вы сейчас себя ощущаете: коммерсантом, руководителем организации?..**

— Меценатом, если позволите.

СЕМИПАЛАТИНСКИЙ ПОЛИГОН:

Сентябрь 1947 года
Так начинался полигон

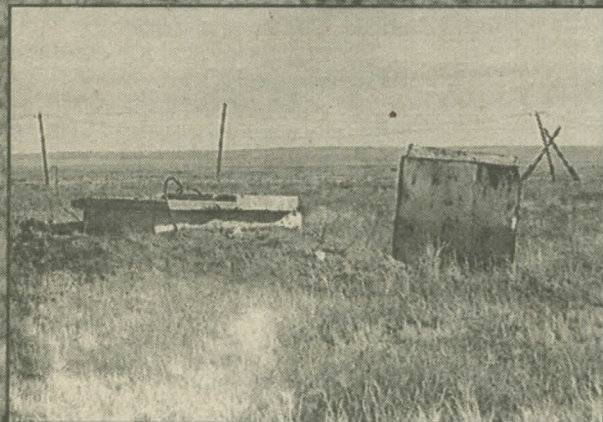
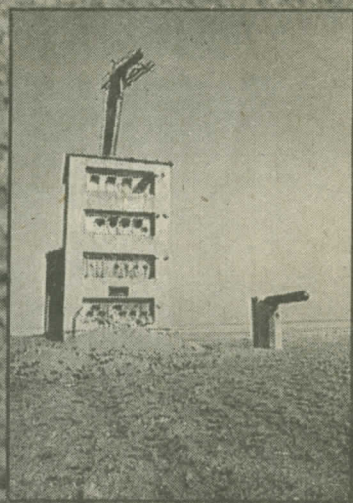
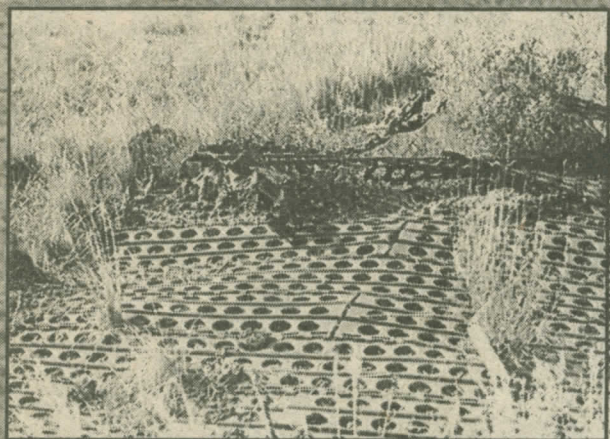
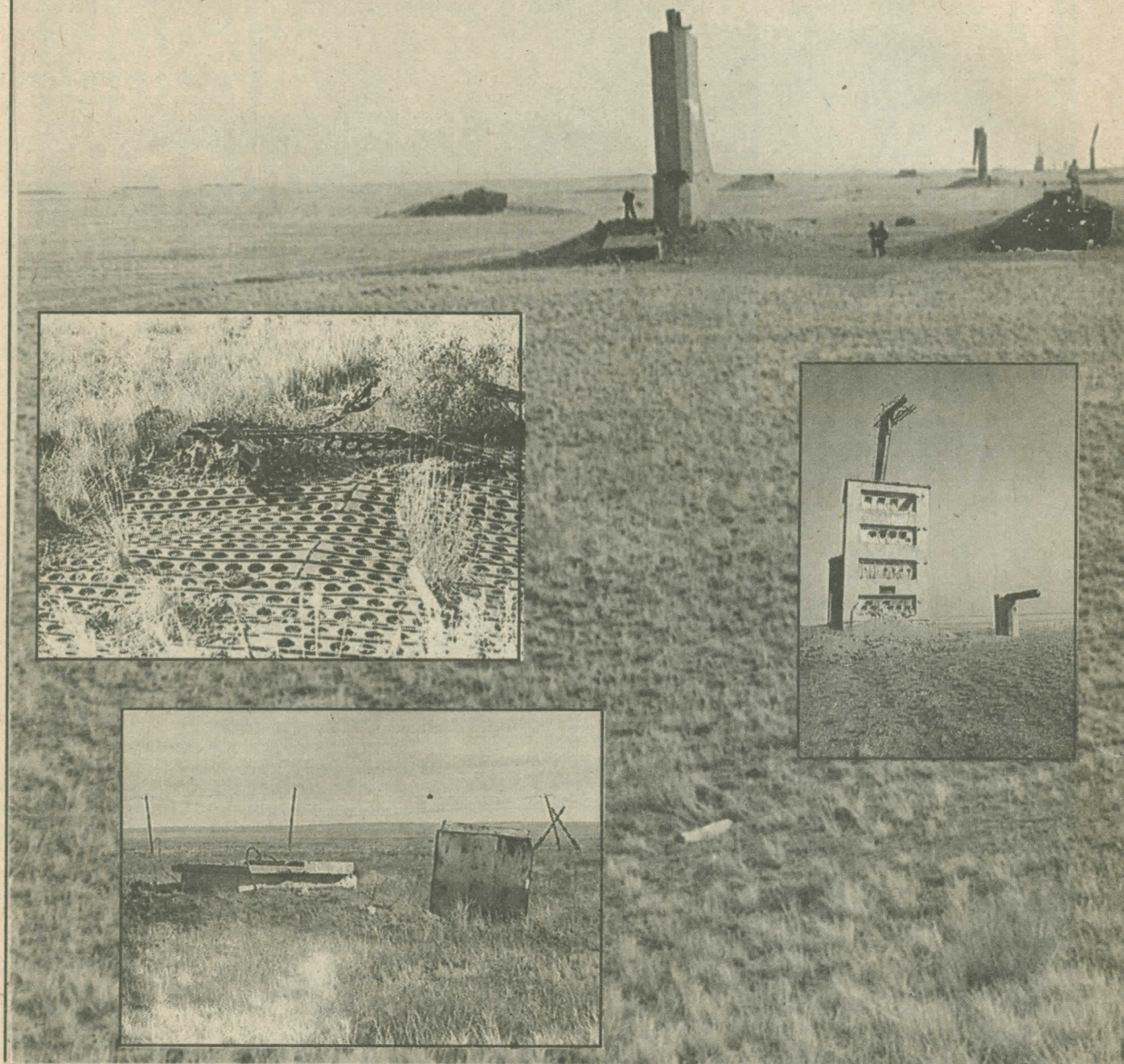
ЖИЗНЬ РЯДОМ СО СМЕРТЬЮ

Первый ядерный взрыв прозвучал здесь 29 августа 1949 года, в 7 часов утра. Примерно через три часа радиационное облако достигло населенных пунктов, расположенных в Бескарчайском районе Семипалатинской области. Начинаясь трагедия, жертвами которой в той или иной степени уже стали не менее полумиллиона человек.

фото Ю. ШТУКИНА

Из 467 «семипалатинских» ядерных взрывов 124 были произведены в атмосфере и на поверхности земли (последний — в 1963 году), 343 — под землей. Средняя стоимость одного испытания — 30 млн. рублей, суммарная мощность взорванных зарядов в 2,5 тысячи раз превысила мощность бомбы, уничтожившей Хиросиму. «Ядерное оружие — это средство избежать его применения» — примерно так заявили журналистам специалисты в городе Курчатове, соседе и

«мозговом центре» полигона. Значит, сотни тысяч ни в чем не повинных людей, «хлебнувших» радиационную дозу, — просто неизбежные «издержки» в достижении гуманной цели? Те самые щепки, которые летят, когда рубят лес? А потому, чтобы и им, и нам спокойнее жилось все эти десятилетия, за семью печатями прятали правду о смертоносных выбросах, которыми после 1963 года сопровождался каждый третий взрыв, о росте смертности

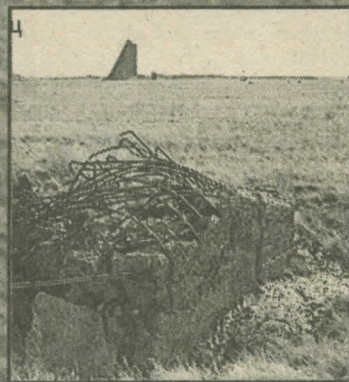

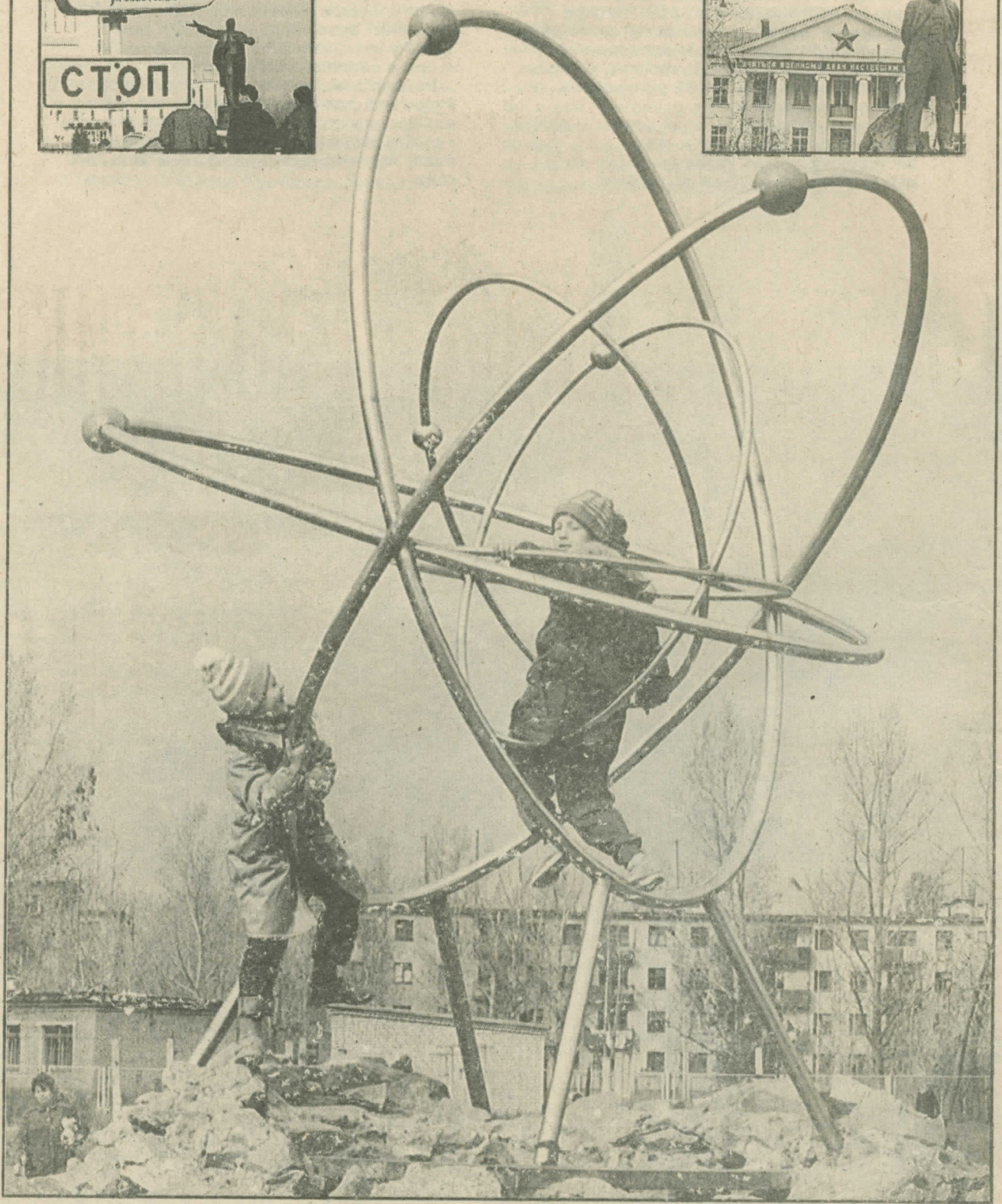
от лейкозов в Семипалатинской области (в 7 раз за 1975—1985 гг.), от рака органов дыхания (в 2 раза), о тысячах детей, со дня рождения несущих на себе проклятие ядерного монстра. Но есть ли цель, которая способна оправдать ТАКОЕ отношение к собственному народу?

И «закрытый» город атомной науки Курчатов был закрыт лишь для постороннего глаза. Разве миновало его дыхание полигона? Правда, сегодня

курчатовцев больше заботит другое: что будет с ними, с их семьями после закрытия полигона? Здесь ведь и работа, и дом, здесь у многих прошла жизнь. Еще одна сторона семипалатинской драмы.

...Полигон замолчал. Но эхо его взрывов будет еще долго отзываться в казахстанских степях, в человеческих судьбах. Кто знает, сколько поколений будет нести на себе клеймо 29 августа 1949 года.

Евгений НОВИКОВ,
 профессор Института по изучению СССР
 при армии США

НЕВИДИМЫЕ ЭТАЖИ СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Международный отдел ЦК КПСС — между прошлым и будущим

До последнего времени в Советском Союзе роль полномочного хозяина и организатора советских тайных внешнеполитических акций играл Международный отдел ЦК КПСС. Эта роль досталась ему совсем не случайно. С самого возникновения советского государства большевистские руководители в своей внешней политике стремились к достижению двух диаметрально противоположных целей. С одной стороны, движимые идеей мировой пролетарской революции, они старались использовать весь арсенал доступных им внешнеполитических средств для того, чтобы подорвать и свергнуть демократические режимы, существующие в окружающем их мире. С другой стороны, стремясь воспользоваться технологическими и экономическими ресурсами развитых западных государств, они призывали к «мирному сосуществованию» большевистского государства с этими демократическими режимами.

Несовместимость этих двух противоположных целей с точки зрения принципов общечеловеческой морали и международного права не смутила основоположников советской внешней политики. Оправдывать свою беспринципность в вопросах как внутренней, так и внешней политики им всегда помогла марксистская диалектика. Поэтому от ленинской революции до горбачевской перестройки внешняя политика большевиков следовала лозунгу: «Вперед, к победе мирово-

го коммунизма, при временном и вынужденном сосуществовании с капитализмом!»

Организационно оформить этот лозунг и превратить его в конкретные внешнеполитические действия помогла дихотомия советской политической системы. В Советском Союзе до самого последнего времени существовали две организующие политические силы: партийный аппарат и государственный аппарат, руководимые надпартийным и надгосударственным институтом — Политбюро. Акции этих двух политических сил шли в параллельном направлении, иногда пересекаясь, иногда даже противореча друг другу, но в каждый данный момент они воплощали единую волю Кремля — волю Политбюро.

В области внешней политики эта дихотомия была представлена двумя самостоятельными ведомствами: Комиссией по внешней политике ЦК КПСС, в состав которой входил Международный отдел, и Министерством иностранных дел. Партийному внешнеполитическому ведомству поручалось способствовать мировому торжеству коммунизма. На государственное внешнеполитическое ведомство Политбюро возложило задачу проведения в жизнь политики мирного сосуществования с капиталистическими странами.

Необходимо отметить, что Международный отдел ЦК КПСС возглавлял целую систему различных организаций, вовлечен-

ных в осуществление советской тайной внешней политики. Под его непосредственным руководством действовала политическая разведка — Первое главное управление КГБ, а также военная разведка — ГРУ (в тех случаях, когда в число агентов этого военного ведомства попадали политические деятели, в услугах которых был заинтересован Межотдел). Из 6-го подъезда здания на Старой площади, где размещалось партийное внешнеполитическое ведомство, «руководящие указания» направлялись во все так называемые общественные организации, имевшие «самостоятельный» выход на зарубежные контакты: Комитет молодежных организаций СССР, ВЦСПС (иностраннный отдел), ССОД, Советский комитет защиты мира, Комитет солидарности стран Азии и Африки, Комитет советских женщин и т.п. А редакция журнала «Проблемы мира и социализма» в Праге более 30 лет являлась вотчиной Межотдела. Советские сотрудники журнала являлись фактически работниками Отдела, получали зарплату от Старой площади и делали все для того, чтобы директивы ЦК КПСС доходили до представителей «братских» партий в журнале и выполнялись в точности.

Стати, о кадрах Межотдела, что работали под крышей журнала в Праге или упомянутых «общественных организаций» в Москве и за рубежом. Все они проходили суровую проверку на предмет способности

беспрекословно выполнять указания высших партийных инстанций. И, выдержав эту многолетнюю проверку, попадали на высшие посты партийного и государственного аппарата. Типичный пример тому дает карьера последнего, и единственного, вице-президента Г. Янаева, который с момента своего вступления в большую политику двигался по служебной лестнице именно в качестве ответственного Межотдела: КМО СССР—ССОД—инотдел ВЦСПС—Межотдел ЦК КПСС—кресло вице-президента. Конечно, ему не повезло, приходится заканчивать карьеру под крышей тюрьмы на Матросской Тишине. Но другие его коллеги по работе под крышей Межотдела более удачливы, например, Александр Дзасохов (КМО СССР—Советский комитет солидарности стран Азии и Африки—посол в Сирии—первый секретарь обкома—член Политбюро), Грачев (КМО СССР—зам. зав. Межотделом—помощник президента по связи с прессой).

Для большинства людей очевидными были лишь действия официального советского государственного внешнеполитического ведомства — МИДа. А внешнеполитические акции ЦК КПСС (осуществлявшиеся сначала через Коминтерн, Коминформ, а начиная с 1943 года — при помощи Международного отдела, затем и Комиссии по внешней политике) всегда оставались в тени, тщательно прятаясь от посторонних глаз. Политбюро старалось скрыть самостоятельную функцию партийного внешнеполитического ведомства и представить его в виде некоего партийного органа по контролю за действиями МИДа. Однако такое представление всегда было далеко от истины и совершенно не соответствовало действительности в эпоху горбачевских принципов «нового мышления» во внешней политике.

Международный отдел ЦК действовал независимо от МИДа и отвечал за поддержание связей КПСС со всеми оппозиционными партиями и организациями в западных странах, а также с правящими партиями марксистского толка в странах третьего мира. В этой деятельности он меньше всего руководствовался международным правом или нормами межгосударственных отношений цивилизованных государств, рассматривая эти нормы и правила как порождения «буржуазной демократии».

Поскольку КПСС являлась правящей партией, Международный отдел для поддержки своих многочисленных клиентов в различных частях света, оказания на них необходимого давления мог использовать как материальные ресурсы

СССР, так и государственные институты, такие, как МИД, КГБ, внешнеэкономические ведомства.

За границей интересы Отдела защищали его представители, работающие под крышей советского посольства с паспортами дипломатических советников. Внутри совпосольства такой советник занимает положение третьей по значению фигуры (после посла и советника-посланника) и так же, как резидент КГБ, имеет право посылать телеграммы в центр независимо от посла. В странах «социалистической ориентации», где у власти стояли созданные при помощи Международного отдела «авангардные партии», представители Отдела могли быть одновременно советниками от ЦК КПСС при руководителе этой партии.

Вот некоторые примеры, которые могут дать представление о «кухне» тайной деятельности Международного отдела ЦК КПСС. В течение долгого времени официальная «перестроечная» пропаганда старалась убедить и свой народ, и весь мир, что решение о вторжении в Афганистан было принято узким кругом безымянных (и уже отстраненных от власти) советников Брежнева вкупе с некоторыми консервативными маршалами старой закалки. Трудно согласиться с такой версией событий, ибо она снимает ответственность с Международного отдела ЦК КПСС за принятие решения об интервенции. А это решение не могло появиться без согласия ЦК КПСС и его Международного отдела. И вот почему.

Согласно принятому разделению труда между основными внешнеполитическими ведомствами Советского Союза, МИД отвечал за официальные, межгосударственные отношения, то есть за верхний, видимый этаж советской внешней политики, а Международный отдел — за межпартийные связи, то есть за ее вторую, невидимый этаж. Но это разделение труда могло нарушаться, когда партии — клиенты Отдела становились в своей стране правящими партиями. В этих случаях Межотдел имел решающее слово на обоих этажах.

В Афганистане в 1979 году накануне советского вторжения у власти находилась «авангардная» марксистская партия во главе с Амином, у которого возникли разногласия с Москвой, то есть с... Международным отделом ЦК КПСС. Поэтому предложение о необходимости наказать ослушника могло исходить только от ведомства, непосредственно отвечавшего за этого клиента. В кремлевской иерархии просто не могло быть иначе. Поэтому идея о вторжении рождена не слабейшим разумом кремлевского

старца и его дремучих маршалов, а вполне трезвым рассудком бывших руководителей Международного отдела — Пономарева, Ульяновского, Загладина, которые могли, конечно, прибегнуть к помощи КГБ и военных при разработке конкретного плана интервенции.

О том, что именно ЦК КПСС прежде всего ответствен за афганскую авантюру, говорят и такие факты. Вскоре после советского вторжения в Кабуле был создан советский «Комитет четырех», который взял на себя руководство интервенцией и контроль за всем спектром советско-афганских отношений. В состав комитета вошли представитель Международного отдела, резидент КГБ, командующий советскими войсками и советский посол в Афганистане. Возглавлял «Комитет четырех» представитель наиболее влиятельного отдела ЦК КПСС — Отдела организационно-партийной работы. То есть с самого начала интервенции действия советских военных и гражданских лиц в Афганистане контролировались теми, кто явился инициатором наказания непослушного клиента, — советниками ЦК КПСС.

Надо сказать, что сами инициаторы интервенции очень скоро на месте убедились в ошибочности решения наказать непослушного клиента военным путем. Как рассказывал мне член ЦК КПСС Владимир Константинович Фотеев, который в течение года возглавлял «Комитет четырех» в Кабуле, командующий советскими войсками постоянно сетовал на то, что решение о вторжении было принято без необходимых консультаций с военными профессионалами.

Об активном участии Международного отдела в афганской авантюре говорит и тот факт, что сразу же после начала интервенции именно аппарат ЦК КПСС (и Международного отдела прежде всего) вплотную занялся формированием в Афганистане политической системы большевистского образца. Суть ее заключалась в сосредоточении всех рычагов политической и экономической власти, а также средств идеологической обработки населения в руках небольшой, но хорошо организованной группы политиков, беспрекословно подчиняющихся командам из Москвы. Для подготовки такой группы и обслуживания ее аппарата ЦК КПСС построил в Кабуле партийную школу, работу которой полностью контролировал Международный отдел. С самого начала партию возглавил Юрий Кузнец — профессор из московского Института общественных наук при ЦК КПСС. Абсолютное большинство профессоров и инструкторов кабульской школы также составляли кадры это-

го института.

Необходимо отметить, что, несмотря на провал военной интервенции СССР в Афганистане, Международный отдел успешно справился со своей миссией. Режим Наджибуллы не рухнул сразу же после ухода советских войск в феврале 1989 года, поскольку большевистская система правления проникла во все поры государственного организма этой страны. А поскольку в Афганистане отсутствуют развитые демократические институты народовластия, тоталитарному режиму большевистского образца удается пока справляться с народными выступлениями, организованными на основе традиционных племенных и религиозных мусульманских связей и институтов.

Правительство Горбачева осудило интервенцию в Афганистан, расценило ее как ошибочный шаг брежневского руководства и вывело советские войска из этой страны. Оно осудило применение силы против суверенных государств, что позволило так стремительно распасться «советскому блоку» в Восточной Европе.

Все эти изменения, произошедшие в мире с момента начала перестройки в Советском Союзе, вызвали на Западе восхищение принципами горбачевского «нового мышления». Внешнеполитические акции СССР, широко разрекламированные советским пропагандистским аппаратом, будоражат общественное мнение в странах Запада, приводят в состояние эйфории либеральных университетских профессоров и

политиков, которые требуют от своих правительств предоставить демократу Горби миллиардные займы для поддержки перестройки.

В этой обстановке всеобщего восторга даже серьезные политики начинают забывать, что сегодня, как и вчера, проводить в жизнь эту линию Горбачева часто призваны те же самые работники системы Международного отдела, которые столь искусно разбираются во всех тонкостях традиционной советской двойной игры на международной арене.

Еще до августовской революции в Москве наиболее дальновидные работники Межотдела стали понимать, что консерватизм аппаратчиков из центральных органов КПСС, их сопротивление партийным реформаторам из республик и областей ведут к гибели консервативного аппарата. Поэтому начался исход таких политиков из обветшалых партийных структур. Часть из них занялась созданием партии демократических реформ, своеобразного Ноева ковчега для аппаратчиков-реформаторов. Другие составили президентскую рать, решив пересидеть смутные времена в конституционно созданных структурах.

Среди последних — Вадим Загладин, который более трех десятков лет службы отдал Международному отделу. Он имел непосредственное отношение к важнейшим событиям в международном коммунистическом движении, принимал участие в заменах неугодных руководителей марксистских и левых партий — клиентов Отдела, в совращении,

подкупе, вербовке влиятельных политических деятелей в западных и восточных столицах и в организации травли неугодных Москве «консерваторов» и «реакционеров». Он приложил руку к созданию марксистских «авангардных» партий в странах третьего мира и к организации заговоров и переворотов в этих странах с целью приведения своих клиентов к кормилу власти.

И если сегодня этот искусный мастер тайных операций, верой и правдой служивший прежним генеральным секретарям в организации закулисных мероприятий советской внешней политики, становится одним из главных внешнеполитических помощников президента Горбачева, самое время задаться вопросом: «А так ли новы эти принципы «нового мышления», если их осуществление поручено специалистам по старому мышлению?»

И последнее. 6-й подъезд на Старой площади опечатан, сотрудики Межотдела отсиживают в своих роскошных квартирах, обсуждая между собою планы возрождения этой организации. Они уверены, что не останутся без работы, что новому союзному правительству понадобится их опыт организации тайной внешней политики. Тем более, что они никогда не любили высываться. Это помогает им и сейчас, когда народ потребовал разгона КПСС и ее ЦК, оставаться в тени и избегать публичной критики. Они верят в свои силы и связи, в том числе с теми, кто приходит к власти сегодня. Не исключено, что они возглавят советский вариант ЦРУ. Они могут рассредоточиться на время и попытаются предложить свои услуги общесоюзному или республиканским министерствам иностранных дел. Возможно их появление в рядах руководителей «народной дипломатии». Не должен удивлять их приход в кооперативы, созданные на деньги партаппарата и ориентирующиеся на валютные прибыли. Безработица сотрудникам Межотдела не грозит.

Но существует реальная возможность того, что реформаторы из числа партаппаратчиков, которые сегодня покинули КПСС и дружно поносят своих прежних идолов, создадут свою новую партию, отхватят для нее часть имущества КПСС и возвратятся к бывлой руководящей роли в обществе. Наивно думать, что те, кто правил страной в течение 74 лет, не попытаются сохранить свою власть, пожертвовав ради этого обветшавшей идеологией и старыми партийными структурами. Тогда Межотдел бывшего ЦК КПСС может стать индепартаментом новой партии и профессионально ввязаться в тайные международные игры новых старых партаппаратчиков.

Бессмысленная война, длившаяся более 9 лет, закончилась.

СЕРВИСНЫЙ КОМПЬЮТЕРНЫЙ ЦЕНТР «ТЕХНОСЕРВ»

Поводом к продолжению разговора с Леонидом Гольденбергом, директором предприятия «Техносерв», стало появление большого числа откликов на публикацию в 28-м номере нашего еженедельника беседы с ним под заголовком «Золотые горы не сулим, но договор не нарушаем». Новое интервью привлекло моего собеседника возможностью ответить на вопросы, чаще всего задаваемые потенциальными заказчиками. Эти вопросы в большинстве своем носят информационный характер, и поэтому мы выводим их в своеобразные справочные таблицы. Со своей стороны и со стороны читателей, не являющихся счастливыми обладателями компьютеров, мне показалось интересным заглянуть «за кулисы» нового бизнеса, появившегося столь недавно и, судя по всему, занявшего прочное место в «экологической нише» нашей экономики. Итак, напоминаю, что сервисный центр «Техносерв» зарегистрирован в 1991 году. Число его сотрудников — 11 человек. На сегодняшний день предприятие обслуживает около 3 тысяч персональных компьютеров. Планируемый годовой оборот — около 5 миллионов рублей. Более детально вы можете все узнать

по телефону 269-51-11.

— Леонид, вы монополист? Я имею в виду — действительно ли «ничто не сравнится с «Техносервом» моим...»?

— Хвастать некрасиво, поэтому давайте остановимся на наиболее приемлемой формулировке — «Техносерв» занимает сегодня неплохую позицию в сфере компьютерного сервиса. Мы делаем все, что декларируем. А это почти все, что необходимо нашим заказчикам. В тех редких случаях, когда мы бессильны, предпочитаем не портить технику и иногда даже себе в убыток заменяем оборудование. Но то, что нам, в «Техносерв», приносят около 20% «слез», а не оборудования — после так называемого ремонта у «коллег» по сервису, — это реальность, и наш клиент, пострадавший от такого ремонта и только в нашем лице нашедший искренние соболезнования и реальную помощь, навсегда остается нашим.

— Но в любом случае в гордом одиночестве вы долго не продержитесь. Совсем недавно видела в нескольких изданиях рекламное объявление некой фирмы, предлагавшей создание и сдачу «под ключ» новеньких сервисных центров и уверявшей, что компьютерный сервис — самый выгодный бизнес...

— Действительно выгодный. Но все зависит от того, на каких основах он построен. Можно откровенно халтурить — и зарабатывать приличные деньги. А

можно тихо и спокойно, качественно и добросовестно работать, давать гарантию на отремонтированное оборудование не на 3 дня, как делает большинство, а на 6 месяцев. И завоевывать все больший и больший рынок, как советский, так и западный.

— «Техносерв» планирует свой выход на Запад?

— Я думаю, это будет веским доводом в пользу серьезных намерений «Техносерва», если я расскажу вам о нашем тесном сотрудничестве с одной из известных фирм Западной Европы, членом ассоциации «TekServ». Эта фирма нуждается в комплектующих деталях предельно хорошего качества. Наши специалисты «прокатывают» комплектующие, скрупулезно контролируют их, гарантируя эксплуатацию без ремонта в течение года. В обмен на эти проверенные детали мы получаем весь их «компьютерный лом», который тоже «доводим до ума». Есть такое определение в нашей деятельности — «работает, как новое». Так вот, благодаря этому «кустарному» контролю западная сервисная фирма позволяет себе резко понизить стоимость своего сервиса. А ведь в том мире устоявшихся величин это звучит как взрыв бомбы! И естественно, и мы и они имеем неплохие результаты от такого взаимодействия.

— Простите меня заранее за бестактный вопрос, но они, фирмачи, наверняка и смотрят на вас соответственно — дешевая рабочая сила, Сибирь, медведи и т.д. Не испытываете ли вы чувства неполноценности перед этим миром устоявшихся величин?

— Я бы сказал, что для «Техносерва» время «медведей» уже миновало. Я помню, как пришел сюда впервые представитель датского сервисного бизнеса. Как смотрел на наше скудное оборудование и как планировал учить нас работать. Но оснастку мы приобрели сами и команду специалистов подобрали такую, что с «фирмачами» даже и не сравнятся! Ведь наш электронщик может все — и разработать слож-

нейшее устройство, и перепаять микросхему, и собрать по винтикам новый компьютер. Сегодня наш датский коллега говорит о необходимости подучить своих людей по методикам работы «Техносерва».

Чтобы еще больше похвалить своих специалистов, добавлю, что им по плечу разработка и сборка принципиально новых компьютерных модификаций. У нас есть более десятка постоянных заказчиков, периодически обращающихся с просьбой сделать «нечто» такое, чего в обычных компьютерах не бывает. Но (предвижу ваш вопрос!) для нас это остается на уровне хобби, и заниматься разработкой новых моделей для серийного выпуска мы пока не собираемся. Основное направление для нас — это сервис.

— Что такое сервис на Западе, где есть любые компьютеры и любые детали к ним. Наверное, сплошное удовольствие?

— Сервис по-западному, это гарантия быстрого и качественного ремонта, включенная в первоначальную стоимость компьютера. IBM, Macintosh стоят безумно дорого. Но они и обслуживаются идеально! По соотношению (приемлемая цена/хорошее качество плюс сервис) выгодно выделяются известные фирмы Тайваня, Сингапура и др. стран. У производимых ими компьютеров, так же как и у компьютеров IBM, очень высокий уровень контроля, существует несколько градаций качества проверки. В отличие от названных первых двух групп есть и такая, у которой качество не гарантируется вовсе, что и отражается на относительно невысокой цене. Это компьютеры «No name» (без имени), собираемые где-то в подвале, чуть ли не на коленях! Надо прекратить гонку за дешевой при покупке неизвестной марки компьютера, и тогда вы заранее спасаете себя и нас от неизлечимой головной боли — компьютеры «No name» ломаются во много раз чаще, чем приличная техника.

Возвращаясь к стоимости компьютерного сервиса на Западе, хочу добавить, что обычно на него приходится 6—12% от стоимости оборудования. Для сравнения — в СССР находятся такие специалисты по компьютерам, которые соглашаются и на 1% стоимо-

Ремонт IBM совместимого оборудования в кратчайшие сроки или замена в присутствии заказчика:

— системные платы XT	400—1200 рублей;
— системные платы AT	1200—3200 рублей;
— системные платы AT 386	3200—6200 рублей;
— мониторы различных типов	1500—3500 рублей;
— контроллеры различных типов	400—2100 рублей;
— принтеры всех типов	1500—5500 рублей;
— винчестеры	1000—3000 рублей.

Гарантия на произведенный ремонт или замененное оборудование составляет шесть месяцев с момента подключения оборудования заказчиком.

Годовое техническое обслуживание и устранение всех неисправностей стандартного комплекта ПЭВМ (монитор, системный блок, принтер) с учетом стоимости замены любого неисправного элемента

— IBM PC XT	1300—1700 рублей в год;
— IBM PC AT	1800—2600 рублей в год;
— IBM PC AT 386	2700—3700 рублей в год.

Для организаций, передающих на обслуживание более 10 компьютеров, предоставляется скидка, достигающая в зависимости от количества компьютеров 50% от указанной стоимости.

сти, но с дополнительной поездкой какого-нибудь руководителя в страну-изготовитель.

— А во сколько обходится ремонт оборудования какой-либо западной фирме в «Техносерве»?

— С того самого момента, когда нас «нашли» и «признали», мы стараемся не опускаться ниже европейских стандартов, как в качестве, так и в цене. Стоимость годового обслуживания в «Техносерве» 4—6,5 процента от стоимости оборудования. И серьезные поставщики компьютеров на советский рынок, после не менее серьезных переговоров и наблюдений за нашей работой, идут на это. Кому нужны неприятности с обслуживанием своих компьютеров?

— Недавно встретила в «Известиях» «исповедь» директора какого-то сервисного центра (он пожелал остаться неузнанным). Так вот этот директор жалуется, что с принятием Центральным банком России распоряжения, запрещающего закупку коммерческими структурами товаров у частных лиц, дела у этих самых коммерческих структур пошли из рук вон плохо... Ударили по «наличке» — и теперь невозможно закупать комплектующие детали. У вас голова от таких проблем не болит?

— Мы заранее предвидели такое развитие событий, ведь в нашей стране возможно абсолютно все. Поэтому у нас есть много каналов для закупки комплектующих по безналичному расчету или же мы их получаем в качестве частичной оплаты за произведенный ремонт. Но естественно, что все наши пути и дороги остаются коммерческой тайной!

— Я знаю, что стать представителем или дилером какой-нибудь солидной зарубежной фирмы — большое счастье для советского предприятия или организации. Вы не пытались судьбу — связаться, например, с IBM и отремонтировать исключительно эту технику, благо ее у нас пруд пруди, а взамен получить комплектующие детали?

— «Техносерв» совершенно сознательно уходит от подобных контактов, поскольку они не принесут нам ничего, кроме ограничений свободы наших действий. Кстати, после предыдущего интервью в «Столице» мне пришлось добрый десяток раз отказываться от аналогичных предложений. Свяжав себя с кем-либо, мы ставим под удар всех своих постоянных добрых клиентов. Еще раз подчеркиваю — мы готовы сотрудничать со всеми, как с советскими поставщиками, так и с западными, но на взаимовыгодных для всех нас условиях!

Беседу провела В.БРАЙКО

Аппаратная русификация видеоконтроллеров и матричных принтеров.
Увеличение производительности и доукомплектование персональных компьютеров.
Консультации, техническая документация, справочные данные.

Ирина ЛЮБАРСКАЯ

МИТЯ ВОЛЧЕК —

У меня с Митей мало общего: он — Митя, я — Ира, он родился в Питере, а я в Москве, он чуть моложе, я чуть старше, он не ставит знаков препинания, а я ставлю их больше, чем требуется, он издает «Митин журнал», а я его читаю, он делает передачи для радио «Свобода», я их слушаю, он не берет у меня интервью, а я у него — беру. Но все-таки у нас с Митей немало общего, что, надеюсь, будет видно из нижеследующего.

МОЙ ГЕРОЙ НАШЕГО**МИТЯ КАК ОН ЕСТЬ**

Тема

— Митя, у вас есть профессия? Такая, чтобы иметь кусок хлеба?

— По образованию я филолог. Занимался поэзией начала века, Ходасевичем. Но... какой же это кусок хлеба — это все-таки вещи академические.

— Была бы у вас тихая академическая жизнь...

— Да, была бы. Вообще-то я за всю свою жизнь ходил на работу только четыре месяца — сторожил какие-то железки весом в несколько тонн: кто их мог украсть? Мало этих болванок, там рядом было кладбище — и я подумал, что уж лучше никакой жизни, чем такая. Больше никогда нигде не работал, только по договорам печатался.

— А где?

— Ну-у... до черта.

— По Союзу?

— Ой нет, по Союзу очень мало. Вот разве что в «Митином журнале» (в дальнейшем МЖ. — ИЛ).

— Да что вы? И как вам это удавалось?

— Удавалось. Он, кстати, до сих пор выходит.

— А если серьезно: вы не думаете, что пора бы МЖ печататься в типографии?

— С одной стороны, конечно, пора, с другой — время упущено: кому это теперь может быть нужно, не знаю. Сначала было сто читателей, потому что было запрещено, потом их стало раз в десять больше...

— В десять?

— Ну не знаю, может, в двадцать. Но сейчас опять будет сто, даже если издать его на веленовой бумаге с золотыми виньетками и продавать на каждом углу. Для меня загадка — кто его купит.

— Для меня загадка обе ваши сегодняшние ипостаси — самиздат и «Свобода». Вроде бы и то и другое исчерпало себя.

— Про журнал я уже говорил. Что касается радио, то «Свобода» — фирма солидная и высокопрофессиональная. Ведь приходится признавать, что советская пресса, радио и ТВ по-прежнему страшно непрофессиональны. С чего начинают великие перемены? Снимают название программы «Время». Господи, ну как еще она должна называться? Что в этом слове плохого?

— Это желание разрушить...

— ...простое советское желание разрушить до основания прежде всего те вещи, которые никому не мешают.

— А что же надо делать вместо этого?

— На самом деле все надо продать капиталистам. И пусть они все сносят постепенно и — строят.

— Неплохая мысль. А еще?

— Вторая идея — устроить здесь вселенскую свалку и обнести стеной.

— Кремлевской?

— Гораздо больше и выше берлинской.

— Страшно...

— Я как раз такую прозу сейчас пишу. Роман.

— Публиковать не собираетесь? Составить конкуренцию Кабакову?

— Ой нет, сейчас все так быстро устаревает. И конкуренция Кабакову тоже.

— А ведь это же трагедия для того поколения, которое слишком всерьез восприняло собственный нонконформизм?

— Да, они-то были уверены: все, что ни напишешь обличительного, останется на века и вечно будет за-

читываться до дыр на чердаках, в подвалах, кочегарках...

— Потому что казалось, что всегда будет ГБ и всегда будет кочегарка.

— ...и все эти люди ждали, что однажды им скажут: вы спасители Отечества. И в общем-то — сказали. Но при этом, когда все, что было написано, прочитали, оказалось, что многое безумно устарело. И лучше читать Чейза.

— Чейза? В МЖ тоже что-то печаталось из бульварной литературы. Агата Кристи?

— Ну нет, конечно. Из бульварной мы печатали только Бориса Виана «Уничтожим всех уродов», «Я приду плюнуть на ваши могилы».

— И как же нам «уничтожить уродов» — «плюнуть на могилы»?

— Не знаю... Чем хорош Запад — там каждый может найти себе дырку и спрятаться. Или найти себе компанию.

— А мне казалось, что именно наш «бархатный застой» давал такую возможность.

— Я понимаю, о чем вы говорите... А сегодня вы работаете в общественно-политическом еженедельнике, а я иду на пресс-конференцию в КГБ, да?

— Вам не кажется, что ситуация очень опасная для нас: мы можем стать такими же, как шестидесятники?

— Наверное, так и происходит. Это неизбежно — мы уже не самое свежее поколение.

— Грустно это... Но вернемся к Западу. А как же миф о страшной духовной разобщенности? Они же не живут духовной жизнью?

— Все советские мифы хороши, и этот тоже. Чем меньше людей живет духовной жизнью, тем лучше. Потому что эта призрачная жизнь — осо-

бенно русская духовная жизнь — очень способствует, чтобы никакой другой не было. По Булгакову: как только люди начинают петь хором, сразу же сортиры засоряются.

Подтверждением точности этой вечнозеленой мысли стал слух о сантехнических неполадках в Москве, происшедших после известных августовских событий: Москва запела мысленно, но хо-

логика: если ты начинаешь строчку не с прописной буквы — это уже политический жест. Отсутствие запятой — вызов обществу. Если ты сегодня пишешь без знаков препинания, то завтра обязательно напишешь «долой КПСС». Бред собачий.

— Мне кажется, и отсутствие запятой, и «долой КПСС» — одинаковый «бред собачий», но из него

получились многие неплохие вещи: МЖ, например.

— Ну да. Это такая проекция политического фрондерства на эстетику, что называется, эстетический нонконформизм. Но МЖ все-таки немного не такой, как вы говорите. Он слегка смешной...

— Вы повторяете все время: загадка то, что МЖ продолжает существовать. Он что, устарел?

ВРЕМЕНИ

Фото В.Плотникова

ром «долой КПСС», и партийные документы, разорванные в клочки, всплыли на первых этажах из засорившихся канализационных труб.

Нашему поколению удалось все же избежать как необходимости петь в хоре, так и потребности уничтожать заработанные честным пением «корочки». Хотя в этом смысле не стоит обольщаться и относить к тому же поколению всех «условно тридцатилетних» — многие из них и были, и состояли, и участвовали.

МИТИН «МИТИН ЖУРНАЛ»

Вариация 1-я

— Митя, зачем вы начали издавать журнал? Для себя?

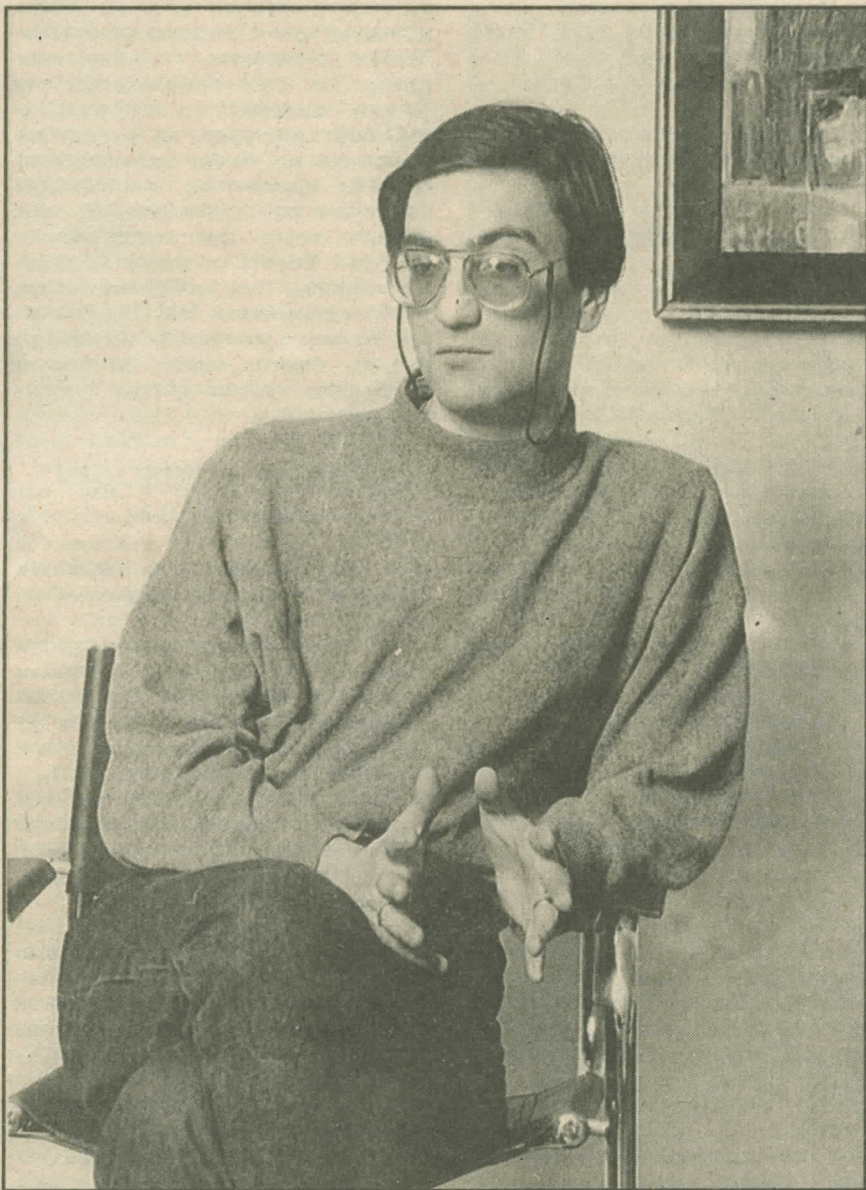
— Конечно, для себя. И, в частности, для того, чтобы как-то себя защитить.

— ?

— Мы об этом совсем забыли, но когда-то ведь все сидели под прессом КГБ или чего-то другого. Даже тот чисто богемный круг в Питере, который совершенно не общался с профессиональными диссидентами. Да их уже и разогнали к тому времени. Поэтому такие вещи, как МЖ или мой первый журнал «Молчание», прежде всего подчеркивали свою домашность. Но с другой стороны — безусловно, были фрондой или нонконформизмом, назовите это как хотите. Они же создавались когда никакой свободой и гласностью не пахло.

— Чем же подогревался вечный интерес гэбэшников к литературе, стихам?

— В этом была своя, вернее, их

— Нет-нет. В отличие от тех же «Часов», которые делались шестидесятниками, МЖ сохранил в своих подборках многое из того, что и сейчас, и потом стоит читать и печатать. Прежде всего архивные публикации или, например, прозаические вещи Аркадия Драгомощенко, Ольги Комаровой, Владимира Сорокина. Через журнал прошло много интересных провинциальных поэтов. Сегодня все это никому не нужно. Сложный вопрос: что теперь можно издать тиражом больше двух тысяч? Чейза вот. А все те фигуры, о которых столько лет обожающе спорили, оказались вынесены за скобки жизнью.

— А остальные разве нет?

— И все остальные тоже. Разве что Кабаков пока еще держится. А вот написал бы «Красное колесо» — и конец ему.

— Ну для любимых наших графоманов-то перспектива всегда остается...

— Да, графоманы — моя любовь.

— Любовь? Я думала — концепция.

— На самом деле — часть концепции МЖ, которой я горжусь и которая, кстати, никогда не смогла бы стать концепцией такого многотиражного журнала, как «Новый мир». А напрасно: графоманы, особенно советские, — это нечто грандиозное. Один, например, пишет, что настоящим злым гением всех времен и народов был отнюдь не Сталин, а Шолохов, который и диктовал Сталину, что надо делать. Другой — сторож в Крыму — записывает все свои сны...

— И они по-прежнему шлют свои творения в МЖ?

— Ну, не только они.

— А почему?

— Наверное, это по-прежнему считается престижным.

— Тут возникает законный «жлобский» вопрос: на какие средства издается МЖ?

— Ни на какие.

— То есть?

— Всегда была некая подписка, но к тем деньгам, которые в результате приходили, надо было добавлять свои. Сейчас все эти услуги стоят несколько дороже, журнал соответственно тоже. Правда, мы поднимаем тираж. Но все равно МЖ остается журналом для очень узкого круга.

На мой взгляд, необходимо отметить широту этого «узкого круга»: часть тиража МЖ идет за гра-

ницу, в библиотеки, но и в Союзе в каждом большом городе есть 1—2 подписчика. Вообще в культурологической арифметике лучше отказаться от ленинского определения «узости круга», поскольку его знаменитая расшировка — «страшно далеки они от народа» — давно уже переключалась в сферу анекдотическую и ни одному здравомыслящему человеку не придет в голову подставлять в качестве общего знаменателя некий «народ» как критерий подлинности и необходимости чего бы то ни было.

МЖ, безусловно, самый культурный и профессиональный самиздатовский журнал 80-х: он имеет осмысленную и остроумную эстетическую концепцию; он в меру элитарен, то есть предполагает не только знакомство читателя с мировой культурой, но и наличие у него чувства юмора по отношению к этому знакомству; он выходит регулярно раз в два месяца; его делают всего два человека — Дмитрий Волчек и Ольга Абрамович. Вполне вероятно, что вещи, опубликованные в МЖ, будут когда-нибудь печататься в каком-нибудь «Новом мире», но уже с почтением и двумя датами в круглых скобках.

МИТИНА «СВОБОДА»

Вариация 2-я

— Митя, нужны ли в нынешней ситуации передачи радио «Свобода»?

— Как ни странно, нужны. Союз разваливается на ряд территорий с разной политической окраской, информация по-прежнему доходит туда с большим трудом, да и качество журналистики не очень высокое в Союзе. Конечно, на национальных окраинах и в российской провинции у нас сейчас слушателей больше, чем в Москве. Когда туда доходит ваш журнал?

— Никогда не доходит.

— И еще сто лет не будет доходить, даже если вы его туда пошлете — погибнет в болотах по дороге или «Союзпечать» сгниет. А волны не зависят ни от кого: ни от болот, ни от «Союзпечати».

— Когда же вы стали «вольным сыном эфира»?

— Три года назад, через два дня после того, как была снята «глушилка». Я был первым советским чело-

веком, который согласился постоянно работать для «Свободы».

— Почему именно вам предложили?

— Совершенно случайно. Они давно делали робкие попытки найти корреспондента в Союзе, но эта глупость про ЦРУ всех как-то отпугивала. Ведь еще в апреле 1991 года по ЦТ показывали фильм «Чужие голоса». И честно скажу, в 1988 году, когда я пришел на «Свободу», у меня было такое ощущение: может случиться, что завтра меня посадят или кирпичом по голове стукнут. Не совсем, кстати, неоправданное.

— Серьезно?

— Конечно. Все быстро забывается. А что, собственно, в 88-м было — разве что «Московские новости» либеральничали. Я, конечно, не собираюсь уверять, что с моей стороны это явилось актом гражданского мужества. Однако если сегодня любой чиновник не только на вопросы охотно отвечает, но даже сам на интервью для «Свободы» напрашивается — потому что это престижно, — то тогда позвонить кому-то и попросить дать какие-то невинные сведения...

— Как же вы получали информацию?

— Тогда уже существовала небольшая сеть независимых информационных агентств, газетки типа «Экспресс-хроники». Но главным образом мы занимались обзорами прессы, то есть ругали советские газеты. До Мюнхена они доходят с месячным опозданием, так что я вставал в 6 часов, шел к киоску — газеты ведь были нарасхват, — покупал всю пачку, читал, писал обзор, опять ложился спать, потом передавал его в эфир.

— Господи, Митя, ну зачем вам это все понадобилось: вставать в 6 утра, читать газеты?

— Во-первых, потому что предложили. Во-вторых, потому что у меня всегда была детская черта — фрондерство, желание делать то, что запрещают.

— И заниматься политикой?

— В политике я совсем не разбирался, да и лет пять назад это выглядело бы как моветон для нашего круга. Но при этом меня всегда к чему-то такому тянуло. В 17 лет я ночами читал диссидентскую литературу. Потом в 84-м году мне каким-то фантастическим способом присылали «Русскую мысль» — бросали в пакетах без адреса в ящик. И виделся такой апофеоз жизни — писать для «Рус-

ской мысли» и работать на «Свободе».

— Ну и как?

— Когда мечта осуществилась, все это стало выглядеть уже не таким захватывающим. Но я просто влился в эту систему, и она стала необходимым компонентом жизни. Когда нет передачи — это редко, но бывает, — чего-то не хватает...

После Митиных слов «влился в систему» мне стало ясно, что проблема совместимости «маргиналов»

с жесткими структурами, как всегда, решена самой жизнью. Наше поколение «восьмидесятников» переживает сейчас пик своей карьеры: арьергард общества благодаря резкому повороту всех остальных стал авангардом. Это очень опасный момент. Былая веселая рефлексия по заранее неудавшейся жизни в этой стране, развившаяся и в необязательности андерграундной эстетики, и в

элитарных «играх», и в домашних затеях для узкого круга, да и просто в «тусовке», неожиданно сменилась новым пикантным статусом вездесущего художественно-политического деятеля. К этому статусу просто опасно относиться без иронии, поэтому строгие читатели должны простить нам легкомысленный тон в беседе о серьезных вещах. Просто мы «еще не хотим умирать».

НАШ ДЕСАНТ НА УОЛЛ-СТРИТ

Вызывающая наглость «Стерлиговых, овчарки и К'» теперь известна и в Штатах. Но там она не вызвала озлобления, потому что наглость, подкрепленную делами, эти странные американцы уважают. Может быть, услышав обещания Г.Стерлигова в скором времени скупить на корню всю Америку, они и обидятся? А пока хлопают по плечу и вкладывают деньги.

Новорожденная американская компания «Алиса в Америке» нахально открыла конторы: в столице, почти напротив Белого дома (может, чтобы не слишком утруждать президента США, который частенько будет заходить на огонек?), в Нью-Йорке — на олимпе бизнеса Уолл-стрит.

Комедийный финал коммунистического путча резко повысил доверие американцев к нам, и армия американских бизнесменов ринулась в Союз с разными проектами, но только наставила себе шишек о стену советских внешнеторговых монстров. Но выход есть. Возможность, открывшиеся благодаря Янаеву со товарищи, помогут реализовать

Стерлигов со господом. «Алиса в Америке» обеспечит мгновенное движение американских товаров в Союз, а советских — в североамериканскую экономическую зону, включающую Мексику, США и Канаду.

Все просто. Американский производитель приходит в один из офисов «Алисы в Америке», и в тот же день его товар появляется во всей компьютерной сети «Алисы» — в союзной (Союз развалиться может, а сеть бирж «Алиса» — нет) и в американской. Столь же быстро советский товар появляется в Америке. А бюрократы только ловят руками воздух. Американцы же рады иметь дело с частной фирмой, а не с непредсказуемым Советским Союзом.

Кроме того, «Алиса» обещает сделать работу более легкой и эффективной для советских бизнесменов в Америке и американских — в Союзе. Чтобы те не чувствовали себя детьми, заблудившимися в дремучем лесу. В чужой стране советские и американские бизнесмены могут воспользоваться различными услугами «Алисы» — коммуникациями, высококлассными переводчиками и референтами и прочим.

На высшем уровне продолжается трогательное трансатлантическое братание солидных мужей. С одного берега океана тянут ладони президент США и премьер Канады, с другого — президенты Союза и республик. Но, к сожалению, общение в основном на уровне раздачи милостыни. В тени этих могучих рукопожатий находятся сцепленные над океаном руки братьев Стерлиговых (Дмитрий возглавляет американскую «Алису», а Герман — советскую). Однако не исключено, что по мосту этих молодых рук к нам придет американских товаров больше.

Дмитрий СИНИЦКИЙ

Впервые в России!

**РЕКЛАМНАЯ
СЛУЖБА
«DD»**

предлагает

совместным и малым предприятиям, организациям, кооперативам и частным лицам:

— ПУБЛИКАЦИЮ ВАШЕЙ РЕКЛАМЫ В РУССКО-ЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ США, КАНАДЫ И АВСТРАЛИИ (реклама товаров и услуг, частные объявления о продаже квартир, дач, машин за СКВ, брачные объявления и т.д.);

— ЮРИДИЧЕСКУЮ РЕГИСТРАЦИЮ ФИРМ В США (регистрация документов, легализация их в советском консульстве, бизнес-принадлежности с вашим фирменным знаком и т.д.);

— СОПУТСТВУЮЩИЕ УСЛУГИ (экспресс-почта в США и Канаду, секретарские услуги в США и т.д.).

Оплата в рублях и СКВ.

Телефон: 375-12-85

Адрес: 109645, Москва,
а/я № 29, служба «DD»

Возможен выезд агента.

ЗА ЧТО ЛЕНИН ЛЮБИЛ БЕДНОТУ?

О человеке с тяжелым, недобрим взглядом нередко говорят: «Смотрит, как Ленин на буржуазию». Ненависть Вождя к своим классовым врагам лучше всего передают оскорбительные эпитеты, которыми он их награждал. «Хлюпики, слякоть, говно, клопы, прихлебатели» — это о русской интеллигенции. «Мракобесы, прохвосты, паразиты» — о православном духовенстве. «Мироеды, кровососы, спекулянты, эксплуататоры, толстосумы» — о предпринимателях, талантливых организаторах экономики России.

Принято считать, что эти чувства с лихвой компенсировались любовью Ленина к простым людям, рабочим и крестьянам.

Попытаемся разобраться в отношениях Ленина к крестьянству.

Непревзойденный мастер тактики, Ленин прежде всего разделил «крестьянский хор» на три самостоятельные партии. Кудак для Ленина — злейший враг, его необходимо истребить. Середняк (с одной стороны, собственник, с другой — труженник) — на подозрении, его следует прижать, ограничивать. Все тепло классовой солидарности предназначалось бедноте. Основа режима — союз рабочих и беднейшего крестьянства.

Знатоки русской деревни М.Шолохов, А.Платонов, В.Белов, Б.Можаев создали целую галерею представителей этой обожаемой Ильичем части крестьянства.

Знал ли Ленин этот забавно-бедовый народ, тесный союз с которым завещал беречь пуще глаза? Проще всего сказать, что не знал, и на этом поставить точку. Но все дело в том, что знал, знал хорошо, и на этот счет ни капельки не заблуждался.

Обратимся к его письму в Политбюро ЦК РКП(б) о тезисах Е.А.Преображенского «Основные принципы политики РКП в

современной деревне». Это письмо было написано Лениным 16 марта 1922 года.

Итак, 1922 год. До насильственной коллективизации остается 7 лет. Но уже существуют колхозы, совхозы и коммуны. Откуда они взялись? Выросли сами, как трава, на почве революционного энтузиазма. Е.А.Преображенский увидел в них «кадры сельскохозяйственного пролетариата». Критерии вождя были строже.

В ответ на панегирик Преображенского он пишет: «О «кадрах сельскохозяйственного пролетариата» в наших совхозах пока умнее помолчать будет». Вы спрашиваете, почему? Проницательный Ильич двумя строками ниже объясняет, что они больше похожи на «нечто неприличное, но не «кадры». Нетрудно догадаться, какое выражение здесь подразумевается.

Возникает вопрос, почему же Ленин предпочитал эти «неприличные кадры» трудолюбивому, расторопному мужику-хозяину?

Все дело в том, что наделенные практическим умом и здравым смыслом нормальные крестьяне с подозрением относились к коммунистическим утопиям. В коммунию они не спешили. За это их не любил Ленин. За это им потом жестоко отомстили.

Другое дело эти... о ком «умнее помолчать будет» — беспашные и неприхотливые пауперы, легкие на подъем, готовые на любую ультрареволюционную авантюру, лишь бы пахло добычей. «Неприличные кадры» были ударным отрядом абсурда против здравого смысла. Не за это ли их любил Ленин?

И. НАСТАВШЕВ

Калининград

ИМПЕРИИ БЫВАЮТ РАЗНЫЕ

Хотел бы прокомментировать эмоциональное выступление С.Говорухина относительно то-

го, что «колонии во всех империях истожили метрополию», благоденствие которой при утрате колоний возрастало, «блестящий пример — Нидерланды» («Столица», № 31—32).

Но пример с Нидерландами неудачен. Именно колонии создали фундамент благоденствия и экономического процветания Нидерландов. В течение столетий Амстердам и Роттердам были центрами деловой активности мирового значения. Вес этой страны на международной арене всегда был непропорционален размерам ее собственной территории и народонаселения.

Империи бывают разные. Что касается нидерландского колониализма, то он преследовал не столько геостратегические, сколько экономические цели. Достижение их обеспечивалось умелым варьированием методов колониальной эксплуатации (от системы «поставок» к системе «принудительных культур») и т.д. Вся колониальная деятельность Нидерландов как раз экономической целесообразностью и диктовалась.

В.ПЕЧКУРОВ

Москва

ПРИШЛОСЬ НАПИСАТЬ КАРТИНУ

Журнал «Столица» мы, ветераны войны и труда, зачитываем до дыр и передаем друг другу по цепочке, а то собираемся и обсуждаем прочитанное. Особенно понравилась статья «Большевистский Христос» и другие в этом роде. Боже мой! Мы оказались обманутым поколением.

Немногим из нас, ветеранов, по карману подписываться на ваш журнал за 52 рубля. И я пошел на крайность — написал картину маслом, внук ее продал на рынке, и мы оформили подписку на 1992 год. Этих денег хватило еще и на «Труд» и «Орехово-зуюевскую правду».

Теперь дело за вами! Публикуйте больше правды о нашем неизвестном прошлом. Только ссылайтесь на источники.

И. КОКУНЬКОВ

Орехово-Зуево

ГОСУДАРЬ ИХ ГЕНЕРАЛАМИ НЕ ЖАЛОВАЛ

В вашем журнале очень много некритически подобранного материала. Вы уж меня простите, но это отдает бульварщиной.

Например, в номере 31—32 в рубрике «Перископ» дана перепечатка «Космонавты Гитлера?» о том, как... после 47-летнего полета на Землю вернулись космонавты, отправленные в космос из нацистской Германии. Единственное, в чем выразилось отношение редакции к этой грубейшей и нелепейшей «утке», так это в вопросительном знаке, поставленном после заглавия. Но на него мало кто обратит внимание.

В том же номере статья «Пропахла надеждой казачья земля...». Вы хотя бы задались вопросом — кто этим нынешним «казачьим офицерам» присваивал воинские звания? Ведь это звания царского времени. Их присваивали соответствующими персональными приказами по армии, так же как и офицерам всех остальных родов войск. А в «наследниках казачьих традиций», которые сами себе дают звания, есть налет опереточности. И дай бог, чтобы только этим все и кончилось.

Л. КОРОВИН

Москва

НЕ ЗАМУЖЕМ? СИДИ ДОМА!

Написать вам меня подтолкнула статья «Наш человек на пороге Америки» В. Лебедева («Столица», № 30). Дело в том,

что в августе этого года моя дочь столкнулась с тем, что описано.

У нас в семье всегда был культ образования, я воспитывала в дочери любовь к истории, литературе. В 1990 году сбылась наша мечта, дочка поехала на историческую родину предков, в Грецию. В этом году друг пригласил ее посетить Америку. Но вот в чем, оказывается, вина моей дочери — она не замужем и ей всего 25 лет. Вдруг ее приятель захочет оставить ее в США?

Почему они считают себя выше всех и при этом говорят о правах человека? Кто дал им основание думать, что каждый из нас готов бросить своих родителей, страну, учебу, что для нас нет ничего святого?

По иронии судьбы, я узнала об отказе в визе, когда по телевидению шла трансляция приезда Буша в Москву. Я смотрела и испытывала горечь. За их улыбками я видела только холодное презрение и брезгливость.

Л. ЦИРОНИДИ

Даугавпилс

КАВЕРИН ПРОТИВ КАВЕРИНА?

В журнале «Столица» № 34 за 1991 г. на стр. 63 в воспоминаниях Г.Ефремова «Каверин и «Весть» опубликованы следующие строки:

«В тот же вечер Каверину вспомнился роман Рыбакова «Дети Арбата».

— Прекрасный роман. Необычайно добротная проза. Но... В любом из искусств, в идеале, должны присутствовать, хотя бы намеком, все остальные. В прозе, скажем, должны ощущаться и поэзия, и живопись, и музыка. А у Рыбакова — проза и все».

Мы дружили с Кавериним более двадцати лет, жили по соседству, встречались почти ежедневно, гуляли, о многом говорили, в том числе и о наших работах. Однако, не в пример

Г.Ефремову, я не буду ссылаться на сказанное. Сошлюсь на написанное Кавериним о романе «Дети Арбата»:

«Я бы сравнил роман с холстами наших лучших передвижников — Сурикова, или Ге, или Ярошенко. Та же спокойная, трезвая живопись, та же поэзия реальности, такое же богатство художественной идеи, та же точность деталей, та же содержательность правды». (Журнал «Огонек», № 27, июль 1987 г., стр. 4.)

Чему же верить? Якобы кому-то сказанному или собственноручно написанному и подписанному?

В обоих случаях оценка романа достаточно высокая и домысленное Г.Ефремовым эти оценки не снижает.

Пишу об этом потому, что все чаще встречаю в печати публикации, авторы которых пытаются хотя бы промелькнуть в литературе, присоединив свое имя к имени человека значительного, но умершего.

С уважением,

Анатолий РЫБАКОВ

Переделкино

ЗАВЕТАМ ГЕББЕЛЬСА ВЕРНЫ

Дорогой журнал «Столица!» Гитлеровский идеолог Геббельс в своем дневнике записал 24 мая 1941 года:

«Россия будет расчленена на свои составные части. Каждой республике надо осторожно предоставить свободу. Тенденция такова: не допускать больше существования на востоке гигантской империи. Тем самым мы выполним нашу подлинную историческую задачу».

Так что мечта 1941 года Геббельса выполнена в 1991 году. Какую долю в это дело внесла Россия сегодня???

С искренностью,
Вл-р Павл. БАБУРИН,
живущий на чужбине
ветеран шахтерского труда

НИЧТО НЕ НОВО...

Кипят у нас страсти вокруг памятников. Старые сносятся, воздвигают новые. И все в пожарном порядке. А кое-где эта операция повторяется многожды, поскольку одна группа граждан жаждет немедленной ликвидации, а другая — не приемлет нового монумента.

От этого испуганного хора вокруг бронзовых идиолов явно попахивает язычеством. А между тем все это уже было у нас. С «легкой» большевистской руки языческие действия с монументами начались сразу после октябрьского переворота. Весной 1918 г. пошла повальная установка памятников Карлу Марксу. Дело, естественно, было не только в подоспевшей столетней годовщине со дня рождения автора «Капитала». Новый режим закреплялся с помощью новых идиолов. Правда, материал был поначалу хлипкий. Потому и развалива-

лись очень скоро первые советские памятники. Так случилось и с первым памятником Карлу Марксу, более чем оперативно возведенным в Пензе.

История эта дала повод остроумнейшему и популярному публицисту той поры Александру Амфитеатрову (1862—1938) поразмышлять над судьбой двух Марксов в России — Карла и Адольфа. Его фельетон «Бронзовые Марксы» был опубликован в газете «Петроградское эхо» 27 мая 1918 г. Стояли последние деньки вольного слова. Большевики закрывали «разговорчивые» газеты. Амфитеатров успел... Воспользуемся ли мы советом старого русского публициста — «не переливать исторические перевороты в немедленные памятники»?

Семен БУКЧИН

Александр АМФИТЕАТРОВ БРОНЗОВЫЕ МАРКСЫ

Третьего дня мы разговорились о монументах, воздвигаемых Карлу Марксу в том скоропалительном порядке, как прежде на Руси в години общественных бедствий сооружались «обыденные» церкви. Слово «обыденный» в современном испорченном языке употребляется в неправильном значении «каждодневного», «обычного», «постоянно, то и дело встречаемого». На самом деле это не так. «Обыденный» значит «возникший в один день» или «существующий один день»: «об один день». Обыденными назывались церкви, построенные миром по обету, в один день, с рассвета до темной ночи. «Обыденкою» точно переведена на русский язык греческая «эфемериды».

Пензенский Карл Маркс оказался не только обыденным, но и об-единошным, ибо, насколько скоро был днем воздвигнут, настолько скоро был ночью снят.

Что-то из Островского:

— Дяденька! Коль скоро я пришел...

— А коль скоро ты пришел, толь скоро ты и уйд!

Что там в Пензе вышло с Марксом, в точности до сего времени неизвестно. Сообщение, что памятник был поставлен близко к кафедральному собору, позволяет лишь смутные догадки, без всякого права на уверенность. Но, чтобы ни случилось, в одном-то можно быть твердо убежденным: бедный обыденный Карл Маркс принял в чужом пиру похмелье за чей-то «административный восторг», выразившийся в стремительной скорости, весьма потребной, когда надо блох ловить, но довольно нелепой при воздвижении монументов.

Это самое я и высказал своим собеседникам. А они мне:

— Что вы за странный капризник такой? Одни памятники, по-вашему, надо разрушить, других не воздвигать... Монументофобия какая-то!

— Совсем нет. Я монументы очень люблю, необходимыми почитаю. Когда, вместо монумента великому человеку, предлагают почтить его память какими-то добрыми и полезными делами, эти справедливые, по существу, рассуждения все-таки напоминают мне недовольство апостолов: зачем Мария Магдалина умастила ноги Иисуса Христа елеем, который можно было бы выгодно продать и деньги раздать бедным... Но именно потому, что я люблю монументы, я не люблю, чтобы с ними срамились. Ибо, срамясь с монументом, срамят незаслуженно и великого человека, которому он посвящен. А происходит срам обыкновенно именно из этой вот скорости административного восторга, которая свою полицейскую энергию принимает за решение всенародной признательности...

И — именно потому, что я благоговею пред именем Маркса и читал его, — чего, по всей видимости, не могут сказать о себе две трети из стремящихся покрыть Россию его монументами, — именно поэтому я считаю эти затеи не только бесполезными, но, в условиях переживаемого времени, даже и оскорбительными для Марк-

са... Потому что, конечно, всероссийским памятником народной признательности Маркс был бы безмерно счастлив. Но всероссийского памятника от группы людей, лишь возымевших силу и полицейскую власть приказывать, он никогда не принял бы... Но памятника народной признательности Марксу в России быть не может — по той простой причине, что не только народ русский Маркса не знает, но даже интеллигенция знакома с ним очень плохо.

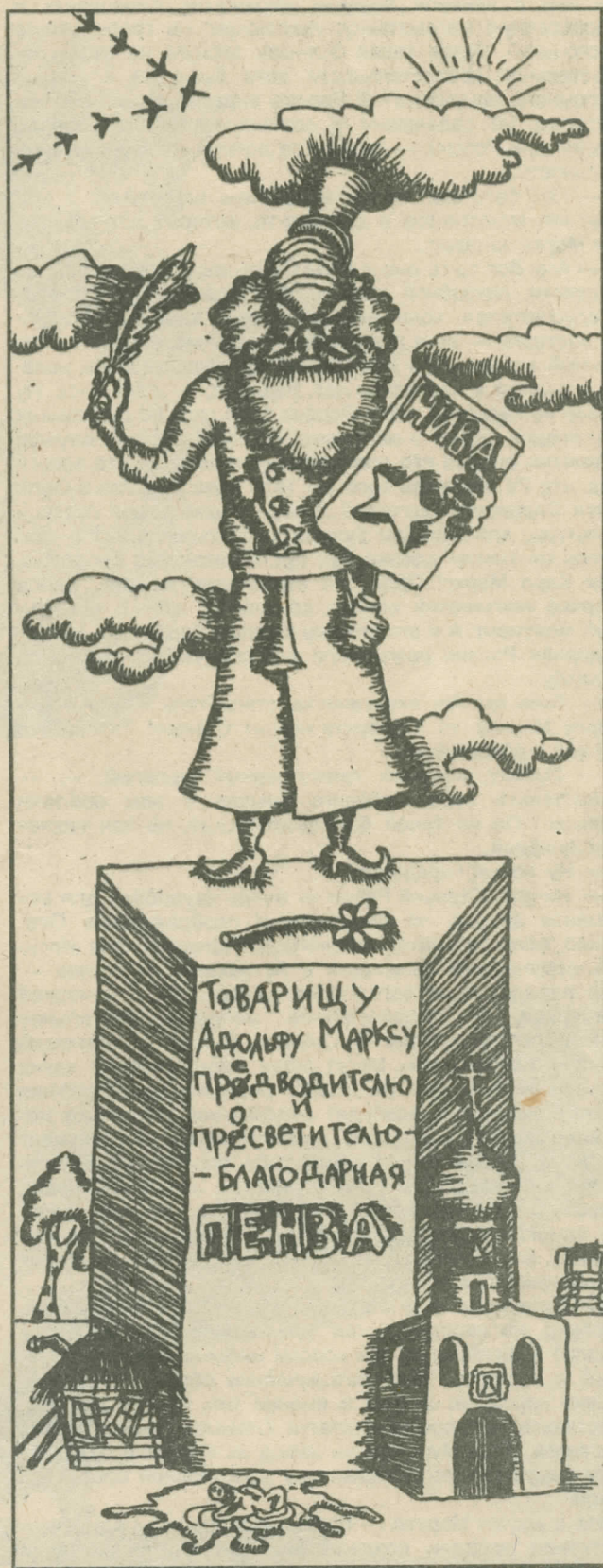
Сделалась ходячею острога, что Карла Маркса обычно принимают за Адольфа Маркса, покойного издателя и создателя «Нивы». Острога эта, имеющая целью уязвить невежество русского общества, к сожалению, обращается на самое себя тем неожиданным концом, что по правде-то говоря, уж если которому-нибудь Марксу ставить сейчас памятник в России, то памятник Адольфу был бы естественнее и понятнее, чем Карлу.

Пожалуйста, не приходите в ужас! Без ваших страшных взглядов знаю и помню, что Карл Маркс гениальный философ и великий реформатор, тогда как Адольф Маркс¹ был только искусным издателем книг и журналов и очень честным купцом из хороших русских земцев. Но просветительная роль Карла Маркса в России еще не обозначилась настолько, что даже революция наша, хотя и клянется именем Маркса, однако поминает его всуе, ежели нужно прицепляя его к таким идеям, проектам и деяниям, от одной мысли о которых поднялась бы дыбом шапка его прославленных седин. Я должен сознаться в неведении, переведен ли на русский язык «Капитал» весь полностью. Но я знаю, что первый том «Капитала» не превратил своих переводчиков Германа Александровича Лопатина² и Николая—бна³ в миллионеров. Потом, кажется, был еще какой-то перевод. Но, во всяком случае, потребность в Марксе для прошлого и настоящего России удовлетворилась весьма скромным издательством, а следовательно, и ознакомлением. Карл Маркс — весь в будущем. Будущему и принадлежит честь поставить ему монумент... Настоящий, честный монумент. Не в кредит, не на веру или даже суеверие, а по знанию. Не по административно-восторженному распоряжению партии, взявшей в государство политический верх, а по силе признательности сознательного народа, который Маркса прочитал и им просветился.

— А покуда, значит, не Карлу, а Адольфу?

— Адольф лежит смиренно в могиле и всенародных монументов не требует. Но вы напрасно смеетесь. Я не в парадоксы играю. Просветительная роль Марксова издательства весьма замечательна, и влияние ее на русскую народную культуру более несомненно, чем какое-либо иное. По самой простой причине, и статистические показатели это подтверждают. В течение почти полувека Марксово дело выбрасывало ежегодно в народные недра, — ибо преимущественно в провинцию — по полумиллиону, а в последние годы и больше, полных собраний сочинений лучших русских авторов, которых притом провинции не приходилось покупать. Они сами приходили к ней и, так сказать, в руки лезли в качестве бесплатных приложений к журналу с картинками...

Что это Марксу было очень выгодно, — бесспорно. Он был великодушный коммерсант и оставил крупное состояние, нажитое исключительно «Нивою». Но несомненно также, что он выучил русский народ читать хорошую книгу, что именно он пустил в массы Гоголя, Глеба Успенского, Чехова, Лескова, Майкова, Полонского, Фета... да разве всех сосчитаешь? Что именно он положил начало оздоровлению народного книжного рынка, сбив

на нем с вековой позиции «Францзя Венециана» и «Прекрасную магометанку, умирающую на гробе своего господина». Разве такая большая заслуга не стоит общественной признательности, хотя бы даже и в виде скромного монумента? В Европе видел я памятники издателям, не сделавшим и половины того, что сделал Маркс для России, — просто за долгую культурную деятельность...

— Эх, батюшка! Какие монументы издателям! У нас еще нет монументов и авторам-то, которых хотя бы тот же Маркс издавал...

— Ага! Вот то-то оно и есть! Опять мы договорились до скорости, потребной только блох ловить... Укусит властедержателей политический порыв административного восторга — ну и пожалуйте! — сейчас же соответственный монумент! А монументов по общественной признательности у нас почти нет. Раз, два, — и обчелся. Ну разве не курьезно, что в России 1918 года на ста языках сто певцов кричат о монументе Карлу Марксу по случаю столетия со дня его рождения — и хоть бы кто вспомнил, что 28 сентября того же 1818 года родился в Орле Иван Сергеевич Тургенев? А ведь и для общей русской культуры, для свободы русского крестьянина автор «Записок охотника» сделал как будто немножко побольше, чем Карл Маркс! Однако к столетнему юбилею Карла Маркса пензенский совдеп состряпал, хотя и обыденный, монумент. А к столетнему юбилею Тургенева — благодарная Россия разгромила его родную историческую усадьбу...

— Если вы так скептически относитесь к монументу Карлу Марксу, то о проекте насчет Стеньки Разина что же вас и спрашивать...

— Проект, конечно, смехотворный, нелепый, но — представьте себе, здравого смысла в нем все-таки больше... Он не такой бюрократический, не так пахнет канцелярией...

— Ну, новый парадокс!

— Ничуть. Стенька Разин — очень неудобная для монумента фигура, по религиозным соображениям. Особенно, если состоится канонизация архиепископа Иосифа, замученного разинцами в Астрахани... Но Разин — для народа — не загадочный незнакомец с немецкой фамилией, но общеизвестное, могучее, обаятельное имя. И любимое. Кому — Стенька, а кому — «батюшка Степан Тимофеевич». Могут люди изумляться: до каких времен дожили, что уж таким разбойникам памятники ставят. Но имя не возбудит недоумения. Поскольку монумент вообще есть дело романтическое, — монумент Стеньки Разина может найти себе оправдание. Романтизма и народности в его образе — непочатый край... Бессмысленно только увековечивать то, что увековечено самой природою. Вся Волга — монумент Стеньки Разина. Его монумент — вечные Жигули. Его монумент — вечный Стенькин курган.

Но если нужна еще статуя — что же? Она может быть столько же народною, как полумифический Вильгельм Телль⁴ в Швейцарии, как совсем мифический, Вайнемун-нен⁵ в Выборге... Есть исторические образы, равнозначущие народным мифам и именно тем народу дороге. Поставьте на площадях статуи Стеньки Разина, Ивана Грозного, Ильи Муромца, — народ их примет с одинаковым радушием, по любопытству родственной близости... Свои!

Ну, а насчет Маркса — боюсь, что, при всем административном усердии воздвигателей, получится из всей плачевной затеи социалистический перепев симбирс-

кого «государственного» монумента историографу Н.М.Карамзину.⁶ Этой огромной медноголовой Клио, которую народ зовет «Кармазиной» и уверяет, будто «она медна, потому — поставлена ей, шельме, в наказание за ейное волшебство»...

И еще огорчительная и опасная сторона в скоропалительной монументировке: быстротечная превратность. Николай II поторопился с памятником Столыпину⁷: Столыпин сняли. Пензенцы поторопились с памятником Марксу: Маркс ушел. Никогда не следует переливать исторические перевороты в немедленные памятники. В историческом романе Салиаса⁸ «Петербургское действо» некий хитроумный сенатор, при каждом политическом перевороте, подавал мнение:

— Объявить победителя спасителем отечества и отлить его золотую статую.

Но так как дело было в 1740—1741 гг., когда последовательно побеждали Бирон⁹, Анна Леопольдовна¹⁰ с Минихом¹¹ и кроткая Елисавета¹² с лейб-компанцами¹³, — то сколько же сенатору этому пришлось золотую скульптуру злоупотреблять!.. Да что уж золото. И с медью не худо быть осторожнее в условиях, когда — «сегодня ты, а завтра я»...

Так-то, отцы и братья!..

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Маркс Адольф Федорович (1838—1904) — русский издатель, выпускал популярный журнал «Нива».

2 Лопатин Герман Александрович (1845—1918) — революционер-народник, друг К.Маркса, первый переводчик «Капитала» на русский язык.

3 Николай—он — псевдоним Даниельсона Николая Францевича (1844—1918), народнического экономиста и публициста, завершившего начатый Г.А.Лопатиным перевод первого тома «Капитала» (1872), а затем переведшего второй (1885) и третий (1896) тома.

4 Вильгельм Телль — герой швейцарской народной легенды, отразившей борьбу швейцарцев с Габсбургами в XIV веке.

5 Вайнемуннен, Вайнемуннен — герой карело-финской мифологии, мудрец.

6 Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — писатель, историк.

7 Столыпин Петр Аркадьевич (1862—1911) — министр внутренних дел и председатель Совета министров России.

8 Салиас, Салиас-де-Турнемир Евгений Андреевич (1840—1908) — русский писатель, автор исторических романов.

9 Бирон Эрнст Иоганн (1690—1772) — граф, фаворит императрицы Анны Ивановны.

10 Анна Леопольдовна (1718—1746) — правительница России в 1740—1741 гг.

11 Миних Бурхард Кристоф (1683—1767) — граф, русский военный и государственный деятель.

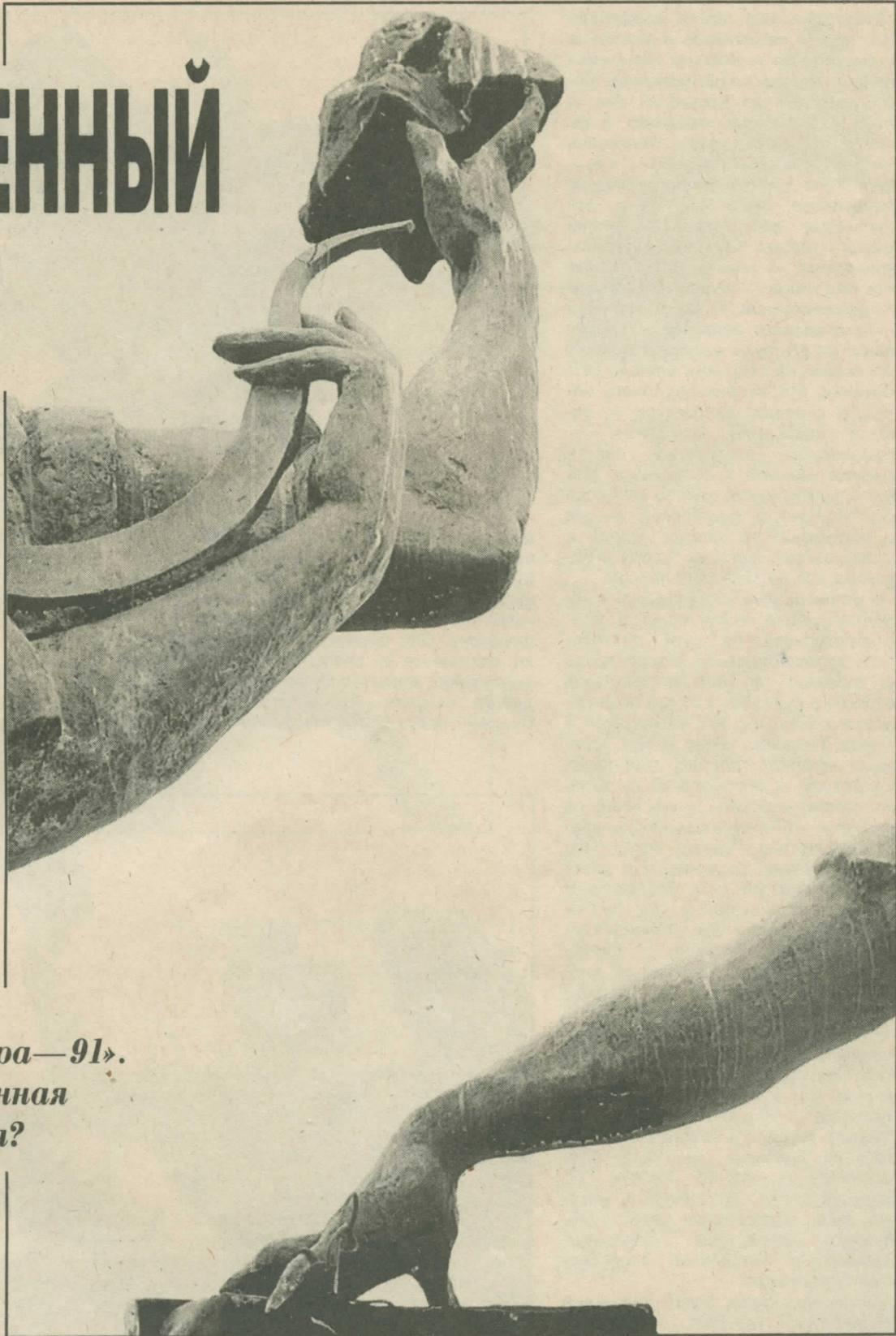
12 Елисавета, Елисавета Петровна (1709—1762) — российская императрица, дочь Петра I.

13 Лейб-компанцы — организаторы дворцового переворота, в результате которого Елисавета Петровна взошла на престол.

Публикация С.БУКЧИНА

Рисовал А.Заяц

КАМЕННЫЙ БУНТ

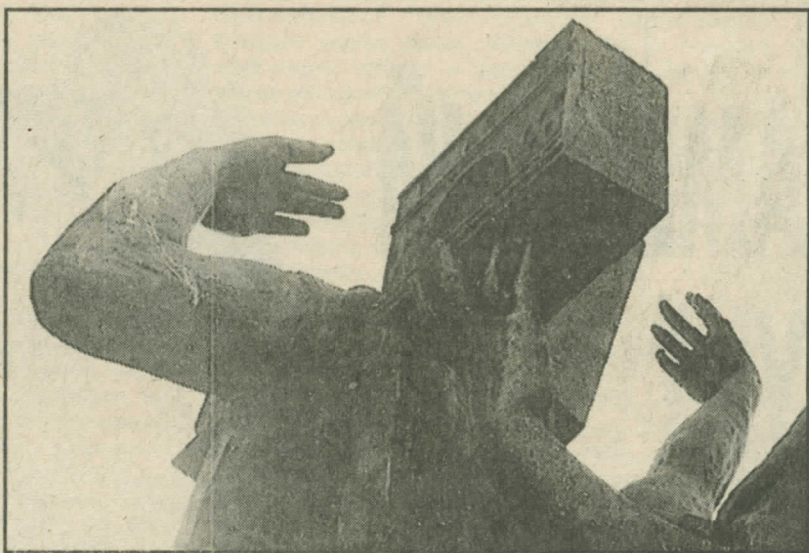

*Выставка
«Скульптура—91».
Революционная
и последняя?*

Революционная толпа взбунтовалась против памятников и пожелала их скинуть. Ее успокоили: памятники сняли и свезли к Центральному Дому художника на Крымский вал. А через месяц после «событий» в залах на Крымском валу открылась выставка «Скульптура—91». Готовилась она долго и вышла огромной, впечатление было — будто это скульптура взбунтовалась против своего творца. Осуществившаяся демократия — выставка устраивалась без жюри — позволила вождям с художнической Старой площади — Гоголевского бульвара — решительно умыть руки: вы этого хотели? Как сказал на открытии один из устроителей, эта, вторая подобного масштаба, выставка скульптуры — кажется, последняя. Ощущение невозможности повторения такого зрелища разлито в ее воздухе. Как будто брилловское зарево занялось над Помпеей и скульпторы вышли из мастерских со своими чадами в последний раз явить их городу и миру, пока все не засыпало пеплом.

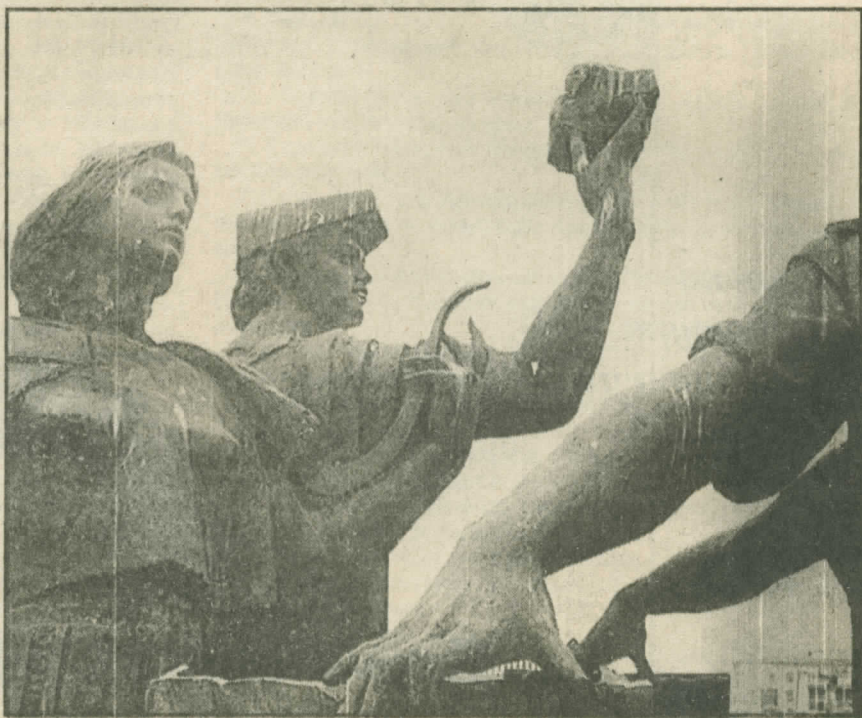
В условиях уже наступившего в искусстве рынка заканчивается благотворительная по сути деятельность художественного Союза, когда он принимал на себя выставочные расходы и художники от его лица покупали сами себя для запасников и музеев. Началом конца стало появление частных галерей, торгующих искусством, и обособление от Союза «патриотических» художников по принципу столично-провинциального землячества. Первые потянулись к власти денег, деревянных и зеленых; вторые же — к набирающим силу и власть, скажем так, околоточным кругам. Эти вторая и третья идеологии откололи от Союза крайних справа и полукрайних слева, оставив в нем тех, кто в массе своей (начальники, конечно, не в счет) никогда не служил правившей идеологии. Тех, для кого занятием было искусство — высокое ли, ироничное или утешительное ремесло. Выставка «Скульптура—91» не открыла ни одного нового имени, ничего не прибавив ни одной сложившейся репутации. Работы, по большей части собственность авторов, лишь подтвердили неостребованность обществом гениальных, больших и умеренных способностей скульпторов.

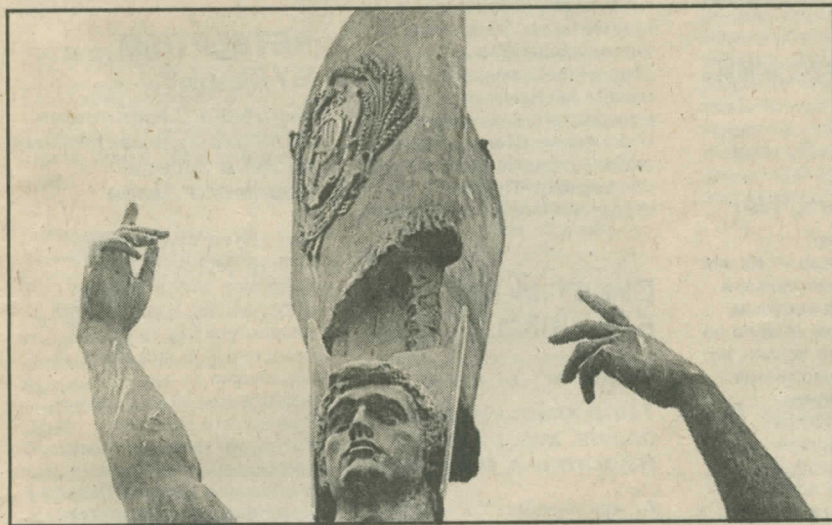
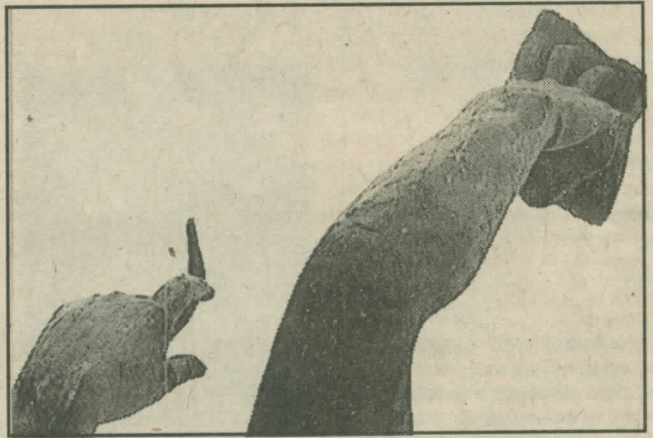
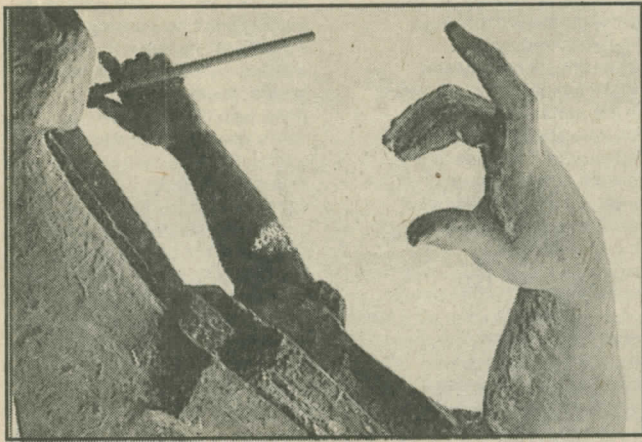
Символом конца эпохи советской скульптуры кажутся последние странные работы ушедшего Алексея Сотникова. Замечательного,

изысканнейшего ваятеля. Он представлен гипсовыми безрукими и безголовыми торсами, громоздящимися друг на друга колоссальными для выставочных пространств фигурами. Они волнуют, как обломки, найденные на развалинах храма, ощущением какой-то другой жизни, другой энергии и чувственности. Скорее всего, это неоконченный

скульптором «заказ». Если же делал их Сотников для себя, тогда он был провидцем. Этот маэстро изображен другим молодым скульптором, как скромный до нищеты пришвинский интеллигент, — стоит одинокая бронзовая фигура на воздухе у входа в ЦДХ. А перед ним на осенней травке — лес прихотливых изображений, который намерены превра-

тить в первый в России парк скульптуры, куда войдет частью и заповедник «портретов деятелей тоталитарной эпохи».

И вновь как-то по-воландовски точно совпало, что, практически на следующий день после открытия выставки «Скульптура—91», газета московских художников опубликовала новый устав их союза. Сколько в последние годы было поломано из-за него копий, и вдруг: нате! Его предваряет Декларация о свободе творчества, где черным по белому записано: «Каждый член нашего союза является субъектом Права и субъектом Культуры, равен в своих правах с организацией». Нет, не напрасны были баррикады у «Белого дома». Художник наконец будет субъектом Культуры — слово-то какое произнесено! Он поделит права со своей идеологически-мафиозной организацией. Пусть это только декларация... Пусть вначале будет слово после десятилетий «дела». Ко входу в парк скульптуры, на выставку и к «деятелям» свезены и поставлены две монументальные композиции Михаила Бабурина. «Мир земле» написано, естественно, на щите под человеком с автоматом в руках. Так мыслился мир. Вторая — «Союз искусства и труда»: зодчие, конструктор с моделью трактора, юноша с книгой. В этом ряду отводилось место художнику. Композиции кажутся въездными столбами, с которых сняли решетчатые тяжелые ворота: посмотрим, повернет ли эта дорога у руин Вавилонской башни к свободе.

Ирина АНИСТРАТОВА

**Композиции М.БАБУРИНА
фотографировал А.ГОРДЕЕВ**

Дневник И.

УБЕЙТЕ НОГУ!

«Нога»
К/ст «12 А»,
реж. Н.Тягунов

Сюжет придуман Фолкнером, а сценаристкой Надеждой Кожушаной и режиссером Никитой Тягуновым переложено на афганские дела. Так что самое страшное в этом фильме — не отрезанная нога, превратившаяся в человека, а белесая от солнца дорога, по которой пробирается БМП с «нашими». И на дороге — черный ящик с надписью: «Бакшиш шурави», что значит: «Подарок другу». И из ящика сочится кровь... И в истерическом захлесте нога давит на педаль БМП, под гусеницами которого гибнут ни в чем не повинные афганцы из ближайшего кишлака и хрустят обломки их жилища. А нога все давит, давит, давит...

Дальше может быть все, что угодно, — бессонница от боли в ампутированной ноге, синий обрубок, шевелящийся пальцами, демобилизационная депрессия, таинственная смерть и над всем этим изматывающий фортепианный поток О.Каравайчука. Может не хватать убедительности и могут не сходиться концы с концами, но останется главное — образ боли. Той самой фантомной боли, изживать которую — уже не нам.

Анна КАГАРЛИЦКАЯ

ПОЧТИ «АКАДЕМИЧЕСКИЙ» ОБЗРИУТ

Н.Олейников. «Пучина страстей»

Л., Сов. писатель, 1991

Николай Олейников — из тех поэтов, которые остаются в памяти и сердцах светлым, солнечным пятном. И дело не в ироничности его поэзии, не в забавных, афористичных, ставших поговорками фразах. Свет, который излучает Н.Олейников, — это, очевидно, такой же талант, как и дар писать стихи. Сборник, выпущенный в Ленинграде, — пока самое полное собрание его наследия. И, к сожалению, практически полное, потому что безумно мало этих двухсот страничек стихов. В Олейникова влюбляешься с

первых же строк, и чувство восторга не покидает тебя до последней страницы. Конечно, будущим исследователям нужен будет академический том с кучей примечаний, комментариев и другого справочного аппарата. Но, по-моему, нет более нелепого словосочетания, чем «академический Олейников». В ленинградском сборнике очень удачно соблюден необходимый баланс между собственно произведениями поэта и тем минимумом сопутствующего материала, который будет полезен пытливому читателю. Справедливости ради надо исправить одну маленькую неточность, вкраившуюся в комментарии. В перечень вышедших авторских сборников Олейникова не попали две книжки московского издательства «Прометей»: «Я муху безумно любил» и (забавное совпадение) «Пучина страстей». Обе — 1990 года.

Л.Ф.

БУКЕТ МОЕЙ БАБУШКИ

«Жизель»

Театр классического балета, худ. рук.
Н.Касаткина, В.Василев

Ах, как я люблю XIX век! И воздух тогда был чище, и небо голубее, и музыка благозвучнее, а балет... О, праздника русской Терпсихоры! Да, так значит, «Жизель». Смотреть ее сегодня — отчасти забавно, отчасти пленительно. Колдовские танцы виллис завораживают, как и прежде, чистой красотой, ибо давно утратили гибельность их мстительные чары: что нам такая гибель! Смешат игрушечные пейзажи в шелках и герцоги в мишурном блеске, наивные жесты пантомимы, бутафория, явственно отдающая музейной пылью, если не нафталином. Сей запах, впрочем, тоже не без прелести — нездешний аромат «букета моей бабушки» навеивает ностальгические воспоминания: «А бывало, кто танцевал — Спесивцева, Уланова, Лавровский — какие имена!»

Настоящая постановка именами не то чтоб богата. А кордебалет по временам так топал, что напрочь разрушал очарование... Публика, тем не менее, была вполне довольна. Ну и славно, и пусть цветут на сцене все цветы, будь то закрученная авангардистская растительность или столетней прелести ромашки: XIX век — это же так красиво. Одно лишь вызывает у меня недоумение — спектакль заявлен премьерой. Реставрация — пожалуйста. Либо там реконструкция... Но премьера?

Алена ЗЛОБИНА

ЧЕТВЕРТЫМ БУДЕШЬ?

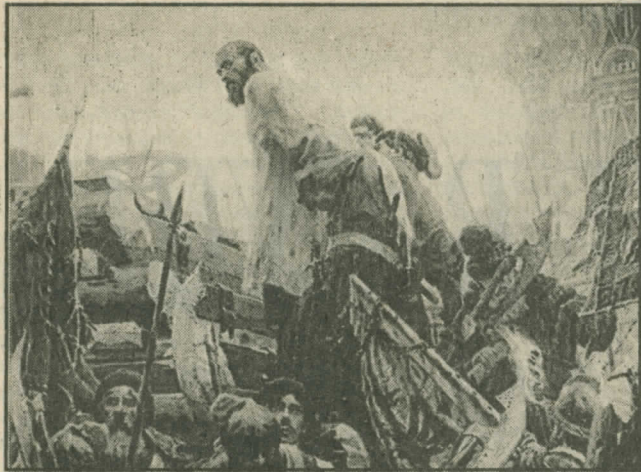
Выставка С.Кириллова.
Историко-художественный музей в Троице-Сергиевой Лавре

Нет, это не Суриков. Это Сергей Кириллов. В его живописи есть и прямое цитирование, и разработка академических традиций исторической живописи. И персонажи те же, эпохальные: Иван Грозный, Разин, Петр Великий. Выставка, таким образом, вполне вписывается в экспозицию музея в Лавре — на пути от древнерусского искусства к XVIII веку. Чистенькие, с иголки палаты и церкви среди свежего снега и молодой зелени явно говорят о зависти к прошлому. Потому-то «патриотическое» искусствоведение пытается представить Сергея Кириллова четвертым в стерильной череде истинно русских художников от Корина, через Глазунова к Константину Васильеву — и далее... Удастся ли тридцатилетнему художнику уберечься на своем пути от восхвалений идеологов «русского»? Кажется, лишь одно качество может уберечь его от этого — чувство юмора, которое иногда проглядывает в небольших работах. А пока шутит наша «история с географией»: открывшись еще в Загорске, выставка проходила уже в Сергиевом Посаде.

Ирина АНИСТРАТОВА

Кадр из фильма «Нога».

С.Кириллов «Степан Разин»

ПЕРВЫЙ — И ПОСЛЕДНИЙ?

«Звезда по имени Цой»
Орел, кооп. «Искусство»,
1991

Несколько странно, что первый сборник стихов Виктора Цоя вышел в Орле, а не в Москве или Ленинграде. Неужели у энтузиастов из Орла возможностей и деловитости оказалось больше, чем у разрекламированного Фонда Цоя?

Пусть книга невзрачна на вид, пусть в нее вошло лишь около 80 песен, а в послесловии есть некоторые неточности — важно другое:

факт ее появления именно сейчас, когда все громогласные обещания, заверения и клятвы после трагической гибели музыканта как-то незаметно ушли в песок.

Где пластинки с песнями группы «Кино»? Где музыка Цоя? Где сборники его стихов, рассказов, где книги о нем? Или, отчаявшись заработать на нем миллионы, «бизнесмены» решили про него забыть? В таких обстоятельствах сборник, выпущенный в Орле, становится вдвойне, втрое ценнее для всех настоящих поклонников творчества Цоя. Первый сборник — это очень хорошо. Главное, чтобы он не стал последним.

А.Г.

БЕЛЬЕ ЧЕРНОЕ, БЕЛЬЕ БЕЛОЕ...

«Жажда страсти»
Центр «Арт-хэппенинг»,
реж. А.Харитонов

Известная шутка застойных времен гласила: фильм ужасов по-советски — это любой фильм из жизни рабочего класса. Не то в эпоху перестройки. Теперь у нас все как у людей. В самом деле: главная героиня «Жажды страсти» — аристократка начала века, изысканно-красивая и очень стильная (А.Вертинская); место действия — старинный замок. Это в буквальном смысле, в переносном же — душа героини, в которой борются темное и светлое начала. Первое,

материализуясь, являет собой ту же Вертинскую, только томимую страстями и в черном белье. Второе — опять-таки Вертинскую, но теперь уже непорочную и соответственно в белом белье. И вот эти Одетта и Одиллия воюют и воюют друг с другом и с мужем героини, а потом, поняв, наконец, чего им хочется на самом деле, мужа убивают и сливаются в лесбийских объятиях. На зверское убийство внимания почти не обращаешь — отвлекают красивые Вертинская и белье. Но это не страшно — дальше ужасов еще навалом: убивают в среднем каждые пять минут, а в промежутках вообще бог знает что происходит. В общем, к 5—6-му покойнику уже вполне обываешься и можешь даже спокойно подумать над каким-нибудь отвлеченным вопросом: например, всегда ли фильм ужасов — это ужасный фильм или все-таки бывают исключения?

Татьяна САВИЦКАЯ

...И «ДЕВОЧКА НА ШАРЕ»

«Лунный Пьеро»
Пластинка фирмы
«Мелодия»

Дебютный диск этой московской группы — произведение не для тех, кто ищет в роке воинствующее обличение социальных язв. Красивые композиции, рисующие призрачные картины, больше придутся по душе эстетам, у которых наверняка вызовут множество ассоциаций в сфере высоких материй. В частности — с голубым циклом П.Пикассо. И художник, и музыканты играют полутонами красок и настроений. В «Лунном Пьеро» не надо ничего искать, его надо просто слушать, ибо это — Музыка.

Юлия ГАСИЛОВА

P.S.: ВИДЕО

Ведет Андрей
ГАВРИЛОВ

ЗАКОН НЕ ПИСАН

«Над законом-2. Ярость блондинки»

Гонконг, реж. Ман Хой

Белокурая Синтия Ротрок, ведущая кунгфуистка США, считает, что этот фильм — лучший из тех, что она сняла для компании «Голден Харвест», известной нам боевиками с Джеки Чаном и другими звездами рукопашного боя. Если Синтия Ротрок сказала правду, то самым страшным наказанием для любого нормального человека должен стать просмотр любой другой ее картины. Потому что даже эту ленту не-любителям кунг-фу смотреть просто противопоказано, а любителям — скучно, ибо собственно поединков (по-нашему, драк) в ней раз-два и обчелся. «Ярость блондинки» не соблюдает даже законов своего жанра.

ТО, ЧЕГО У НАС НЕТ

«Исследователи»
США, реж. Дж. Данте

Джо Данте знаменит как постановщик «Гремлинов», «Внутреннего пространства» и других популярнейших лент. Теперь до нас не спеша добрались и «Исследователи». Им на это потребовалось шесть лет. Но картина за эти годы не постарела — как она радовала американских подростков в середине восьмидесятых, так, наверное, будет радовать и наших в начале девяностых. Добрая, забавная история про ребят, вступивших в контакт с пришельцами. Та самая подростковая фантастика, о необходимости которой так долго говорили наши кинематографисты.

Дневник И.

Сергей МЕЛЬНИК

«ПАЛЬЧИКИ В СУПЕ»

Слухи о голоде не всегда были сильно преувеличены

Миром правит любовь. Нами пока — голод, точнее, страх перед ним. Основные «торжества», как считают многие эксперты, придутся на предстоящую зиму. Есть все основания отметить круглую дату — семидесятилетие голода 1921—1922 гг. Повод стоящий...

Несколько поколений русских эмигрантов сокрушались, с какой легкостью примирились на Западе с гибелью России, отданной на растерзание большевикам, упрекали Европу в намеренном поддержании слабости страны. Правда, в разгар голода 1921—1922 гг. они же признали правомерность требования государств, ввозящих хлеб в Россию, чтобы хлеб этот не достался агрессивной армии, представляющей угрозу всему миру. Но сострадание к гибнущему от голода народу пересиливало все другие соображения, политические споры, саму ненависть к «сатанинскому режиму». «Люди... не могут служить предметом политических расчетов и учетов и глубокомысленных тактических соображений. Им нужно помочь во что бы то ни стало». (Петр Струве, в сб. «Голод», София, 1921.)

Вопроса «помогать или не помогать» не стояло. Вся проблема была в другом: как ухитриться помочь стране, экономическая жизнь которой разрушена до основания, в которой при деспотии большевиков фактически отсутствует механизм и аппарат государственной власти, а убитое многолетними издевательствами общественное мнение с предубеждением относится как к иностранцам, так и к советской власти, и народ уверен, что спасительный хлеб ему все равно не достанется?

«И даже в этом идеальном случае, — отмечают авторы сборника «Голод», — когда пролетарскому интернационалу ненависти и разрушения был бы противопоставлен всечеловеческий интернационал любви и творчества, мы не убеждены, что

население России будет спасено от голода и смерти...»

С развитием частной собственности, всемирной торговли и путей сообщения с середины прошлого века Западная Европа перестала опасаться голода. Она извлекла уроки: история голода есть история человечества. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (1893 г., т.9) читаем: «Спутниками голода были болезни, мор, грабежи, убийства и самоубийства... Особенно распространено было употребление суррогатов в злосчастный 1601—02 г., когда ели... такую мерзость, что, как говорит летописец, писать недостойно; в Москве человеческое мясо продавалось на рынках в пирогах».

Со времен Бориса Годунова россияне неоднократно голодали, но до кошмаров не доходило. Последний крупный голод случился ровно сто лет назад, в 1891—1892 гг. Однако он не идет ни в какое сравнение с тем бедствием, которое обрушилось на Россию тридцать лет спустя и ознаменовало собой первые итоги геноцида большевиков против собственного народа.

В первом издании «Большой советской энциклопедии» (1930 г., т.17) под редакцией Бухарина, Куйбышева и т.п. мы еще можем что-то прочесть о голоде 1921—1922 гг. Голод признается «небывалым даже в летописях русских голодовок», приводится кое-какой цифровой материал: охвачено 35 губерний с населением 90 миллионов, погибло около 5 миллионов человек, опустошено до 10—20 процентов дворов и хозяйств, армия беспризорных детей дошла почти до 7 миллионов. Впрочем, авторы так объяснили причину катастрофы: «Этот голод явился тягчайшим «посмертным даром» свергнутого царизма».

Нет ничего удивительного в том, что в отличие от других абзацев (о дореволюционных голодовках, нап-

имер), перекочевывающих из издания в издание, этот со временем претерпел серьезные изменения. Третье издание БСЭ обмолвилось об этом событии одним предложением: «Катастрофическая засуха 1921 благодаря эффективному мерам Советского государства не повлекла обычных тяжелых последствий». (1972 г., т.7)

Но это — к вопросу о ценности «энциклопедических» знаний. У нас и сегодня голод 1921—1922 гг. известен как «голод в Поволжье», хотя опустошил он и Украину, и Кубань, и Крым, Грузию и Азербайджан. О голоде начала 30-х и вовсе не писали в энциклопедиях — его «не было, потому что не могло быть вовсе в первой в мире стране...». А 6—7 миллионов жизней, которые, по данным Р.Медведева, обнаруженным несколько лет назад, унес голод на Украине 1932—1933 гг., — лишь маленький, незначительный эпизод в истории строительства социализма. Что он значил, если речь шла о десятках миллионов потенциальных смертников?

Но тогда, в начале 20-х, по горячим следам, в прессе и различных изданиях еще могли пройти свидетельства охватившего страну средневекового кошмара. Голод, по признанию современников, носил характер даже не эпидемии, но — «голодной пандемии», накрывшей страну. Но «... этот «беспощадный царь» явился не неожиданно, — читаем в сборнике «О голоде» (Харьков, 1922). — Все экономические и бытовые условия влекли к этому уже разоренную страну». Какие условия — цензурные рамки не позволяли конкретизировать.

Зато Петр Струве довел мысль до конца («Голод», София, 1921): «Действительная помощь голодающему сельскому населению почти неосуществима в средневековых экономических условиях, искусственно созданных большевист-

ским режимом...» Ликвидация крупных частных хозяйств и насаждение военно-коммунистических совхозов, ликвидация трудовых фермерских хозяйств и насильное возвращение фермеров в общину, развязывание гражданской войны во всех без исключения деревнях, политика продразверстки, не щадящая практически ни одного хозяина, запрещение торговли плодами крестьянского труда привели деревню к разорению. «Сельский хозяин отлично понял существование нового «правопорядка» и стал создавать потребный ему минимум продуктов. В результате... исключалась возможность накопления продовольственных запасов», а надеяться, кроме себя, крестьянину было не на кого. Обоснованный страх репрессий переселил даже исконную крестьянскую сметку. На послабление же рассчитывать не приходилось: бунты карались большевиками беспощадно.

Сельчане оказались совершенно беззащитны перед неурожаем. Он только довершил то, что не успели сделать большевики.

Летом 1921 года тревожные известия появились и в советской прессе. Сообщалось, что в Поволжье разразилась эпидемия холеры, «голодающее население Поволжья лавиной двинулось на юг, сея по пути заразу и смерть... Едят кору (леса липовые объедены), кислый щавель, сусликов, черепах» («Известия», 5.07.1921). Что «борьба с сусликами идет усиленно, но суслики совершенно не сдаются в склады райпродкомов, так как мясо и шкура поедаются крестьянами» («Известия», 23.07.1921). Центральная комиссия помощи голодающим констатирует: «Свирепствует холера. В одной Самаре ежедневно 400 заболелых... Ежедневно количество призываемых детей, бросаемых родителями, увеличивается на 60—70 человек...» А Луначарский добавляет: «В Самаре есть такой городок, куда в конце концов посылают всех найденных детей. Нельзя же оставлять их умирать на улице». Смертность в этом городке отчаянно велика... Говорят, есть случаи, когда мордовское население детей своих попросту топил в Волге...»

Но это было только начало. К 1922 году бежать уже было некуда: голод, болезни и мор свирепствовали повсеместно. Свидетельства с голодающей Украины («О голоде», Харьков, 1922) вошли в сборник, ко-

торый сохранился в открытых фондах библиотек. Из «бесстрастных» (и беспристрастных, насколько это возможно) описаний видно, в какой ад брошена страна. «В детских больничках отечные, раздутые голодом, лежат... молчаливые, восковые, старые, старые дети... Более сильные, старшие, в городах — все преступники. За хлеб, за хлеб — все могут, все сделают: обманут, украдут, зарежут сверстника... пяти, восьми, двенадцатилетние преступники... Дети в приемниках содержатся преступно... в комнате с кубатурой 10 x 8 свалены на полу 150 детей, где кишат насекомые... Среди них дети с... цветущим туберкулезом... Трупы горами сваливаются на кладбищах или же выбрасываются в братские могилы (по 250 человек) и из экономии рабочих рук не зарываются, поэтому свободно расстаканываются голодными псами». Известно, что «...нет уже суррогатов из растений и отбросов... съедены кожи, хомуты, сапоги и даже едят столы».

Полное бессилие и безысходность. Смертность в казенных домах много превышает смертность беспризорников на улицах. Смертность от голодных болезней во много раз превышает смертность от различных. Половина голодающей Украины обречена на вымирание, поскольку помощь новой власти ничтожна, а от иностранцев голод долго скрывали.

Оказавшийся в эмиграции лидер правых эсеров Виктор Чернов потрясен («Че-Ка: Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий», Берлин, 1922):

«Два года назад «пальчики в супе» были истерическим вымыслом левоверной молвы. А теперь? А теперь... «Человеческие трупы уже пошли в пищу... Родственники умерших от голода вынуждены ставить на первое время караулы около могил...» Умершего ребенка «разрывают на куски и... кладут в котел». Так говорит этот сподвижник известного Крыленко (Антонов-Овсеенко. — *С.М.*) в официальном докладе на съезде советов...»

А Питирим Сорокин («Современное состояние России», Прага, 1922) безуспешно борется с собой, разрываясь между желанием высказать все, что накопилось, — и необходимостью анализировать без эмоций, по-бухгалтерски:

«Русский народ накормили... свинцовой пулей, корой, травами, глиной, жмыхами, дурандой и, в ка-

честве десерта... мясом своих детей». «И будешь ты есть плод чрева твоего, плоть сынов твоих и дочерей твоих», — сказано в Библии... Свершилось поистине великое таинство».

Конечно же, далеко не всем посчастливилось заниматься анализом происходящих в России событий за рубежом. Для кого-то здесь, в вымирающей от голода стране, наступил «звездный час»: великий социальный эксперимент дал массу материала для научных исследований. Иногда приходилось даже сожалеть, что сострадание к несчастным может нарушить чистоту эксперимента. Отголоски таких сомнений встречаем у профессора Д.Б. Франка в работе «Голод и психика» (1922). Впрочем, он не испытывал недостатка в подопытных: их было более чем достаточно для статистики, и я не согрешу против истины, если отмечу — вклад этого самоотверженного ученого в мировую науку неоценим. Описывая состояние голодающих (отмечено 3 стадии: возбуждения, угнетения и терминальная — смертельная), доктор Франк рисует социально-психологический портрет голодающего: «Понимание быстрое и живое. Память не представляет изменений... Обнаруживается склонность к грезам наяву». А чуть погодя: «В голове пустота... Мимика отсутствует, лицо принимает окаменевшее, несколько грустное и пугливое выражение... Исчезает брезгливость, в пищу употребляются тошнотворные вещи, не вызывая отвращения... Исчезает связь между близкими и родными...»

Не правда ли, портрет знаком до боли?

Интересны и такие выводы:

«Голодающие склонны к оптимизму... до последней минуты жизни, даже после многомесячного голодания и при отсутствии всякой надежды на спасение, сохраняют уверенность, что помощь близка».

Или:

«Вообще, изменения психики от голодания обнаруживают тенденцию стать длительными...»

Отмечая, что изменение психики при голодании представляет интерес отнюдь не только для психиатра, профессор явно выходит за рамки своей компетенции, говоря о «таком сильном состоянии нравственного и соответственно ему интеллектуального одичания» народа, «за которое один голод не может быть ответственным». Хотя до обобщений

Франк не поднялся. Указывая на характер преступлений доведенных до отчаяния людей (их немотивированность, жестокость и бесцельность) и приводя собственные данные по росту преступности в голодных краях (до 700 процентов против прежнего), он пытается сделать это в более поздних работах. И довольные неуклюже, видимо, уступая цензуре:

«Заря новой, лучшей жизни, предвещанная революцией, им не была видна... Для масс существовали только свои эгоцентрические тенденции».

К сожалению, ни в работах Д.Франка, ни в трудах его коллег я не встретил совершенно очевидного вывода, вошедшего в дореволюционные словари. В энциклопедическом словаре Гранат (1909 г., т. 15), со ссылками на авторитетных ученых, читаем: «Голод... является еще существенным фактом вырождения, пагубно отражаясь на потомстве». Хотим мы этого или нет, но вряд ли являемся исключением из общего правила. И этот «посмертный дар» большевизма куда страшнее царского.

Чудовищный голод 1921—1922 г., судя по всему, окончательно подорвал силы, способные уничтожить преступный режим изнутри. Эмигранты долго, не одно десятилетие, тешили себя надеждой, что затравленная, доведенная большевиками до скотского состояния Россия отторгнет его сама. Однако объективно для большевиков голод стал оружием массового поражения страшной разрушительной силы, стратегическим средством, обеспечившим в конечном счете «победу» и такую долгую оккупацию.

Натуральное хозяйство, о котором мечтал Ленин, было доведено до абсурда, точнее, до логического завершения, в системе ГУЛАГа. Я не говорю о самих лагерях, где доходяги на помойках никого не удивляли, а общение с людоедами, по воспоминаниям В.Шаламова («Колымские рассказы», Лондон, 1987), даже «не претило... не возмущало»: «голодные, затравленные получеловеки, полузвери» привыкли ко всему, а о голодовках как форме протеста уже давно и не помышляли. Я говорю о тех, кто, по счастливой случайности, оказался по другую сторону колючей проволоки. Страна жила впроголодь, и каждый выкручивался как мог. Об одном из «доходных промыслов по всей территории Союза»

я узнал из «Справочника по ГУЛАГу» Жака Росси (Лондон, 1987). Речь идет об институте «ловцов людей», одним из «посмертных даров» царской охраны, принятом большевиками с благодарностью.

«В связи с организацией в начале 20-х первых крупных советских лагерей в Северной России, — пишет Росси, — ГПУ стало вербовать «ловцов людей» прежде всего среди населения Карелии, через которую ведет путь в Финляндию... За каждую сданную голову (беглеца из концлагеря. — С.М.) чекисты платили деньги (около полумесячного заработка рабочего) и товары: 2 пуда муки, 4 фунта сахара и т.д.» Позже, когда лагерями покрылась вся страна, спрос на таких охотников возрос повсеместно. Судя по всему, и им не приходилось жалеть. Помимо сахара и муки им перепало белье, охотничьи принадлежности, прочие дефициты. В конечном итоге бизнес был поставлен на конвейер. «Т.к. поймать беглеца, а потом вести его по тундре трудно и опасно, его пристреливают, отрывают голову и прячут от зверя. Когда соберется достаточно, мешок с «головками» (термин прижился. — С.М.) погружают на санки или в лодку и отвозят «заказчику»... «...Бутылка спирта, пайка чая и 50 рублей... надо начальнику принести отрубленную головку. Раньше достаточно было принести правое ухо. Теперь этого уже слишком мало».

Так что зря голодающие волжане бежали «к индейскому царю» (поговорка, бытовавшая в 1921 г.). И в этой стране ценились скальпы.

«Все под комбедом ходим». Это тоже из 20-х. Однако опыт создания фермерских хозяйств в последние годы доказывает, что поговорка не устарела: фермеры встречают жесточайшее сопротивление, и не только властей, но и сельчан. И все это объяснимо.

По воспоминаниям современников (в частности, выходяца из крестьян Т.К.Чугунова — «Деревня на Голгофе», Мюнхен, 1968), «столыпинские хутора были наглядным воплощением мечты крестьянина» до революции. Ликвидировав их, большевики уравнили всех перед угрозой голода. «Деревенская пролетария» могла утешиться равенством в нищете. «...В действии рук Вашим скорого и счастливого успеха...» — именно такие письма «Народному Российскому Учителю и Руководителю Много обожаем. пролетарей тов.

ЛЕНИНУ и проч.» («Власть Советов», 1918, № 29) позволяли руководству большевиков «сверять курс» с массами. Ибо другие они не читали тогда, а эти не дочитывали до конца.

«Успех» был достигнут: голод опустошил страну. Большевики пошли на «уступку» — нэп, «вызвавшую к жизни все прежние заманчивые соблазны для слабохарактерных» («Рабоче-крестьянская милиция», 1922, № 1).

Выдающийся социолог Питирим Сорокин, анализируя процессы в деревне начала нэпа, отмечает («Современное состояние России», Прага, 1922):

«До коммунизма у нас в деревне не было настоящей мелкой буржуазии, у крестьян — глубокого чувства и положительной оценки частной собственности. Теперь то и другое налицо... По всем областям России идет стихийное выделение крестьян на отруба и на хутора. Власть бессильна сопротивляться этому, и земельный закон 22 мая 1922 г., представляющий разновидность закона П.А. Столыпина, санкционировал это...»

Откормив страну, точнее, позволив ей откормиться, крестьянина снова загнали в стойло. Горько создавать, что и сегодня далеко не каждый решится совершить побег из неволи, а тем более — позволить это другим.

«Революция — сама и жизнь, и смерть, и терпеть не может, когда при ней судачат о жизни и смерти. У нее пересохшее от жажды горло, но она не примет ни одной капли влаги из чужих рук...»

Эти строчки Осипа Мандельштама из сборника «Шум времени» часто цитируются. Родившийся в голодном 1891-м, переживший голод 1921—1922-го, свидетель голода 1932—1933-го, он умер в нашем концлагере, отказавшись от пищи из опасения быть отравленным. Почему-то именно эта версия кажется тем, кто его любил, наиболее близкой к истине.

Но — какая горькая ирония: в итоге — расплата за «соблазн уверовать в нашу официальную идеологию, принять все ужасы, каким она служила ширмой» (воспоминания Б.Кузина). Расплата за попытку примирить и трижды благословить несовместимые вещи: «экономистику с ее пафосом всемирной домашности» и «кремниевый топор классовой борьбы» («Пшеница человеческая», Берлин, «Накануне», 1922).

Священник Михаил АРДОВ

СВЕЖО ПРЕДАНИЕ...

Из книги

«Мелочи архи... прото... и просто иерейской жизни»

... для нас, духовных, нет защитников.

Н.Лесков. «Соборяне»

Не без робости вступаю я на стезю, когда-то проторенную великим Лесковым, ибо не ощущаю в себе и малой толики того необычайного дарования, которым Бог наделил моего предшественника. Однако же, вполне сознавая свое недостоинство, я вижу и два существенных преимущества мои перед Лесковым.

Первое — наличие священного сана, ведь его «картинки с натуры» — свидетельства стороннего наблюдателя, а мне довелось многое постигнуть на собственном опыте. Второе мое преимущество состоит в том, что двадцатый век явил нам такие «картинки», какие в веке девятнадцатом никому и в самом страшном сне не могли бы присниться.

Я испытываю глубокую признательность многочисленным моим друзьям — и клирикам, и мирянам, без их помощи и поддержки я бы не смог завершить этот труд. Но — увы! — донеслись уже и голоса осуждения, меня обвиняют в поношении Церкви и священства. Впрочем, тут меня утешает и отчасти оправдывает то обстоятельство, что и сам Лесков отнюдь не избежал нападков со стороны лиц, «не распознающих благочестия от святошества». Ханжество старо как мир, и я, например, убежден, что еще в четвертом веке были люди, которые точно так же осуждали Святителя Иоанна Златоуста, ибо он, перечисляя пороки современных ему клириков, говорил о «гневе, зависти, вражде, клевете, обмане, лицемерии, кознях, желании похвал, пристрастии к почестям, низком человекоугодии» и пр. и пр. (смотри «Слово третье о священстве»).

Но — благодарение Богу! — у Православной Церкви всегда было и есть предостаточно истинных чад, которые, с одной сторо-

ны, умеют прощать человеческие слабости, а с другой — вслед за Апостолом Павлом и Святым Симеоном Метафрастом твердо верят, что «идеже умножится грех, преизобилует благодать» и что она, «божественная благодать, всегда немощная врачует и оскудевающая восполняет».

В ответ своим критикам я дерзаю повторить слова из письма Н.С.Лескова к И.С.Аксакову: «Я никогда не осмеивал сана духовного, но я рисовал его носителей

здро и реально, и в этом не числю за собою вины...»

За сим отдаю на суд читателя свои «Мелочи архи... прото... и просто иерейской жизни» — прямое продолжение или, лучше сказать, подражание моим любимым «Мелочам архиерейской жизни».

Свято-Троицкой церкви
села Низкого
смиранный настоятель
священник Михаил Ардов
2 ноября 1990 г.

Фото В.Шишова

Историкам Церкви принадлежит занятное наблюдение. Еще в античные времена, на заре Христианства наиболее жестокие и безнравственные кесари, такие, как Коммод, были довольно терпимы к Церкви. И наоборот, наиболее блистательные и прославленные современниками, как, например, Траян или Марк Аврелий, были беспощадными гонителями христиан.]

Психологически это легко объяснимо. Властолюбцу и эгоисту совершенно все равно, какому Богу или какому идолу поклоняется чернь, если она исправно платит подати. Тот же, кто мнит себя благодетелем подданных, а то и всего человечества, требует поклонения самому себе или своей «идее фикс» и, не находя его в христианах, пытается всеми средствами отвратить их от веры в «Галилеянина».

Когда хрущевское гонение стало разворачиваться во всю силу, московские клирики придумали себе некую игру, в которой находили своеобразное утешение. Если в поминальной записке встречался «новопреставленный Никита» (т.е. недавно умерший), тот из священнослужителей, который читал эту записку, возвышал голос и громко, раздельно, на весь храм произносил:

— Но-во-пре-став-лен-но-го Ни-ки-ты!..

На это другой клирик столь же громко откликнулся:

— Что? Уже?

При Хрущеве, а впоследствии — и при Брежневе, в масштабах каждой епархии гигантской фигурой был уполномоченный Совета по делам религий. От его характера и настроений часто зависела чуть ли не вся епархиальная жизнь. При сравнительно слабом архиерее уполномоченный мог едва ли не полностью управлять делами епархии.

Мой первый благочинный настоятель Вознесенского храма в городке Данилово о. В.С. любил повторять такую незамысловатую шутку:

— Упал намоченный...

Надо сказать, что на моих глазах в Ярославской епархии примерно это и случилось. Очередной уполномоченный был пойман на взятке, лишился должности и был исключен из партии.

Покойный Митрополит Иосиф (Чернов) на вопрос, каков у него уполномоченный, отвечал обыкновенно так:

— Уполномоченный у меня хороший... очень хороший... ста-арый чекист...

Как ни странно, в этом отзыве наряду с иронией (а Владыка Иосиф едва ли не двадцать лет провел в заключении) есть и доля истины. Архиепископ Киприан (Зернов), несколько лет занимавший должность управляющего делами Московской Патриархии, много раз мне говорил, что в Совете по делам религий лучше иметь дело с теми, кто пришел туда «из органов», а не с теми, кто ранее был партийным функционером или, еще того пуще, работником «идеологического фронта». Партийцы испытывали к христианству «идейную непримиримость», а чекисты смотрели на вещи реалистично, да и осведомлены были о жизни Церкви гораздо основательнее.

В справедливости суждения Владыки Киприана мне пришлось убедиться на собственном опыте. В 1980 году, когда я в Ярославле принял священный сан, тамошним уполномоченным был А.Ф.З. — отставной майор КГБ. Поначалу он ко мне отнесся настороженно, однако, убедившись в том, что я веду себя разумно, стал вполне доброжелательным, помогал советами и даже вступал в доверительные разговоры.

Архиепископ Киприан, который благословил меня на принятие сана и много этому содействовал, однажды мне сказал:

— Вообще-то за уполномоченных Богу не молятся. Но ты за своего должен молиться — если бы не он, не быть бы тебе в полах.

Как-то такое я был на приеме у А.Ф.З. Секретарша его при этом отсутствовала (а была она пренеприятная особа)... И я в разговоре дословно передал уполномоченному реплику своего Владыки.

Он улыбнулся и сказал:

— Между прочим, это — точно.

— Так что же мне — молиться? — спросил я.

На этот вопрос прямого ответа не последовало.

И еще несколько слов о «Совете по делам».

В свое время мой добрый знакомый Е. наблюдал интересную закономерность. Первым председателем этого Совета был человек по фамилии Карпов. В его время в магазинах еще было достаточно продовольствия, встречались, в частности, и карпы. Затем карпы из продажи исчезли. Тотчас Карпова сняли и назначили на это место Куроедова. По прошествии времени куры так же исчезли из магазинов. Тогда сняли и Куроедова. А поскольку еще кое-какая еда в продаже оставалась, назначили Харчева. И вот уже недавно снимают Харчева — в магазинах совсем беда...

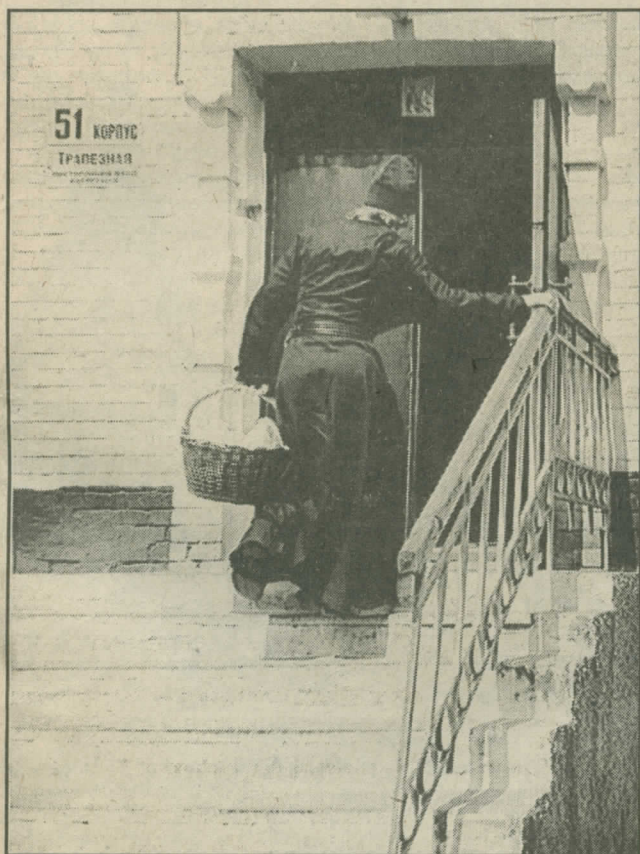
Е. терялся в догадках: кто будет следующий председатель? Нитратов? А может, Нитритов?..

Однако действительность зачастую превосходит всякий вымысел: новым председателем Совета по делам религий стал Христораднов!

Сущей напастью на всю Церковь и на каждый приход было принудительное отчисление денег в так называемый «Фонд мира».

По словам Святейшего Патриарха Алексия II, в некоторых епархиях в этот фонд уходило до 80% дохода церквей.

Делалось это весьма цинично. Старосте заявляли в райисполкоме:

— Если не переведете в Фонд мира такую-то сумму, мы вам никаких ремонтов не разрешим.

В этом же духе действовали и уполномоченные.

Мне рассказывали о таком случае на Украине. Уполномоченный заставлял старосту сельского прихода, упрямую старуху, отдать деньги в Фонд мира. Она ему возражала, дескать, храм бедный, крыша течет, забор валится — деньги нужны на ремонт. Уполномоченный в ответ говорил о важности и необходимости «борьбы за мир».

— Ты что же хочешь, чтобы у нас война началась? Чтобы здесь опять Махно был?

— А ты того Махна бачил? — вдруг строго сказала старуха. — А я его як тоби бачила! И не поминай мне Махна...

На этом разговор окончился сам собою.

По прямому распоряжению властей печально известный архиерейский собор 1961 года запретил священнослужителям возглавлять приходы и перевел их на положение «наемников». Вот тогда-то на первый план выдвинулась фигура старосты — «председателя исполнительного органа». Особенно явно это положение проявлялось в больших городских приходах. В Москве, например, весьма многие из старост вполне уподоблялись Иуде — вору и осведомителю. Я, помнится, знал одного такого, на приходе его так и называли «Иуда». Был он еще и пьяницей, а также отличался тем, что своих сотрудников «шутливо» благословлял кукишем.

Власти совершенно игнорировали принцип выборности — староста назначался в райисполкоме, а членов т.н. «двадцатки», которые по уставу должны его выбирать, лишь уведомляли о том, что у них теперь новый «председатель». Зачастую это были люди вовсе и не церковные.

Мне вспоминается рассказ о таком старосте. Этот человек старался вообще не иметь никакого общения со священнослужителями своего храма, он лишь выдавал им зарплату. Однако же с тамошним диаконом у него образовались близкие отношения. И вот староста решился задать ему вопрос.

— Вот, я вижу, по праздникам вы что-то такое кладете посреди храма, а потом это все верующие целуют... Что же это там такое лежит?

(По праздникам верующие целуют Евангелие.)

Диакон совершенно серьезно ответил ему:

— Это — наш финансовый отчет.

Староста очень удивился — но поверил.

В городе Тутаеве Ярославской епархии в Воскресенском соборе власти устроили в восьмидесятых годах целую чехарду старост, преимущественно мужчин. Один из них, помнится, занял этот пост в то самое время, когда пребывал «на химии», т.е. лишь условно был выпущен из тюрьмы... А другой был заядлый охотник. Когда он узнал, что в Алтарь храма каким-то образом залетели голуби, то явился туда с ружьем...

Среди хрущевских мер удушения Церкви не последнее место занимало введение грабительских налогов — до пятидесяти и более процентов — с дохода священнослужителей. Известный своею прямою «наш Никита Сергеевич» сформулировал свою новую политику по отношению к религии с предельной откровенностью:

— Попов надо брать не за глотку, а за брюхо.

Введение новых налогов сопровождалось скандальными, а то и курьезными случаями.

Некоему сельскому батюшке предложили уплатить весьма значительную сумму. Шли недели, месяцы, а он ничего не вносил и в финотдел не являлся, несмотря на многочисленные вызовы. Наконец он прибыл туда с большим мешком и с порога осведомился, где сидит заведующий. Зайдя к начальнику в кабинет, батюшка, не говоря ни слова, высыпал на письменный стол содержимое своего мешка — яйца, мясо, картошку, лук и прочую снесь.

— Это что же такое? — сказал изумленный заведующий.

— Как что? Налог.

— Позвольте... Но налог уплачивают деньгами...

— А мне в церковь денег не носят, — сказал батюшка.

— Весь мой доход — продукты... Так что получайте...

Помнится, налог с этого чудака сняли.

В середине шестидесятых годов протоиерей Борис Старк встретился в здании ярославского епархиального управления с фининспектором.

— Борис Георгиевич, — сказал тот, — как же вы должны нас ненавидеть! Ведь столько денег проходит через ваши руки — и почти все в наш карман.

Отец Борис отвечал ему так:

— Позвольте, я расскажу вам небольшую притчу. Некий старец жил в пещере на Святой Афонской горе. Однажды к нему пришел ученик и сказал: «Авва, у тебя тут пыль, грязь, паутина... Да к тому же пауки и клопы. Благослови, я возьму веник и все это вымету». Старец отвечал ему так: «Оставь их, чадо. Эти насекомые необходимы для меня, они отсасывают дурную кровь...» Вот так и вы со своими налогами. Если бы этого не было, в Церковь устремились бы корыстные люди, а так все знают о налогах и притеснениях, и к нам идут только те, кто действительно хочет послужить Богу и Церкви.

И тут мне вспоминаются замечательные слова покойного епископа Николая (Чуфаровского), который говорил:

— Нам не страшна антирелигиозная пропаганда и даже преследования. Это — горячий утюг, который выжигает вшей из ризы Христовой.

Патриарх Алексей скончался 17 апреля 1970 года, в ночь под Лазареву Субботу. Я хорошо запомнил рассказ о том, как прошли его последние минуты. Святейший укладывался спать и уже сидел на своей кровати. Перед ним стоял его секретарь Д.А.Остапов. Вдруг Патриарх снял с себя образок, который всегда носил на теле. (Эту иконку Д.А. когда-то привез ему в ссылку.) Снял

образок, он протянул его Остапову и сказал:

— Возьми...

— Как? — удивился тот. — Зачем?

— Он мне больше уже не нужен, — проговорил Патриарх. — Вот идут архимандриты меня встречать...

И тут он стал называть имена уже покойных священнослужителей.

Его уложили и тут же вызвали скорую помощь.

Все это происходило в Переделкине, и машина из «кремлевской» кунцевской больницы примчалась через 11 минут... Однако врачам тут уже было делать нечего.

В хрущевско-брежневский период весьма усилился процесс политизации Церкви, а вернее сказать, нашей иерархии... Вообще же со времен декларации Митрополита Сергия положение Церкви в большой мере стало напоминать состояние птички из известного стихотворения старинного русского поэта Г.Р.Державина:

Поймали птичку голосисту

И ну сжимать ее рукой.

Пищит бедняжка вместо свисту,

А ей твердят: «Пой, птичка, пой!»

Петь, вернее, пищать, полагалось главным образом на зарубежную аудиторию — на международных конферен-

циях, конгрессах, во Всемирном совете церквей... (Е. в те годы избрал специальный термин — «конгресс миродержцелюбивых сил.)

Репертуар был довольно однообразный — восхвалялись отечественные порядки и осуждался «империализм». В шестидесятых годах и вплоть до смерти президента Гамала Насера иерархи наши с особым сочувствием сочувствовали арабам и осуждали Израиль.

Е. говорил:

— Если это будет продолжаться, скоро начнутся исправления в богослужебных книгах. Вместо «Воду прошед яко сушу и египетского зла избежав, израильтянин вопияше...» мы будем петь: «израильского зла избежав, египтянин вопияше...»

Затем наступило время сострадать вьетнамцам.

Даже в патриарших посланиях на День Святой Пасхи по крайней мере два абзаца были посвящены осуждению «американских агрессоров». (Е. называл такие послания «Аще кто вьетнамолюбив...» Это была косвенная ссылка на знаменитейшее пасхальное слово Святителя Иоанна Златоуста, оно начинается словами — «Аще кто боголюбив...»)

Затем мы громогласно сочувствовали чилийцам (жертвам генерала Пиночета), католическому меньшинству в Северной Ирландии, чернокожим в ЮАР и т.д. и т.п.

В конце концов Е. предложил произвести переименования: Патриарха впредь официально называть «Архипатриот», а Синод — «Митрополитотдел».

В начале 1978 года весьма позабавила нас одна публикация Журнала Московской Патриархии. Там описывается визит Святейшего Патриарха Пимена в Стамбул и его встреча с Константинопольским Патриархом Димитрием 14 октября 1977 года.

Наш Первосвятитель, в частности, сказал:

— Русская Православная Церковь осуществляет свое служение в благоприятных условиях справедливого общества, построенного советским народом за истекшие 60 лет. Знаменательно, что в этом юбилейном для нашего отечества году была принята новая Конституция СССР, в которой с еще большей силой и наглядностью подтверждаются великие демократические принципы, гарантирующие свободу совести всех наших граждан.

Патриарх Димитрий отвечал в таком роде:

— С особым удовольствием мы узнали из Ваших слов, что новая Конституция Вашей великой страны предоставляет большую свободу совести и религии, что поволит Святейшей Русской Православной Церкви совершать больше благодеяний, конструктивных и миротворческих дел внутри и вне России. И мы со своей стороны хотим сообщить Вашему Блаженству, что Конституция нашей страны предусматривает свободу совести и религии. И мы, как Вселенская Патриархия, пребываем под покровительством Конституции и демократических законов Турецкой державы.

Вспоминается курьезный, а лучше сказать, прямо скандальный случай, связанный с работой иностранного отдела Патриархии. В Москву прибыла группа архиепископов Кипрской Православной Церкви. И вот кто-то решил отправить их на балетный спектакль в Большой те-

атр. Это, как известно, нравится решительно всем иностранцам, посещающим Москву. Однако, отправляя епископов в театр, никто не удосужился даже заглянуть в афишу, полюбопытствовать, какой именно спектакль идет в Большом в тот вечер. А шел, надо сказать, балет по сказке Пушкина «О попе и его работнике Балде». Кончилось это неприятностью, ибо, увидев на сцене пляшущего «попа» с крестом на шее и множество «чертей», кипрские архиереи сочли это преднамеренной провокацией и демонстративно покинули театр.

Несколько лет тому назад новоназначенный настоятель одного из храмов Москвы рассказал мне о том, как его впервые пригласили на прием, который устроила Патриархия. Ему позвонил референт Святейшего и сказал, что он должен прибыть в ресторан при гостинице «Россия». Наивный батюшка сказал:

— Вы знаете, я сейчас на очень строгой диете. Можно мне не приходиться?

Референт ответил так:

— Не прийти вы, конечно, можете... Но тогда ваши дети и внуки тоже окажутся на очень строгой диете...

В редакции одного советского журнала возникло недоумение. Им надо было написать письмо епископу, и они не знали, как к нему обратиться. «Ваше Преосвященство» — казалось им неуместным, поскольку люди они были неверующие... Тогда спросили совета у Е. Тот сказал:

— Пишите просто: «Глубокоуважаемый епископ...» Или даже так: «Клубокуважаемый епископ...»

В 1983 году, под самый конец так называемого «периода застоя», произошло весьма примечательное событие — Церкви был передан Данилов монастырь в Москве. Правда, поначалу шла речь о том, чтобы власти вернули нам Донской монастырь, который сохранился гораздо лучше, ибо там располагается музей архитектуры. (А в Даниловом помещалась детская тюрьма, и состояние монастыря было весьма плачевное.) Все это обсуждалось в церковных кругах, и, помнится, ярославский протоиерей отец Борис Старк говорил:

— Данилов монастырь?.. Это — вовсе не так плохо. Спасибо, что они нам вернули не храм Христа Спасителя...

Много лет тому назад в Ярославле произошла такая забавная история. Некий чудаковатый батюшка пошел в день выборов отдать свой голос. Он был в облачении, и при нем был прислужник в стихаре. Прежде чем получить бюллетень, батюшка окропил урну и все вокруг святой водой.

Члены избирательной комиссии буквально зашлись от гнева:

— Вы нам тут все осквернили!
(Реплика, не оставляющая никаких сомнений в том, что выборы в те времена были отнюдь не формальностью, а носили ритуальный, идолослужебный характер.)

Священника этого немедленно вызвали к уполномо-

ченному, и он навсегда был лишен регистрации. Когда я служил в Ярославской епархии, я его видел — места ему так и не дали, и он кормился тем, что нелегально крестил детей в частных домах.

В Данилове мне в свое время рассказали о таком случае. В ближайшем к городу совхозе была доярка, местная «рекордсменка», награжденная орденом и несколькими медалями. Но при этом женщина она была истово верующая и регулярно посещала храм. А тут, как на грех, у них в совхозе появился новый секретарь партийной организации, у которого усердие было не по разуму. И вот он взялся за перевоспитание этой доярки. Однако же никакие доводы его не помогали — женщина стояла на своем, от веры не отрекалась. И наконец «парткомыч» прибег к такому решительному аргументу:

— Вот подумай: советская власть тебя наградила орденом и медалями, а ты эти награды позоришь — ходишь в церковь.

Доярка молча вышла из кабинета, через несколько минут появилась снова, швырнула все свои награды на письменный стол секретаря и так же молча удалилась...

Секретаря этого, конечно, тут же сняли, а доярку еще долго уговаривали принять награды обратно.

Директор школы в большом украинском селе узнал, что некий житель не только сам посещает храм, но и водит туда своих детей. Он пригласил верующего к себе в кабинет для доверительного разговора.

— Что же это получается? — начал директор. — Все у нас плывут по течению, а вы один — против течения?

— А по течению только мусор плывет, — отвечал христианин.

На том разговор и кончился.

Мой знакомый, протоиерей Василий Б., был призван в армию, еще когда учился в семинарии, будучи в диаконском сане. В числе нескольких сотен прочих призывников его привезли в Таллинн, к месту «прохождения службы». Новобранцы толпились в огромном дворе, как вдруг из репродукторов послышался начальственный голос:

— Рядовому Б. срочно явиться в штаб.

Отец Василий отыскал штаб и обнаружил там несколько офицеров, которые сидели за столом.

— Рядовой Б. по вашему приказанию прибыл.

— Вольно, — сказали ему.

— Так... Ты на каких музыкальных инструментах играешь?

— Да вот, — отвечал он, — брэнчал когда-то на балалайке...

— А ты не врешь? — В армии надо говорить правду.

— Я не вру... Больше я ни на чем не играл...

— Нам все про тебя известно. Вот твои документы, тут написано, что ты окончил два класса духовной семинарии.

— Но ведь это не духовная, а духовная семинария. У нас духовенство готовят.

— Так ты что же — поп?!

— Нет, я — диакон.

— Пошел вон отсюда!

Отношение к священнослужителям, как к людям весьма подозрительным, я почувствовал на собственной шкуре с самых первых шагов на этом поприще. Никогда не забуду свое прибытие к месту служения — дальше село, двадцать шесть километров проселочной дороги от районного центра — Данилова. Был 1980 год, самый конец апреля. По обочинам и в лесу еще кое-где лежал снег. Первых несколько верст мне посчастливилось проехать на попутном тракторе. Далее я месил грязь резиновыми сапогами...

Дорога проходит через большое село — Спас. Там меня заметил мужик, который чинил забор у своего дома. Он внимательно посмотрел на мою фигуру и сказал:

— А ты не в Горинское идешь, сменить отца Ивана?

Я подтвердил это.

Надо сказать, что тоску навевала не только распутица, не радовали и названия селений, через которые приходилось идти, — Стонятино, Скулепово... Да и само Горинское — место, где мне предстояло служить.

После краткого моего диалога с мужиком я едва ли прошел километра полтора — меня нагнал грузовик, в кузове над кабиной возвышалась гренадерская фигура участкового в милицейской форме. Я был решительно остановлен, поднят в тот же кузов и доставлен в Горинский сельсовет. Там долго и внимательно изучали мой паспорт и указ Митрополита Иоанна о назначении на этот приход.

А далее началась некая бюрократическая игра — уполномоченный Совета по делам религий категорически отказывался выдать мне справку о регистрации, пока я не пропишусь в Горинском, а райисполком в Данилове и вторивший ему сельсовет решительно не желали меня прописывать, пока я не предъявлю справку о регистрации... Все это продолжалось недели две, и мне пришлось еще несколько раз преодолевать 26 километров жидкой грязи...

Старостиха Горинской церкви, после того как мы с ней познакомились ближе и она прониклась ко мне доверием, передала отзыв обо мне секретаря Даниловского исполкома. (По общему положению церковными делами занимаются в районных Советах именно секретари.) Так вот даниловский секретарь, фамилия его, помнится, была Орлов, изучив мои бумаги и автобиографию, взглянул на старосту и произнес:

— Советский человек... До чего дошел...

Лет десять назад, когда мы снова, как в юности, оказались соседями и он, случалось, снова заглядывал ко мне, как встарь, то с порога, по обыкновению своему, шутил, напоминая любимый нами обоими итальянский фильм «Полицейские и воры»: «Это твой приятель, переодетый священником»... (был он при этом, разумеется, без рясы).

Шуткой, ставшей неременной, дежурной, он как бы предупреждал возможную нетактичность — невольное, но, тем не менее, огорчившее бы его вторжение в ту область личного, где посторонним может ненароком оказаться и достаточно близкий человек...

Я еще и потому не стану ничего го-

ворить о чувстве юмора, отмечая особенность дарования Михаила Ардова, — значит, прежде всего, говорить о чувстве.

Ему было девятнадцать лет, когда мы познакомились, но и тогда уже литературные вкусы его были сложившимися, определенными. По-моему, стихи к тому моменту он перестал уже писать, жестоко и мужественно убедив себя, что написанное им не приближается к тем образцам поэзии, которые казались ему единственно истинными. Прозу он еще не писал. Но пристрастия и в прозе обещали быть долгосрочными, окончательными. И возможно было предположить: к сколь высоким целям будет он стремиться, ког-

да красавице, так недавно еще жившей среди нас, Нине Антоновне, о замечательно добром Викторе Ефимовиче, которому несправедливо, неблагоприятно и неблагоприятно не везет в повествованиях сегодняшних мемуаристов, о таланте младшего брата Михаила — Бориса, о славе их старшего брата Алексея Баталова и, наконец, об Анне Андреевне Ахматовой, о которой любое (пусть и самое скромное) свидетельство теперь захватывающе интересно.

Вероятно, мне следовало, представляя читателю прозу Михаила Ардова, и о том упомянуть, что в какой-то момент жизни, определяя дальнейшую свою судьбу, он отделился от Ордынки, обособился,

О МОЕМ СТАРОМ ТОВАРИЩЕ

ворить здесь о Михаиле Викторовиче Ардове как о священнослужителе, что слишком уж очевиден сегодня переход-перевертыш от вчерашней кощунственной, на мой взгляд, и пугливой ироничности по отношению к человеку, облеченному саном, к нынешнему излишне акцентированному пиетету, включающему в себя почему-то и необъяснимую фамильярность, и пошловатость, к сожалению, тоже.

Я рискну лишь сопроводить публикацию фрагмента большого повествования Михаила Ардова несколькими словами о нем как о литераторе.

Считаю себя вправе на очень краткий экскурс в прошлое, прежде всего потому, что, познакомившись с ним более тридцати лет назад, никогда не сомневался ни в писательской его одаренности, ни в очевидности призвания его именно к литературной работе.

да окрепнет в нем уверенность взяться за перо.

Пока же — как, впрочем, и в дальнейшем, и по сей день — Михаил Викторович выделялся в любом общении как непревзойденный остроумец, остро слов. За свою жизнь я повидал не так уж мало людей, способных генерировать вокруг себя веселье, но столь обезоруживающей реакции на все смешное, способности обнаружить комическое в любом жизненном факте и это комическое немедленно сформулировать, как у Ардова-младшего (отец Михаила — Виктор Ефимович Ардов был профессиональным юмористом), мне не пришлось встречать ни в ком другом.

Я бы много мог здесь сказать и рассказать, увлекшись, о знаменитой, «легендарной», как выразился Пастернак, Ордынке, об ардовском доме, которому обязан очень многим, как и все, кто бывал в нем, о

жадно впитал в себя опыт иной жизни, опыт людей иного склада. Он обособился, охраняя свой душевный суверенитет, самостоятельность суждений и великое, всегда не иначе как выстраданное право не спешить.

Жить, предписав себе иной, чем у торопящихся, суестьихся, жаждущих в муках тщеславия немедленно успеха и признания, распорядок внутренней жизни.

Да, вот об этом-то, скорее всего, и следовало бы мне сказать поподробнее.

Но я совершенно уверен, что история создания прозы представляемого читателю автора весьма своеобразно самой прозой и хранима. И допускаю, что вторжение сюда — и с лучшими намерениями — вдруг да и покажется автору вторжением постороннего, как в случае, упомянутом мною вначале.

Александр НИЛИН

ВОЗМУТИТЕЛЬНИЦА СПОКОЙСТВИЯ И ГЛУБОКИЙ РЕАЛИСТ ЕЛЕНА ГЛАЗУНОВА

Сразу замечу: к Илье Глазунову Лена никакого отношения не имеет. Она все время повторяет: «Я действительно чувствую себя счастливой. Это, наверное, ужасно» — и смеется. У нее красивые глаза, звонкий голос и маленькие руки. Этими руками она с детства играла на фортепьяно и рисовала — в общем-то, как все дети. «Ничего интересного в моей жизни не было» — это тоже ее излюбленный мотив. Поступила в Строгановское, училась на художника по металлу. «И опять ничего интересного», — добавляет и снова смеется: «У меня ужасное сочетание гороскопов — Рак и Бык. Поэтому я ни в чем не могу остановиться, пока не доведу дело почти до абсурда. Тогда было повальное увлечение чеканкой. Так вот мой поклонник — очень терпеливый — был вынужден часами сидеть молча рядом, потому что я безостановочно чеканила. Однажды, когда я меняла чеканы и на минуту звон прекратился, он сказал: «Уж лучше бы ты вышивала...»

Вышивать она не стала: уныло «отрабатывая распределение» в главке, случайно попала на комбинат монументально-декоративного искусства и навсегда влюбилась в это место с непозитичным названием.

— Подруги кричали, что я сошла с ума. Мужчины говорили, что мне надо давать медаль «За отвагу». Руководители комбината интересовались, готова ли я проститься с красотой и женственностью. Но я все-таки пошла туда работать. Конечно, не представляя, что меня ждет...

Ждали ее неженское дело и интересная работа, постоянное сопротивление заказчиков и успех у них же, настойчивое исполнение собственного замысла и — практически полная авторская анонимность: дизайнер-монументалист ставит подпись только на приемосдаточных актах. Однако, несмотря на страшные предсказания и веские резоны к их исполнению, травматический эффект от занятий монументальным искусством на Лене никак не сказался.

— Какие чувства ты стремишься вызывать своими работами?

— Почти всегда с первого взгляда они

вызывают сильную реакцию — ужас, гнев и ярость. Так и должно быть.

— Леночка, ведь ужас — чувство неприятное...

— Но он порой бывает вызван лишь тем, к чему просто не привыкли. Сегодня привлечь внимание человека — задача почти нереальная. Особенно нашего — уставшего, равнодушного, не поднимающего глаз от асфальта. Поэтому ярость я воспринимаю как комплимент: значит, мою работу заметили. Вот если все говорят: ах, как красиво, то это, скорее всего, плохо. Много уже такого было, вот и нравится всем без разбору.

Успокою, жертв профилактического эпатажа пока не отмечено. Возмущение постепенно сменяется приятием. Просто наш подход к жизненному пространству, будь то улица или интерьер, характерен для людей, почти утративших представление о празднике. А Лена в эту жизнь вносит некую отправную точку радости — точку отсутствия равновесия. Вплотную подойдя к XXI веку, смешно ужасаться тому, что от брошенного в воду камня могут разбежаться не только круги, но и квадраты с треугольниками.

Когда Лена сдавала так называемую вертикальную люстру для здания областной филармонии в Биробиджане, заказчики обещали, что никогда в их замечательном фойе не будет висеть такая алюминиевая дребедень, к тому же еще и вращающаяся. Теперь эта «дребедень» — местная достопримечательность: театральное помещение само по себе стало зрелищем. Ни одна фотография не в состоянии передать феерическое впечатление от светящихся и струящихся под музыку объемов. Назвать этот почти двадцатиметровый мобиль люстрой можно только в технической документации.

Другую подобную работу — в фойе снатория «Марфино» под Москвой — злые языки окрестили «падающими стеклами». Дело даже не в прозвищах, а в том, что каждую из этих вещей владельцы пытаются приспособить к себе. К «падающим стеклам», похожим на вертикальные лучи лазера, повесили веселенькие занавесочки и поставили цветы в горшках, достигающие середины девя-

тиметровой композиции. Увы, непонимание современников может постигнуть даже люстру!

Последняя работа — оформление нового Ледового дворца ЦСКА на Ленинградском проспекте. Огромное здание с тремя высокими арками, в которых запрятан небольшой вход. Задача — обозначить этот вход для зрителя, не загромодив при этом фасад, чтобы было ясно: вот вход, а над ним — произведение искусства.

То, что сделала Лена, еще два года назад в Москве не прошло бы даже на стадии проекта. Страсти кипят до сих пор — москвичи наконец-то заметили, что у нового здания на фасаде имеется нечто тонизирующее. Композиция не так уж замысловата: в трех арках три блестящие объемные формы. Они, конечно, странные и создают некоторую какофонию портала, но с этим можно было бы смириться. Ужас, столь милый сердцу творца, вызывает фигура хоккеиста, которая сбивает центр фасада куда-то вбок и просто донельзя диссонирует с традиционным образом «настоящего мужчины». Идите туда и смотрите — это уже свершившийся факт городского пейзажа.

— Лен, какой материал ты больше любишь?

— Нержавею, алюминий, стекло, мозаику.

— Ты занимаешься абстрактным творчеством?

— Нет. По-моему, я глубокий реалист, потому что говорю о тех вещах, которые я сама пережила.

— Работа и сын — это главное, что тебя занимает в жизни?

— Да, но прежде всего, конечно, любовь. Я же женщина. Походив по мастерской, ты всю мою жизнь узнаешь. Вопросы о том, что для меня главное, не будет.

Ирина ЛЮБАРСКАЯ

Елена Глазунова
«МАРФИНО»,
ПРОСТРАНСТВЕННАЯ КОМПОЗИЦИЯ
СО СВЕТОМ.
НЕРЖАВЕЮЩАЯ СТАЛЬ. СТЕКЛО.

ОБЛАСТНАЯ ФИЛАРМОНИЯ В БИРОБИДЖАНЕ.
КИНЕТИЧЕСКАЯ КОМПОЗИЦИЯ СО СВЕТОМ И
МУЗЫКОЙ.
АЛЮМИНИЕВАЯ ТРУБКА.

АЛЪЯНС

Акционерное общество
БАЛТИЙСКАЯ
МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ
БИРЖА

Самый западный регион России — Калининградская область — это единственный незамерзающий порт, связывающий Россию с Западной Европой.

ЭТО СВОБОДНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗОНА, где действуют:

- ❖ льготное налогообложение
- ❖ льготные таможенные пошлины.

Биржа «АЛЪЯНС» — это слияние государственных и акционерных предприятий различных регионов страны и Западной Европы с целью расширения контактов с европейскими государствами. АО Биржа «АЛЪЯНС» реализует акции и брокерские места.

Адрес: г. Калининград (обл.), пл. Победы, 1.

☎ (0112) 21-46-06, 21-27-70, 21-04-08.

Факс: (0112) 225-445,

☎ (095) 242-39-82.

21-3-198